

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара
С. А. Марзан

Адкажны рэдактар
Г. У. Клімовіч

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
І. А. Дзенісенка (Украіна)
С. Ц. Кавецкі (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
Г. У. Клімовіч (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
Б. М. Ляпешка (Беларусь)
Я. Мірановіч (Польшча)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
М. М. Чурылаў (Украіна)
Э. Ярмах (Польшча)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2022

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.01.2022 № 14
(са змяненнямі, унесенымі загадам ВАК ад 07.02.2022 № 25)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2022 г.
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Варич В. Н. Влияние информационных технологий на ценностное сознание молодежи	5
Зайцев Д. М. Религиозные обряды коренных народов Африки: истоки, традиция, особенности	11
Лысюк А. И., Соколовская М. Г. Философское осмысление женского образа в эпоху Просвещения (Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Ф. Вольтер).....	18
Люкевіч У. П. Кіберспорт, альбо Па той бок рэальнага спартыўнага быцця: суб'ектыўныя рэфлексіі з вандровак узвыш па прыступках, якія вядуць да долу	27
Никонович Н. А. Современный религиозный и мифологический дискурс в зеркале методологической рефлексии: концептуальное и проблемное поле	36
Севастов К. В. Феномен образования в контексте культуры постмодерна: кризисные тенденции и поиск путей их преодоления	47
Финслер О. В. Феномен паузы в изобразительном искусстве: гносеологические и темпоральные аспекты	53

ПАЛІТАЛОГІЯ

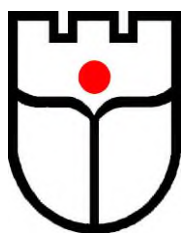
Ватыль В. Н. Межрегиональное сотрудничество Беларуси и ЕЭАС: особенности институционального регулирования и управления	60
Наумов Д. И. Интернет-мемы как инструмент социально-политической дестабилизации социума.....	67
Невар В. Н. Транспарентность и бюрократический контроль над информацией в государственных управленческих структурах	76
Слущкая Л. В. Контroversы идентичности в современном мире (на примере Корсики)	86
Хван Джон Хва. Политические взаимоотношения Республики Корея с Республикой Беларусь в период президентства Но Мухена (2003–2008 гг.).....	93
Худяков А. В. Проблема цикличности в природе и обществе в наследии философов Древней Греции	102
Юсупов П. В. Становление нормативно-правового регулирования и методов лоббистской деятельности (критический анализ на примере США)	109

САЦЫЯЛОГІЯ

Баньковская Ю. Л. Социальный капитал как информационный ресурс конфликтного взаимодействия сетевых структур.....	117
Беляева Е. В. Представления студентов специальности «компьютерная безопасность» о профессиональной и личной ответственности в Интернете	123
Сосновская Н. А. Представления молодежи об ответственном родителстве: социологический анализ.....	129
Смыкова Е. Ю., Воронина С. Н. Досуговые практики пожилых людей Беларуси в условиях цифровизации общества.....	137

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

Скакун Е. В., Климович А. В. Святослав Тихонович Кавецкий	146
--	-----

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief

A. M. Sender

Deputy editor-in-chief

S. A. Marzan

Managing Editor

H. U. Klimovich

N. A. Antanovich (Belarus)
 S. P. Anupryjenka (Belarus)
 V. M. Vatył (Belarus)
 M. M. Gromau (Russia)
 A. N. Grygarovich (Belarus)
 A. M. Danilau (Belarus)
 I. A. Dzenisenka (Ukraine)
 S. T. Kavetski (Belarus)
 V. M. Kamneu (Russia)
 C. S. Kirvel (Belarus)
 H. U. Klimovich (Belarus)
 P. P. Krus (Belarus)
 B. M. Lyapeshka (Belarus)
 J. Miranovich (Poland)
 D. G. Rotman (Belarus)
 A. V. Samylau (Russia)
 E. Y. Skakun (Belarus)
 M. M. Churylau (Ukraine)
 E. Yarmakch (Poland)
 Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
 by Ministry of Information
 of the Republic of Belarus
 nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
 224016, Brest,
 21, Kosmonavtov Boulevard
 tel.: +375-(162)-21-72-07
 e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
 «Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2022

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 28, 2022 nr 14 (with the amendments made by the order of Supreme Certification Commission from February 07, 2022 nr 25) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2022 in philosophical, political and social sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
 between Educational Establishment
 «Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» is placed on the platform eLIBRARY.RU and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Veronika Varich. The Influence of Information Technologies on the Value Consciousness of Young People	5
Dmitry Zaitsev. Religious Rituals of the Indigenous Peoples of Africa: Origins, Tradition, Features	11
Anatolij Lysiuk, Maria Sokolovskaya. Philosophical Consideration of the Female Image in the Age of Enlightenment (J.-J. Russo, C. Monteskie, F. Voltaire)	18
Uladzimier Lukievic. Cybersports. The Other Side of Actual Sports Life: Subjective View of Going up Downhill	27
Nataly Nikonovich. Modern Religious and Mythological Discourse in the Mirror of Methodological Reflection: Conceptual and Problematic Field	36
Kirill Sevastov. The Phenomenon of Education in the Context of Postmodern Culture: Crisis Trends and the Search of Ways to Overcome Them.....	47
Olga Finsler. The Phenomenon of Pause in the Visual Arts: Epistemological and Temporal Aspects	53

POLITOLOGY

Viktor Vatyl. Interregional Cooperation between Belarus and the EEA: Features of Institutional Regulation and Development	60
Dmitry Naumov. Internet Memes as a Tool of Socio-Political Destabilisation of Society	67
Valentin Nevar. Transparency and Bureaucratic Control over Information in Government Management Structures	76
Liudmila Slutskaya. Controverses of Identity in the Modern World (by the Example of Corsica)	86
Hwang John Hwa. Political Relations of the Republic of Korea with the Republic of Belarus During Roh Moo Hyun's Presidency (2003–2008).....	93
Andrei Khudyakov. Cycle in Nature and Society in the Heritage of the Philosophers of Ancient Greece	102
Pavel Yusupov. Establishment of Legal Regulation and Methods of Lobbying (Critical Analysis on the Example of the United States of America).....	109

SOCIOLOGY

Yuliya Bankouskaya. The Social Capital as an Information Resource of Network Structures Conflict Interaction	117
Elena Belyaeva. Representations of Students of the Specialty «Computer Security» on Professional and Personal Responsibility on the Internet	123
Natalya Sosnovskaya. Young People's Ideas about Responsible Parenthood: a Sociological Analysis ...	129
Evgeniya Smykova, Snezhana Voronina. Leisure Practices of the Belarusian Aged People in the Context of Digitalization of Society	137

IN MEMORY OF THE SCIENTIST

Skakun E. V., Klimovich A. V. Sviatoslav Kavetsky	146
--	-----

УДК 316.75

Вероника Николаевна Варич

канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета

Veronika Varich

*Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities
of the Brest State Technical University*

e-mail: varich@tut.by

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Проводится анализ влияния интернет-коммуникации и участия в деятельности сетевых сообществ на формирование и интериоризацию ценностей в сознании молодежи. Особое внимание уделяется таким особенностям интернет-общения, как мозаичность, лабильность, вариативность ценностных предпочтений, недостаточность рациональной аргументации в их обосновании. Рассмотрены характеристики общения в медиaprостранстве, которые связаны с медиатизацией личности и новыми формами социальной интеграции, социокультурные следствия которых могут иметь как ценностно положительный, так и ценностно отрицательный статус.

Ключевые слова: Интернет, коммуникация, сетевое сообщество, социальная сеть, ценностное сознание.

The Influence of Information Technologies on the Value Consciousness of Young People

The article analyzes the impact that Internet communication and participation in the activities of network communities has on the formation and internalization of values in the minds of young people. Particular attention is paid to such features of Internet communication as mosaic, lability, variability of value preferences, lack of rational argumentation in their justification. The characteristics of communication in the media space that are associated with the mediatization of personality and new forms of social integration, the socio-cultural consequences of which can have both value-positive and value-negative status, are considered.

Key words: Internet, communication, network community, social network, value consciousness.

Введение

Информационно-компьютерная революция, современный этап которой заключается в совмещении функций мобильного телефона и компьютера, находит выражение в небывалом расширении и облегчении доступа к информации, в появлении новых форм и способов коммуникации в виртуальной среде и в экспоненциальном росте влияния средств массовой коммуникации на становление и закрепление ценностей в мировоззрении подрастающего поколения. На модификацию ценностного сознания молодежи и его структуры в информационном обществе влияют по меньшей мере два существенных фактора. Один из них – это современные средства коммуникации и создаваемое ими медиaprостранство, второй – социокультурная среда, формируемая социальными сетями и системами мгновенного обмена информацией.

Целью данного исследования является анализ особенностей ценностного сознания молодежи, которые обусловлены участием в интернет-коммуникации и общением в сетевых сообществах.

Предмет исследования – влияние информационных технологий на ценностное сознание молодежи.

Интернет как средство свободной коммуникации

Молодежь как наиболее мобильная социально-демографическая группа активнее других социальных слоев реагирует на изменения в содержательном наполнении информационных потоков. Учитывая ускорение темпов развития информационных технологий, современные молодые люди едва ли не с младенческого возраста получают возможности доступа к готовым ответам на любой вопрос, зачастую даже не

требующие элементарной грамотности для постановки вопроса по любой теме. Такие возможности появились благодаря развитию глобальной информационной сети Интернет – ключевой технологии информационной эпохи. М. Кастельс называет эту эпоху галактикой Интернет (по аналогии с галактикой Гуттенберга у Маклюэна) и отмечает, что Интернет изначально создавался как средство свободной глобальной коммуникации, воплощающее культуру свободы и личного творчества. Ну а современная молодежь «воспринимает его как основное средство образования и личной коммуникации, инструмент профессиональной деятельности» [1, с. 3].

Сетевые структуры как средство организации людей существуют давно и отличаются от централизованных и вертикально организованных структур гораздо более высокой гибкостью и более развитыми способностями к адаптации. Вместе с тем любая сетевая организация сталкивается с проблемой координации функций в процессе постановки и достижения общей цели. Кроме того, на протяжении всей истории сети, как правило, охватывали сферу частной жизни людей, в то время как их экономическая, социальная и политическая деятельность координировалась и управлялась централизованными организациями. М. Кастельс раскрывает три важнейшие предпосылки появления таких сетевых структур, которые совмещали бы в себе все эти качества, т. е. оказались бы способны координировать действия множества людей, будучи при этом гибкими и динамичными. В первую очередь такой предпосылкой стало развитие сетевых структур в экономике и диверсификация производственных процессов, которые считаются важнейшими характеристиками постиндустриального общества. Вторую предпосылку Кастельс видит в демократизации западного общества, при которой ценность личности и открытая коммуникация приобрели важнейшее значение. И, наконец, третья предпосылка – беспрецедентный прогресс технических средств коммуникации, приведший к появлению персонального компьютера, а затем и мобильных телефонов, выполняющих его функции. «Детищем» всех этих процессов является Интернет – «коммуникационный медиум, который впервые сделал возмож-

ным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [1, с. 15]. Практически все экономические, социальные и политические процессы в настоящее время осуществляются с помощью Интернета или других компьютерных сетей. Информационные сети, таким образом, открывают невиданные возможности централизации в принятии решений и децентрализации в их выполнении, индивидуального самовыражения и универсальной коммуникации, частного общения и коллективных обсуждений.

Коммуникация как процесс активного обмена информацией между двумя или более участниками осуществляется в различных формах. Общение в формате «один одному» представляет собой взаимосвязь между двумя участниками, один из которых говорит, а второй слушает (читает), а в процессе общения они могут меняться ролями. Коммуникация в форме «один многим» – модель, реализуемая такими средствами массовой коммуникации, как пресса, радио и телевидение: массовая аудитория получает информацию от одного источника. Третья форма коммуникации осуществляется по принципу «многие одному». В «докомпьютерные» времена такая коммуникация осуществлялась, к примеру, в читальном зале библиотеки при подготовке к учебному занятию, экзамену или публичному выступлению. Компьютерные же базы информации обеспечивают огромное разнообразие источников данных, и человек может выбрать из них те, которые ему наиболее необходимы, благодаря доступу к информационным системам. Вследствие их развития появилась и еще одна форма коммуникации – «многие многим», реализуемая в общении различных пользователей Интернета, которые могут получать и отсылать данные отдельному человеку или обширной аудитории.

Интернет-коммуникация характеризуется такими особенностями, как вербальная активность, отсутствие общепринятого этикета общения, мозаичность и эмоциональность. В отличие от общения в реальной жизни коммуникация в виртуальной среде отличается большей открытостью, доверительностью, многообразием обсуждаемых проблем, возможностями индивидуального самовыражения и допуском ано-

нимностью участников. Вместе с тем современная модель общения открывает не только новые возможности социального и культурного взаимодействия, но и новые проблемы, связанные с тем воздействием, которое современные средства массовой информации оказывают на сознание человека: «Поскольку наша повседневная деятельность основывается на коммуникации, а Интернет видеоизменяет способ нашей коммуникации друг с другом, наша жизнь оказывается в сильной зависимости от этой новой технологии» [1, с. 17].

Наиболее наглядно это воздействие проявляется в изменениях, происходящих в повседневном общении людей. Общение, опосредованное Интернетом, выполняет те же функции, что и непосредственная коммуникация, но отличается от нее по ряду признаков. В частности, формируется особый язык виртуальной коммуникации, который дополняет текстовые сообщения сетевыми инструментами, способными передать эмоции и чувства, – разного рода значками, сокращениями, сочетаниями букв и словосочетаниями, заменяющими просодические и кинесические средства непосредственного общения. Языковые особенности интернет-коммуникации переходят в разговорную речь, которая невозможна без сочетания вербальных и невербальных средств общения: «В результате разговорная речь молодежи скудеет, прежде всего, в лексическом отношении, словарный запас ограничивается. Мы наблюдаем, как люди начинают испытывать явное затруднение в выражении своих мыслей и чувств» [2, с. 213].

Наряду с влиянием интернет-коммуникации на язык повседневного общения ее важнейшим следствием является медиатизация идентичности, заключающаяся в тех существенных изменениях, которые привносят информационные технологии в процессы выстраивания индивидуальности. Самоосознание в процессе общения в формате «один одному» или «многие одному» замещается «медиатизированным производством самости, где особая роль отводится медиопосредникам, организующим коммуникацию определенным образом и направляющим ее по каналам связи коммуникантов друг с другом» [3, с. 51]. Как отмечает Н. С. Ильюшенко, для обозначения нового вида самоидентификации применяются раз-

личные термины: контекстуальная, дрейфующая, мобильная, текучая, медиатизированная идентичность, – каждый из которых указывает на ее аморфность и динамичность. В информационном пространстве индивид не определяет свое «я» через принадлежность к устойчивому сообществу, а стремится показать себя в каком-либо образе, который был бы замечен и одобрен в медиaprостранстве. Общественное мнение, значимое для личности, преобразуется в постоянный «присмотр» за репликами, постами, фотографиями и короткими видеороликами («сториз») со стороны участников интернет-коммуникации. Непременным условием выстраивания идентичности в таком случае становится публичность – возможность трансляции созданного образа за пределы локальной социальной группы благодаря широкому распространению приватной информации. Образ, демонстрируемый на публике (пусть и виртуальной), всегда имеет временный и ситуативный характер, связанный со стремлением соответствовать требованиям моды и востребованности. Человек в медийном пространстве – скорее персонаж, чем личность с осознанным и устойчивым «я». Однако и чистой симуляцией такой персонаж не является: созданные в Сети образы могут переживаться и проживаться человеком как элементы его подлинной идентичности [3].

Медиакультура, с одной стороны, увеличивает степень свободы и вариативность саморепрезентации, позволяет выбирать способы, формы и объем представления себя в медиaprостранстве, многократно увеличивает количество возможных каналов коммуникации.

С другой стороны, само медиaprостранство во многом определяется теми ценностными установками и стратегиями, которые реализуют каналы коммуникации, чья тенденциозность зачастую вызывает неприятие не только у представителей властных структур, но и у рядовых участников сетевого общения. Кроме этого, персонализация в социальных сетях и постоянный мониторинг своей представленности в них для многих молодых (и не только) людей в настоящее время является одним из важнейших условий осознания собственной значимости.

Социальные сети и их влияние на ценностное сознание молодежи

М. Кастэльс выделяет четыре подсистемы в культуре Интернета: техномеритократическую, культуру хакеров, культуру виртуальной общины и предпринимательскую культуру [1, с. 53]. Образуя определенную иерархию, эти подсистемы активно взаимодействуют: к примеру, виртуальные сообщества приносят социальное измерение в техническое развитие Сети путем взаимодействия и символического единения внутри группы. Техномеритократическая элита, со своей стороны, обеспечивает открытость сетевых структур – важнейшее условие социальных контактов и расширения Интернета за счет действий рядовых пользователей. Техническая элита по большому счету действует в просветительских традициях совместных занятий наукой, поэтому высшей ценностью для нее становится техническое открытие, а высшим авторитетом – тот деятель, который внес личный существенный вклад в развитие Интернета. Целевым проектом для этой подсистемы Интернета является «создание и совершенствование глобальной (а в будущем даже вселенской) электронной системы коммуникации, способной объединить компьютеры и людей в одно симбиотическое сообщество, которое будет экспоненциально развиваться на основе интерактивной связи» [1, с. 55].

Тем не менее культурные источники Интернета не сводятся к ценностям технократии, а связаны с деятельностью виртуальных сетевых сообществ, которая вырабатывает его социальные формы и правила. Несмотря на то что единой общинной культуры в Интернете не существует, многочисленные и разнообразные (как по содержанию разделяемых ценностей, так и по выполняемым функциям) виртуальные сообщества имеют общие ценности. Одной из них является ценность свободной коммуникации: «Практика виртуальных сообществ представляет собой практику глобальной свободы слова в эпоху господства медийных конгломератов и цензур государственных бюрократий» [1, с. 73]. Вторая общая ценность – самоорганизация сетевых сообществ, т. е. возможность для каждого участника группы найти свое место в ней или создать новое и тем самым инициировать появление еще одного сообщества. Эти цен-

ности лежат в основе новой модели взаимодействия, в которой произошло окончательное разделение месторасположения и социальности: контакты имеют избирательный характер и не основываются на территориальных связях. Иными словами, виртуальное сетевое сообщество отличается от досетевого сообщества тем, что составляющие его люди не проживают в одном месте, но сходно с ним в том, что «ему свойственны чувство сопричастности и связи, основанные на понимании, согласии и единстве языка» [4, с. 78].

Принципиальной особенностью сетевого сообщества является также его динамичность – оно быстро формируется и преодолевает территориальную разобщенность людей, в нем быстрее появляются новые ценности и идеи. В то же время Интернет можно охарактеризовать и как глобальное коллективистское общество, для которого (в отличие от других форм коллективизма) характерны индивидуальная автономия и децентрализация. Координация усилий в сетевом сообществе строится в определенной последовательности: от обмена частной информацией к кооперации, сотрудничеству и коллективизму. Е. Ю. Патяева выделяет позитивные и негативные эффекты такого сотрудничества. К числу положительных эффектов она относит, во-первых, легкость организации коллективных действий и в силу этого увеличение значимости каждого участника сообщества; во-вторых, упрощение доступа и расширение круга общения с друзьями, родственниками, коллегами и просто с людьми, имеющими сходные интересы; в-третьих, освобождение людей от идеологических стереотипов. Среди отрицательных эффектов она выделяет сиюминутность коммуникации и отсутствие возможности осмыслить непрерывно поступающую информацию: «Живя в режиме “всегда на связи”, человек реагирует на непрерывный поток информации, порождаемый другими людьми, и лишается контакта с собственной жизнью» [4, с. 87]. Вследствие такой коммуникации способность человека иметь собственное мнение, инициировать свои действия и реализовывать их уменьшается, а Интернет выступает как своего рода коллективный усилитель.

Сетевые сообщества с этой точки зрения могут выполнять роль позитивного уси-

лителя, когда способствуют распространению полезных идей и изобретений или сплачивают людей для решения сложной задачи, но могут и выступать в качестве негативного усилителя, подкрепляя социальные предрассудки, подозрительность, конспирологические теории или кампании по преследованию отдельных общественных деятелей или целых социальных групп по вымышленным или непроверенным обвинениям. Как и любая новая технология, нашедшая массовое применение, Интернет требует определенных компетенций от участников коллективного общения, которым необходимо научиться избегать групповой сегрегации и поляризации, грамотно управлять своим вниманием в потоке информационных и коммуникативных взаимодействий, культивировать состояния сосредоточенности в противовес бездумному и неупорядоченному дрейфу в виртуальном пространстве.

Таким образом, виртуальная коммуникация может и выступать в качестве ценного социального ресурса, и создавать определенные социальные риски для ее участников: возможность вхождения в референтные группы и осознания своей уникальности с одной стороны и «подгонка» качеств своей виртуальной личности для признания в группе с другой; снятие социальных барьеров и открытое взаимодействие с одной стороны и погружение в «несобственные» виртуальные миры с другой; возможность управлять процессом общения и создавать желаемое впечатление с одной стороны и зависимость от множества виртуальных знакомых с другой. Преодоление социального одиночества и дефицита общения, возможное благодаря интернет-коммуникации, сопровождается заменой личных отношений поверхностными контактами, а расширение психологического опыта внутри Сети – сложностями в ситуациях реального общения.

Продолжая разговор о влиянии социальных сетей на пользователей Интернета, можно назвать несколько основных функций, которые выполняют сетевые сообщества: 1) коммуникационная (участники сетей делятся информацией и подробностями личной жизни, кооперируются в достижении тех целей, которые невозможно достичь в одиночку); 2) информационная (генерация потока релевантных данных, в котором пользователи поочередно выступают созда-

телями и потребителями); 3) социализирующая (достижение желаемого признания и статуса в социальной группе); 4) функция самоактуализации (возможность продемонстрировать свои профессиональные знания и личные качества перед широкой аудиторией); 5) развлекательная (связана с теми положительными эмоциями, которые участник сообщества получает при просмотре контента или в процессе игры). Функционирующие таким образом социальные сообщества существенным образом влияют на содержание и структуру ценностного сознания молодежи.

Если во времена до формирования «галактики Интернет» первичная социализация происходила в семье, а ее следующий этап осуществлялся в общеобразовательной школе со вполне определенными идеологическими и ценностными установками, то в настоящее время и первичная, и последующая социализация осуществляются при непосредственном воздействии информационных технологий. Формирование общего информационного пространства и социальных сетей и свойственные для них открытость, динамичность, ситуативность и способность к самоорганизации способствуют фрагментации системы социальных взаимодействий и диверсификации каналов, по которым осуществляется социализация. Социальное признание и самоидентификация основывается не только (и не столько) на авторитетных мнениях идейных лидеров, выдающихся мыслителей, наставников или родителей, но и на том признании или непризнании, которое молодые люди получают в социальных сетях. Нормы и ценности, складывающиеся внутри виртуального сообщества, изначально имеют ситуативный характер и подвержены негативно или позитивно усиливающему воздействию коллективного мнения, зачастую не подкрепленного никакими рациональными аргументами, что может привести (и приводит) к массовым кампаниям в поддержку или против чьих-либо действий или взглядов. В таком случае формирование устойчивой системы ценностей и основанной на ней мотивации поведения оказывается весьма затрудненным, поскольку агенты социализации чрезвычайно разнородны и многочисленны. Аксиологический и гносеологический плюрализм, свойственный медиапространству, способствует

распространению ценностей личной свободы, открытого и свободного выражения своего мнения, а также создает благоприятную почву для дальнейшего развития «клипового» сознания и мозаичной культуры.

Заключение

Интернет как «глобальный коммуникативный медиум» способствует распространению ценностей открытого общения, свободы слова, самовыражения и личного творчества. В качестве сетевой структуры Интернет сочетает характеристики централизации и децентрализации, универсализма и индивидуализма, приватности и публичности. Развитие интернет-коммуникации сопровождается процессом медиатизации идентичности, которая выражается в замещении (или дополнении) традиционных форм достижения социального статуса и социального признания теми формами одобрения, которые возможны в сетевом сообществе. Ценности и нормы сетевых сообществ, в свою очередь, во многом зависят от тех ценностно-целевых установок, которые имеются у создателей социальных сетей. Динамичность

и открытость коммуникации, свойственные интернет-общению, имеют положительные и отрицательные эффекты, которые находят выражение в особенностях ценностного сознания молодежи. К числу таковых можно отнести: 1) невыраженность или отсутствие ценностной иерархии и основанной на ней рационально аргументированной мотивации поведения; 2) зависимость ценностных установок от подтверждения статуса в сетевых сообществах; 3) подверженность растущему положительному или отрицательному влиянию социальных сообществ на различные социальные явления, события, личности, поступки; 4) трудности при формировании собственных оценок и мнений. Однако благодаря интернет-коммуникации в ценностном сознании молодежи закрепляются такие ценности, как готовность к общению не только с единомышленниками, но и с другими участниками обсуждений, свободное выражение своей позиции и осознание того, что по различным вопросам социальной и личной жизни возможны различные мнения, каждое из которых имеет право на существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 328 с.
2. Шарипова, В. А. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка / В. А. Шарипова, М. А. Елинсон, О. С. Исхакова // Вестн. Башкир. ун-та. – 2019. – Т. 24, № 1. – С. 210–213.
3. Ильюшенко, Н. С. Медиатизация идентичности: возможности и риски самоконструирования / Н. С. Ильюшенко // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 30 нояб. – 2 дек. 2018 г. – М. : Неолит, 2018. – 176 с.
4. Патяева, Е. Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» / Е. Ю. Патяева // Ин-т психологии Рос. акад. наук. Соц. и экон. психология. – 2018. – Т. 3, № 2 (10). – С. 74–109.

REFERENCES

1. Kastel's, M. Galaktika Internet: razmyshlienija ob Internete, biznesie i obshchestvie / M. Kastel's ; pier. s angl. A. Matviejeva. – Jekatierinburg : U-Faktorija, 2003. – 328 s.
2. Sharipova, V. A. Internet-kommunikacija: novyje vozmozhnosti i sposoby oposriedovannogo obshchienija ili diegradacija jazyka / V. A. Sharipova, M. A. Yelinson, O. S. Iskhakova // Viestn. Bashkir. un-ta. – 2019. – T. 24, № 1. – S. 210–213.
3. Il'jushenko, N. S. Miediatizacija identichnosti: vozmozhnosti i riski samokonstruirovaniija / N. S. Il'jushenko // Miediatizacija kul'tury: konstruirovaniije novykh tiekstov i praktik : materialy Miezhdunar. nauch. konf., Moskva, 30 nojab. – 2 diek. 2018 g. – M. : Nieolit, 2018. – 176 s.
4. Patiajeva, Ye. Yu. Internet-soobshchestva kak novaja social'naja riel'nost': psikhologichieskije zadachi «chielovieka sietievogo» / Ye. Yu. Patiajeva // In-t psikhologii Ros. akad. nauk. Soc. i ekon. psikhologija. – 2018. – T. 3, № 2 (10). – S. 74–109.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 28.03.2022

УДК 297.17 (091)

Дмитрий Михайлович Зайцевканд. филос. наук, доц., проф. каф. гуманитарных наук
Белорусской государственной академии связи**Dmitry Zaitsev**Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities
of the Belarusian State Academy of Communications

e-mail: mdizaj@tut.by

**РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АФРИКИ:
ИСТОКИ, ТРАДИЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ**

Рассматриваются поклонение и религиозные обряды аборигенов Африки. Религиозные ритуалы, возникшие еще в глубокой древности и частично сохранившиеся до наших дней, и сегодня в той или иной степени соблюдают миллионы жителей Черного континента. Анализируются вопросы возникновения и развития культовых явлений. Многочисленные примеры показывают разнообразие и важность системы обрядов и ритуалов в религиях африканцев. Отмечается, что деятельность и наследие жрецов являются значимым материалом для изучения культуры африканских народов. Выделяются наиболее посещаемые религиозные объекты, в первую очередь святилища, места захоронения духовных авторитетов и объекты природы. Для миллионов африканцев трепетное отношение к предметам поклонения является исполнением воли предков.

Ключевые слова: Африка, религия, божество, культ, ритуал, обряд, духи.

Religious Rituals of the Indigenous Peoples of Africa: Origins, Tradition, Features

The article deals with the worship and religious rites of the natives of the African continent. Religious rituals that originated in ancient times, but partially preserved to this day, are still observed to one degree or another by millions of inhabitants of the Black continent. The issues of origin and development of cult phenomena are analyzed. Numerous examples show the diversity and importance of the system of rites and rituals in African religions. It is noted that the activities and heritage of the priests are significant material for studying the culture of African peoples. The most visited religious sites are singled out: first of all, sanctuaries, burial places of spiritual authorities and objects of nature. For millions of Africans, a reverent attitude towards objects of worship serves as the fulfillment of the will of their ancestors.

Key words: Africa, religion, deity, cult, ritual, rite, spirits.

Введение

Религиозность занимает центральное место в жизни африканцев и пронизывает все сферы их существования. Сложно найти местного жителя, который был бы индифферентен к сверхъестественному. К тому же местная мифология обычно изображает космос антропоморфно. Человеческое тело – это микрокосм, вобравший в себя те же первичные элементы и основные силы, из которых состоит Вселенная [1].

На Черном континенте наряду с традиционными африканскими религиями существуют два основных вероисповедания – ислам и христианство. Имеются общины и других религий, таких как индуизм, сикхизм, иудаизм. Ислам широко распространен в Северной и Западной Африке, в прибрежных районах Восточной Африки, в то время как христианство более популярно в Юж-

ной Африке, внутренних районах Восточной Африки, Центральной Африке и прибрежных районах Западной Африки. За исключением Северной Африки, различные традиционные африканские религии исповедуются по всему континенту, часто параллельно с христианством и исламом. Они отражают культурное разнообразие примерно двух тысяч африканских обществ.

Следует отметить, что любая попытка обобщить природу «африканских религий» может привести к ложному выводу, что среди всех африканских культур существует однородность. На самом деле Африка – это огромный континент, характеризующийся широким культурным разнообразием. Каждая из более чем пятидесяти современных стран, представленных на карте континента, имеет свою особую историю многочисленных этнических групп с разными языка-

ми и уникальными обычаями и верованиями. Тем не менее длительные культурные контакты, торговля и завоевания сформировали некоторые фундаментальные общие черты между религиями в пределах субрегионов [2].

Цель исследования – выявить особенности обрядов и ритуалов в религиях африканских народов, показать влияние исторических, географических, культурных факторов на их формирование. Собранный материал может быть полезен для налаживания дружественных отношений со странами Африки, представителями африканских общин, проживающих во многих странах мира.

Основная часть

Адепты многих африканских религий полагают, что есть один Бог-творец – создатель динамичной вселенной. Приведя мир в движение, Высшее Существо удалилось от него и не заботится о человеческой жизни. Согласно мифу народа динка Южного Судана, Бог ушел из мира после того, как первая женщина самостоятельно приготовила себе пищу. Подобную историю можно найти и у других народов. Она разъясняет, что, хотя этот уход привел к тяжелому труду, болезням и смерти, он освободил людей от ограничений, налагаемых непосредственным контролем со стороны Бога.

Несмотря на веру в Высшее Существо, культы такого Бога в некоторых африканских религиях отсутствуют. Молитвы, прошения и жертвоприношения обращены главным образом к второстепенным божествам, которые ассоциируются с посланниками и посредниками между человечеством и Высшим Существом. Например, в Западной Африке среди народа асанте в Гане наиболее важным аспектом ритуальной жизни является почитание предков по материнской линии, которых считают хранителями морального порядка. Согласно мифологии догонов в Мали, Бог Амма сотворил мир, но основной культ обращен, скорее, на Номмо – первобытных существ и первых предков народа. В Нигерии йоруба полагают, что Всемогущий Творец Олорун руководит пантеоном второстепенных божеств ориша, по отношению к которым жрецы совершают ритуальные действия. Точно так же в районе Великих озер в Восточной Африке Верховное Существо Мулунгу называ-

ют вездесущим, но его не принято беспокоить, поэтому обращаются в первую очередь к родовым божествам. У нуэров Южного Судана к Богу адресуются просьбы только после того, как исчерпаны все возможности воззвания к второстепенным божествам [2].

Африканские религии делают упор на поддержание гармоничных отношений с божественными силами, пытаясь направить их во благо. Святыни местных племен, как правило, не представляют собой весьма внушительных или даже постоянных сооружений. Отношения с божествами традиционно поддерживаются посредством молитв, жертвоприношений, в т. ч. кровавых. Пролитие крови во время ритуального жертвоприношения предшествует большинству церемоний, в которых испрашиваются благословения предков или божеств.

Предки служат посредниками между земным и небесным, предоставляя доступ к духовной силе. Но смерть не является достаточным условием для того, чтобы стать предком: Этот статус имеют только те, кто прожил долгую жизнь, придерживался моральных ценностей и добился общественного признания. Считается, что предки наказывают болезнями или несчастьями тех, кто нарушает моральный порядок.

Особые религиозные ритуалы обычно проводятся на различных стадиях жизни человека: при половом созревании, свадьбе, смерти. Обряды посвящения позволяют новичку обрести новую социальную роль. Традиционными и широко распространенными обрядами инициации можно назвать обрезание и клиторидэктомия. Космогонические мифы связывают операцию с повторением первобытных действий, способствующих плодovitости, подчеркивают священный статус секса и плодородия.

Примечательна система возрастных инициаций у бамбути. Мальчиков обрезают, а также подвергают тяжелым испытаниям: их запугивают плясками в страшных масках, бьют, мажут нечистотами, заставляют часами лежать неподвижно. При этом жрец повторяет моральные заклинания, приобщая неофитов к магической силе, необходимой охотнику [3, p. 85].

Инициация также включает в себя постепенное накопление знаний о природе и использовании священной силы. Как пример можно привести тайное общество ман-

де, распространенное в Либерии, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуаре, Гвинее. Манде иницирует девочек, обучая их бытовым навыкам, сексуальному этикету, религиозному значению женской силы. Используемая при этом священная маска духа Сово, созданная обществом, представляет собой иконографическое изображение объединения женщин и духов воды и свидетельствует об их творческой силе. Маски неизменно считаются важной частью ритуала во многих африканских религиях, т. к. зачастую выполняют роль предков, героев, богов и сохраняют космический порядок [2]. Маски и статуэтки и сегодня широко применяются жителями Африки: к примеру, маски со спокойными лицами и закрытыми глазами, обычно изображающие умерших родственников, использовались на похоронах либо поминках, напротив, устрашающие маски надевались при охоте за нечистой силой [4, р. 11].

Показательны в этом плане обряды жителей западного побережья Африки. Так, различные ритуальные предметы Чивара народа бамбара в Мали традиционно изображаются в форме фигуры антилопы, воплощающей дух, научивший людей основам сельского хозяйства. Старейшины повелевают изготовить маску Чивары, чтобы чтить его за то, что он обучил людей обрабатывать землю. Маска предназначена для членов племени, которые стали лучшими и самыми быстрыми работниками. Это большая честь носить маску и отплясывать церемониальный танец Чивара. Танец, сопровождающийся религиозной символикой, олицетворяет плодородие, размножение, умиротствление духов и предков, также он несет в себе моральные уроки и передает благодарность Чиваре [5, р. 26].

Необходимо отметить, что у народов Африки широко распространен тотемизм, причем в качестве тотема чаще всего выступают местные животные. Бечуаны практикуют особые тотемические пляски. Батокка, чтобы походить на быка, выбивают себе передние зубы. Магические обряды бамбути можно назвать тотемическими, они в первую очередь связаны с охотой. Охотники обращаются с молитвой к лесному духу Торе, хозяину лесной дичи. Поэтому запрещено употреблять в пищу мясо тотемного животного. На континенте особо почитается леопард, также в разных регионах обна-

руживается культ змей. Например, в Дагомее был построен храм змей, где содержались десятки пресмыкающихся, а в области Уйда находилось святилище питонов, за змеями ухаживал специально обученный жрец.

Множественность обрядов и культов в Африке связана в первую очередь с доминирующими политеистическими взглядами коренного населения до прихода сюда монотеистических религий. А. Эллис писал о культе аграрных божеств-покровителей: «Каждый поселок, деревня, округа имеют своих местных духов или богов, повелителей рек и ручьев, холмов и долин, скал и лесов, называя их бохсум» [6, р. 12].

Интересен африканский обычай истязания фетишей ради побуждения их к действию. Иногда в фетиш вбивают гвозди, предполагая, что, испытывая боль, фетиш лучше сделает то, о чем его просят [7, с. 151]. Наряду с небесными, подземными, морскими богами предметом культа у народов Африки были горные вершины: так, джагга весьма почитали гору Килиманджаро.

Ритуальный контакт между верующим и божеством зачастую происходит в состоянии одержимости. Техники, способствующие этому измененному состоянию сознания, варьируются от вдыхания паров лекарственных препаратов до ритмичного пения, игры на барабанах и танцев. Эта практика обычно предназначена для жрецов и священников, но иногда, как это принято в Бенине, избранный племенем сородич может стать вместилищем богов. Одержимых окружают духи, которые подчиняют людей своему контролю, и лишь затем начинается диалог. Контакт с божествами не всегда бывает прямым, посредниками могут служить прорицатели. Например, жрецы йоруба практикуют одержимость и носят посохи, символизирующие их доступ к силе бога грома Шанго. Авторитетный прорицатель считается священной фигурой, его ритуальная чистота гарантирует порядок в мире [2].

Прорицатели – знатоки ритуалов, общающиеся волю божеств. Очевидно, они обладают даром ясновидения. Одним из центральных элементов африканских религий называют ритуал гадания, открывающий канал посредничества с богами. Считается, что ведьмы располагают силой, превосходящей силу предков. Однако их сила зачастую опасна, ее необходимо контроли-

ровать. Ритуальные маскарады йоруба – один из способов контролировать ведьм. Несчастья нередко объясняются колдовством, а ведьмы рассматриваются как силы зла, даже если они и не подозревают о том зле, которое творят. Для борьбы с несчастьями, причиняемыми ведьмами, с целью изгнания нечистой силы знахари применяют защитные лекарства и амулеты.

В «Золотой ветви» Дж. Фрэзера подробно описан культ вождей [8]. Когда вождь умирал, он становился предметом племенного или общенародного поклонения, за него молились, приносили жертвы, в т. ч. человеческие. В Бенине на протяжении долгого времени существовал обычай при погребении главного жреца зарывать вместе с ним и тела слуг. Религия бушменов предполагала веру в загробную жизнь и боязнь умерших. Соответственно, осуществлялись особые обряды захоронения покойников в землю, сопровождавшиеся молитвами к солнцу, луне, звездам и сверхъестественным существам. При этом имеются свидетельства, что бушмены верили во вредоносную магию, сны, боялись грозы [9, с. 264].

Старейшины являются последней инстанцией для членов племени, им полностью доверяют, т. к. предполагают, что ими руководят духи предков. В традиционной африканской религии община считается самой важной частью жизни человека. Это общество состоит из людей, которые помнят и разделяют одни и те же традиции. Индивид существует только внутри сообщества, а изгнание из него иногда хуже смерти. Религия в африканских обществах поддерживает моральный порядок, что создает ощущение безопасности.

В большинстве традиционных африканских религий есть свой духовный лидер. Этот человек необходим для светского и религиозного выживания сообщества. Так, в культуре зулусов присутствуют сангомы, занимающиеся исцелением и «гаданием». Согласно легенде, народные целители должны быть призваны предками. Они проходят строгую подготовку и учатся многим навыкам, в т. ч. тому, как использовать травы для лечения.

Авторитетом всегда пользовались храмовые жрецы племени, главным образом отвечавшие за обряды вызывания дождя. Среди функций таких жрецов были обряды

военной магии, принесение жертв божествам войны. Жрецы участвовали в судебных делах, применяли магию для установления виновности или правоты спорящих сторон. Колдуны и знахари лечили больных, в т. ч. с помощью гаданий и предсказаний, некоторые применяли способы шаманского камлания, доводя себя до экстаза яростными плясками [10, с. 99–100].

Определенное место в религиях народов Африки занимают кузнецы, которые молотом могут наслать порчу на своего врага. Вследствие этого кузнецов зачастую сторонились, боялись подходить к ним во время работы. Но созданные ими продукты всегда были в цене. У джагга железные изделия служат амулетами-оберегами.

Особое развитие в Африке получили тайные религиозные союзы. Члены союзов, изображая духов, наряжаются в страшные костюмы и надевают маски, устраивают пляски и разные представления, запугивают население. Союз Эгбо в Камеруне даже возглавлял король, он разрешал споры и взыскивал долги, изображая духа Идем. В области Габун широкую известность получил тайный союз ужасного лесного духа Нда. Союз Огбони йорубов знаменит своими жуткими нарядами и масками. У мандингов был популярен дух Мумбо-Джумбо, запугивающий женщин. Союз Нгуа обладал таким влиянием, что помогал заключать мир между враждующими племенами.

Наиболее характерная черта большинства религий народов Африки – культ предков. Духи предков – существа, покровительствующие семье и роду. Но они не всегда добры и отзывчивы, зачастую требуют жертв и поклонений. Болезни и несчастья нередко приписываются духам предков чужих родов. К примеру, скотоводческий народ тхонга в Южной Африке почитает души умерших, причем как с отцовской, так и с материнской стороны. Культ этих духов, можно сказать, семейный. Старший в семье мужчина совершает торжественные жертвоприношения на свадьбу, при тяжелой болезни близкого. Тхонга верят, что умерший хочет, чтобы о нем заботились, за невнимание к себе сердится и наказывает, являясь не только во сне, но и наяву в виде животных [11, р. 166]. Похожий культ предков исследователи обнаружили и у народа джагга, проживающего в Восточной Африке, кото-

рый особо почитает духи недавно умерших предков, т. к. они покровительствуют семье.

Согласно верованиям, предки участвуют во всех важных событиях человека (рождение и смерть, свадьба, получение работы, окончание университета). Во время этих мероприятий обычно совершаются подношения, чтобы угодить им, почтить и поблагодарить прародителей: по традиции забивают корову, овцу или курицу, а предков настойчиво призывают принять подношение и благословить собрание [1].

Хотя традиционная африканская религия и признает Верховного Бога, последователи, как уже было сказано, обычно не поклоняются ему или ей напрямую, поскольку не чувствуют себя достойными. Вследствие этого они просят предков общаться с Всевышним от их имени. К Верховному Существо обращаются во времена великих трудностей и нужды, таких как засуха или эпидемия, угрожающих всему обществу. Поклонение предкам и вера в них считаются продолжением веры и уважения к старшим. Последователи традиционной африканской религии полагают, что предки таким образом поддерживают духовную связь со своими живыми родственниками. Большинство духов предков, как правило, добрые, но иногда определенные духи порождают легкие болезни, чтобы предупредить людей о том, что они встали на неправильный путь. Ради умиловления предков обычно совершаются подношения пива, мяса, фруктов и других продуктов в зависимости от региона [1].

Мир духов находится в центре верований многих африканских религий. Они часто выполняют те же задачи, что и ангелы или демоны в мировых религиях, и, как отмечалось, имеют значительное влияние на жизнь людей. Добрые духи защищают от несчастий, болезней, помогают детям, даже защищают домашних животных. В большинстве африканских религий хорошее поведение означает применение ценностей, сложившихся в культуре или обществе: участие в религиозных обрядах, уважение к семье, соседям и обществу. Неправильное поведение заставляет добрых духов отступать. Результатом этого могут быть болезни, смерть, засуха и другие несчастья.

Добрых духов можно разделить на два типа: человеческие духи и духи приро-

ды. Часто в их честь создавались святилища, которые больше похожи на надгробия в христианской или еврейской традиции. Духи природы не менее важны, они живут на небе, в горах, камнях, деревьях, реках и контролируют их. В частности, водные духи имеют власть над рыбой, небесные обладают властью над дождем и поэтому особенно значимы для сохранения и умножения сельскохозяйственных культур и домашних животных. Люди, чтобы обеспечить свое выживание и стать счастливыми, часто совершают религиозные обряды и церемонии, в т. ч. и по отношению к духам. Некоторые духи, особенно злые, могут жить в местах не всегда священных и почитаемых. Страндания и несчастья отдельных лиц или семей являются результатом вмешательства в их жизнь именно такого злого духа [1].

Особое влияние на развитие религиозной жизни африканских народов оказали мировые монотеистические религии. Ислам и христианство в определенный период стали доминирующими вероисповеданиями на севере, юге и во многих прибрежных регионах Африки, постепенно проникли и вглубь Черной Африки. При этом зачастую население усваивало лишь внешнюю форму как мусульманской, так и христианской религии, простейшие их обряды, но сохраняло свои прежние верования и традиции. Возникли новые секты, например, полумусульманские-полуязыческие. Взаимодействие христианства и местных религий также привело к появлению своеобразных сект, пророческих движений, реформированных христианско-языческих культов [7, с. 164–165].

В отличие от местных религиозных систем Африки, которые создаются и поддерживаются сообществом, христианские пророческие движения чаще всего организуются вокруг отдельного человека. Но они похожи на местные африканские религии тем, что занимаются исцелением. Например, в Демократической Республике Конго в 1921 г. Саймон Кимбангу создал организацию, где с помощью публичных исповедей, экзорцизма и очистительных крещений добивались выздоровления. Кимбангистская церковь, несмотря на гонения, в итоге была признана государством, а к концу XX в. она имела более четырех миллионов приверженцев. Основатель еще одного популярного религиозного движения Уильям Уэйд

Харрис также провозгласил себя пророком-целителем, утверждал, что архангел Гавриил посетил его в тюрьме в Либерии. Его последователи основали ряд независимых харристских церквей в Западной Африке.

Популярные неотрадиционные движения сохраняют элементы местных африканских верований и ритуалов и в контексте христианской литургии. Эти синкретические религиозные движения включают в себя важные аспекты африканского религиозного опыта, такие как практика секретности, характерная, например, для обществ Санде в Западной Африке. Санде принимают основные верования местных религий, не отрицают вмешательства в жизнь людей духов предков. Еще одним примером может служить движение Бвити, которое зародилось в Габоне и объединило традиционные культы предков с христианской символикой и теологией [2].

За последнее столетие влияние коренных африканских религий на континенте резко сократилось в силу колонизации, проникновения западной культуры и активного распространения ислама и христианства. В африканских диаспорах, особенно в Америке, напротив, быстро растет число последователей верований африканского происхождения [12]. Развитие африканской религиозной традиции в Америке произошло, в частности, на Карибских островах, в Бразилии, в меньшей степени в Мексике. Религии африканского происхождения, как оказалось, обнаруживают много поразительного сходства с местной верой американских индейцев, шаманизмом. Многие практики легко перемешиваются. К примеру, западноафриканские религии йоруба и фо породили множество новых религий в афроамериканском регионе, которые теперь также называются «комплексом ориша». Ориша в зависимости от ситуации могут быть и трансцендентными, и имманентными духовными существами [13]. Исследователи африканских религий отмечают, что именно традиционные верования Черного континента легли в основу религии вуду, широко представленной в Карибском бассейне, и кандомбле, распространенной в Бразилии.

Заключение

Религии африканских народов представляют собой весьма пеструю картину: от отсталых охотничьих племен бушменов и пигмеев, земледельческо-скотоводческих народов Черной Африки до развитых цивилизаций Северной Африки: Египта, Карфагена, Нумидии, Мавритании [7, с. 140]. Для них характерны такие черты, как тотемизм, фетишизм, анимизм, магия, культ предков, культ вождей, вера в духов.

В преданиях большинства народов присутствует Бог-творец, но он описан чаще всего в парадигме деизма, как, например, Олодумаре в религии йоруба, создавший мир, на затем «удалившийся на покой». Хотя у многих племен есть четкое представление о потусторонней жизни, такие понятия, как рай, чистилище, ад, встречаются крайне редко. Также имеется мало свидетельств о пророках и священных писаниях. Важными элементами религий коренных народов Африки можно назвать обряды инициаций, игру на музыкальных инструментах, ритуальные танцы, ношение специфических масок, изготовление статуэток.

Традиционная африканская религия во многом основана на устных традициях, основные ценности и образ жизни передаются от старших поколений к младшим. Зачастую эти традиции во многом являются не религиозными принципами, а культурной самобытностью, которая представляется через истории, мифы и сказки [1]. Этнографические исследования показывают, что африканские традиционные религии раскрывают сложные отношения вероисповеданий с политикой, экономикой и социальной структурой. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи о религии в журналах «Африка» (Лондон), «Cahiers d'Études Africaines» (Париж), «Журнал религии в Африке» (Лейден, Нидерланды) [14].

Несмотря на отмеченное снижение роли африканских религий на континенте, они все же продолжают существенно влиять на повседневную жизнь населения, а также культурную, экономическую и политическую сферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. African traditional religion [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sahistory.org.za/article/african-traditional-religion>. – Date of access: 14.02.2022.

2. African religions [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/African-religions>. – Date of access: 14.02.2022.
3. Schebesta, P. J. Die Bambuti-Pygmäen vom Ituri / P. J. Schebesta. – Bruxelles : G. Van Campenhout, 1938. – 438 s.
4. Bascom, W. R. African Art in Cultural Perspective / W. R. Bascom. – New York : W. W. Norton, 1973. – 208 p.
5. Leuzinger, E. Africa: The Art of the Negro Peoples / E. Leuzinger. – New York : McGraw-Hill, 1960. – 247 p.
6. Ellis, A. B. The Tshi-Speaking peoples of the Gold coast of West Africa / A. B. Ellis. – London, 2014. – 352 p.
7. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – М., 1986. – 582 с.
8. Фрэзер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрэзер. – М. : АСТ, 2011. – 768 с.
9. Эллиенбергер, В. Трагический конец бушменов / В. Эллиенбергер. – М., 1956. – 306 с.
10. Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее / РАН ; редкол.: Р. Н. Исмагилова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Вост. лит. РАН, 2000. – 271 с.
11. Junod, H. A. The life of a South African tribe / H. A. Junod. – London, 2010. – 514 p.
12. Deuster, H.-J. Afrikanische Religionen [Electronic resource] / H.-J. Deuster. – Mode of access: <https://relilex.de/afrikanische-religionen/>. – Date of access: 14.02.2022.
13. Afrikanische Traditionelle Religionen [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.univie.ac.at/ksa/elearning/cp/rebespektrum/rebespektrum-98.html>. – Date of access: 14.02.2022.
14. MacGaffey, W. African Traditional Religion [Electronic resource] / W. MacGaffey. – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199846733/obo97801998467330064.xml>. – Date of access: 14.02.2022.

REFERENCES

1. African traditional religion [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sahistory.org.za/article/african-traditional-religion>. – Date of access: 14.02.2022.
2. African religions [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.britannica.com/topic/African-religions>. – Date of access: 14.02.2022.
3. Schebesta, P. J. Die Bambuti-Pygmäen vom Ituri / P. J. Schebesta. – Bruxelles : G. Van Campenhout, 1938. – 438 s.
4. Bascom, W. R. African Art in Cultural Perspective / W. R. Bascom. – New York : W. W. Norton, 1973. – 208 p.
5. Leuzinger, E. Africa: The Art of the Negro Peoples / E. Leuzinger. – New York : McGraw-Hill, 1960. – 247 p.
6. Ellis, A. B. The Tshi-Speaking peoples of the Gold coast of West Africa / A. B. Ellis. – London, 2014. – 352 p.
7. Tokariev, S. A. Rieligija v istorii narodov mira / S. A. Tokariev. – М., 1986. – 582 с.
8. Фрезер, Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер. – М. : АСТ, 2011. – 768 с.
9. Эллиенбергер, В. Трагический конец бушменов / В. Эллиенбергер. – М., 1956. – 306 с.
10. Традиционные культуры африканских народов: прошлое и настоящее / РАН ; редкол.: Р. Н. Исмагилова (отв. ред.) [и др.]. – М. : Вост. лит. РАН, 2000. – 271 с.
11. Junod, H. A. The life of a South African tribe / H. A. Junod. – London, 2010. – 514 p.
12. Deuster, H.-J. Afrikanische Religionen [Electronic resource] / H.-J. Deuster. – Mode of access: <https://relilex.de/afrikanische-religionen/>. – Date of access: 14.02.2022.
13. Afrikanische Traditionelle Religionen [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.univie.ac.at/ksa/elearning/cp/rebespektrum/rebespektrum-98.html>. – Date of access: 14.02.2022.
14. MacGaffey, W. African Traditional Religion [Electronic resource] / W. MacGaffey. – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199846733/obo97801998467330064.xml>. – Date of access: 14.02.2022.

УДК 316.33

Анатолій Іванович Лысюк¹, Марія Григорьевна Соколовська²¹д-р політ. наук, канд. філос. наук, доц., доц. каф. політології та соціології
Брестського державного університету імені А. С. Пушкіна
магістр психол. наук, ст. преподаватель каф. політології та соціології
Брестського державного університету імені А. С. Пушкіна**Anatolij Lysiuk¹, Maria Sokolovskaya²**¹Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University²Master of Psychology, Senior Lecturer of the Department of Political Science and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: ailysiuk@list.ru¹; lllogos@list.ru²**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ
(Ж.-Ж. РУССО, Ш. МОНТЕСКЬЁ, Ф. ВОЛЬТЕР)**

Исследуется противоречивый образ женщины, представленный в трудах французских философов эпохи Просвещения, поскольку, с одной стороны, они отвергали представление о женщине как существе второго сорта, а с другой – отказывали ей в гражданской субъектности. Определение ими образа женщины во многом было производным из их личного эмпирического опыта: влияние любимых женщин на их жизнь и творчество было огромным. В их представлении социальное влияние женщин проявлялось в следующих формах: а) обладание некоторыми женщинами высоким общественным положением; б) способность влиять на политические решения, принимаемые мужчинами посредством манипуляции их чувственностью и амбициями; в) умение выступить для них источником творческого вдохновения; г) осуществление решающей роли в процессах социализации; д) участие в экономической жизни. Эмансипационное движение женщин вызывало у философов скепсис, поскольку оно могло привести к утрате множества достоинств, присущих женщине по природе, и поэтому женщина должна сконцентрироваться на семейных обязанностях.

Ключевые слова: женская природа, женское призвание, образ женщины, эпоха Просвещения, сентиментализм.

***Philosophical Consideration of the Female Image in the Age of Enlightenment
(J.-J. Russo, C. Monteskie, F. Voltaire)***

The article examines contradictory image of a woman presented in the works of the French philosophers of the Enlightenment, as, on the one hand, they rejected the idea of a woman as a second-class being, and on the other they denied her civil personality. Their definition of the image of a woman was largely derived from personal empirical experience: influence of beloved women on their life and work, with rare exceptions, was enormous. In their view, the social influence of women appeared in the following forms: a) high social status of some of them; b) the ability to influence political decisions made by men by manipulating their sensibility and ambitions; c) the ability to act as a source of creative inspiration for them; d) playing a decisive role in the processes of socialisation; e) active participation in economic life. The emancipation movement of women causes skepticism among philosophers, as it can lead to the loss of many feminine virtues inherent in them by nature: a woman should focus on family obligations.

Key words: female nature, woman's avocation, image of woman, the age of Enlightenment, sentimentalism.

Введение

Образ женщины, женское призвание, в целом «женский вопрос» в его личностном и социальном измерениях были широко представлены в трудах французских философов-просветителей XVIII в. Аналитическое прочтение ими женской природы было противоречивым. С одной стороны, нельзя не согласиться с российским иссле-

дователем С. Айвазовой, утверждавшей, что просветители, опровергая традиционные взгляды, разоблачили «абсурдность мифа о женщине как о существе второго сорта, органически неспособном быть равным мужчине» [1, с. 156]. С другой стороны, испытывая множество позитивных чувств к представителям прекрасной половины человечества, соизмеряя с женщиной собствен-

ные личные радости и невзгоды, французские мыслители, за редким исключением, «воздержались... от признания ее гражданской состоятельности – ее способности выступать в роли субъекта истории» [1, с. 156]. Публичная сфера определялась философами как преимущественно мужское пространство.

Гендерный аспект наследия философов-просветителей отражал два социально-культурных тренда, сложившихся в тот исторический период в Западной Европе.

Во-первых, это индивидуализация человека, обладающего собственным самосознанием и мировоззрением, способного преодолеть общественные ограничения. Личностная (и социальная) эмансипация коснулась прежде всего мужчин, но, как подчеркивает французская писательница и философ Симона де Бовуар, «чем сильнее индивидуализируется особь мужского пола, чем выше потребность мужчины в такой индивидуализации, тем скорее он будет признавать и за своей подругой право на индивидуальность и свободу» [цит. по: 2, с. 67].

Во-вторых, переосмысление личности женщины было связано с новым императивом философского знания, активно разрабатываемым просветителями: теорией естественного права, согласно которой все люди от природы обладают равными правами, и независимо от пола им внутренне присуще стремление к социальному равенству и справедливости.

Оценка образа женщины в научном творчестве французских мыслителей выходила за пределы чисто теоретических умозаключений. На нее наслаивался их личный эмпирический опыт, который свидетельствует, что «женское участие» в жизни и научных изысканиях большинства из них являлось значительным и плодотворным.

Роль женщин в личной жизни философов-просветителей

Для понимания отношения французских философов к «женской тематике» необходимо прежде всего уяснить, какую роль сыграли женщины в их личной жизни, т. к. такого рода отношения неизбежно проецируются на социальную доктрину в ее гендерном измерении. Можно также предположить, что образ идеальной женщины, представленный в их трудах, во многом вы-

ступает отражением личности их возлюбленных.

Обратимся к биографии Ж.-Ж. Руссо, который активнее других просветителей занимался женской тематикой, а любовный (сентиментальный) роман «Юлия, или Новая Элоиза» принес ему общеевропейскую известность и популярность. Т. Гончарова отмечала: «Отношения Ж.-Ж. Руссо с женщинами были столь же парадоксальны, как и остальные стороны его жизни и общественной мысли. Руссо был женоненавистником, во всяком случае, такая у него была репутация, имевшая истоком его же заявления, но при этом он любил женщин и искал их общества» [3, с. 56].

Думается, что в его восприятии женщины преобладает положительная коннотация; на протяжении всей жизни он получал от представителей слабого пола гораздо больше поддержки, любви, теплоты, понимания и творческого вдохновения, нежели от мужчин. Они же помогали ему в решении множества практических вопросов, касающихся обустройства жизни и карьеры. Отношения с ними носили у мыслителя устойчивый, долговременный характер, что было трудно достижимо в мужских сообществах (сами философы большей частью рассматривали друг друга в качестве не близких людей, а конкурентов). Доброе женское участие представляло особую ценность, поскольку Руссо не знал материнской любви (она умерла во время родов). В «Исповеди» он пишет, что подлинное счастье испытал, пребывая возле некоторых из них. Среди женщин, его восхищавших и непременно поддерживающих, можно назвать настоятельницу монастыря маркизу де Варанс, хозяйку одного из самых известных аристократических салонов Парижа герцогиню Дюпен, символ его страстной и безграничной любви графиню д'Удето, почитательницу его таланта, защитницу от козней «двора» и недругов герцогиню Люксембургскую, наконец, гражданскую жену Терезу Левассер.

Огромное влияние на жизнь и творчество Вольтера оказала маркиза Эмили дю Шатле («Божественная Эмилия») – его самая сильная любовь, муза, друг и почитатель, с которой он провел в тесном, глубоком и интимном общении пятнадцать лет. Именно в этот период его творчество оказа-

лось наиболее плодотворным. Эта женщина основательно занималась науками, в особенности математикой и физикой, читала Декарта, перевела с латыни на французский работу Ньютона «Математические начала натуральной философии». Она обладала многими чертами, украшающими женщину: была стройной, кокетливой, прекрасно пела и пленяла элегантностью нарядов. Черты ее лица впечатляли не всех, но присутствовало у нее то женское очарование, что сегодня называется сексуальностью. Именно ей Вольтер адресовал следующие строки:

Есть равенство, и мудрая природа
Всегда стремится смертных уравнивать.
Ум, красота, раскованность, свобода,
Цветущий вид и царственная стать
Вам все дано... [Цит. по: 4, с. 84].

Оплакивая преждевременную смерть маркизы, Вольтер писал Фридриху Великому, что ее смерть лишила его навсегда счастья и смысла, и он «потерял половину себя самого».

Монтескье не знал романтических отношений с женщинами, подходил к ним чисто функционально и несколько цинично. Женился он по воле своего дяди (отец умер) на Жанне Лартиг – некрасивой и хромой девушке, ревностной кальвинистке, но обладательнице большого приданого. Он относился к ней с уважением, хотя супружеская верность была ему чужда; он вызывал интерес у прекрасного пола и был склонен к любовным увлечениям и приключениям, которые, как правило, не носили устойчивого, долговременного характера.

Образ идеальной женщины

Для того, чтобы понять, какие женские качества вызывали у Руссо наибольшее восхищение и признание, необходимо обратиться к образу Юлии – героине романа «Новая Элоиза», поскольку, как отмечает советский историк А. Манфред, этот роман является в значительной степени автобиографическим, отражающим его романтические отношения с г-жой д'Удето [5, с. 89]. Необходимо изучить также восприятие конкретных личностей любимых им женщин.

При всей своей невинности и наивности женский образ Юлии наделен широким спектром качеств, вызывающих всеобщее уважение и восхищение. Во-первых, сама ее

личность пробуждает у влюбленного мужчины широкую гамму самых благородных чувств; без отношений с ней образуется вопиющая неполнота его жизни. При этом восхищает не только ее внешность, но и индивидуальные качества: мягкость, кротость, деликатность, внутренняя чистота, чуткость, что особенно ценит Руссо как поборник душевной простоты и нравственного целомудрия. Во-вторых, сама она способна ради любви не только на чувство невероятной силы, но и на серьезный нравственный поступок, что означает «победу нравственности», одержанную «самой природой», а раз ею, то ничего не может быть «чище и выше». В-третьих, при всей значимости эмоциональности и страстности натуры Юлии в состоянии в конечном счете совершить рациональный выбор, последовать благоразумию и рассудительности, будучи убежденной, что «нельзя потакать чувственным страстям». В-четвертых, ее неизменным атрибутом являются сообразительность и ум. В-пятых, не только она преисполнена чувственной сентиментальности, но ею охвачены и мужчины в лице Сен-Пре, у которого чувственности и страсти больше, чем рациональных соображений, и не меньше, чем у Юлии; сентиментальность в романе не имеет гендерной привязки. В-шестых, дисгармонию в отношения между мужчинами и женщинами вносят не столько их личностные отличия, сколько социальные обстоятельства, которые, как известно, преодолимы; Юлия способна полюбить мужчину из более низкого социального круга, несмотря на социальное осуждение, что ее возвышает, а не принижает. В-седьмых, определенное, но не решающее значение имеет внешняя привлекательность, «красота лица», но еще большая привлекательность заключена в ее сердце. В-восьмых, в конечном счете девушка, следуя чувству долга, сосредоточивается на своих семейных обязанностях, оставляя «для души – вопросы благочестия, друзей, чтение нравственных книг» [5, с. 12]. Она становится прекрасной мамой и женой, а с прежним возлюбленным сохраняет дружеские отношения. С. Тимонов подчеркивает, что в этом романе «нет сексистского посыла. Напротив, Руссо критикует самодурство отцов, навязывающих мужей своим дочерям, и продвигает... прогрессивную для XVIII в. идею предоставить

возможность девушкам самим решать, кого любить и за кого выходить замуж, без оглядки на разницу в социальном положении и мнение родителей» [7]. Но главное то, что сам образ Юлии обладает таким набором самых лучших человеческих качеств, что невольно возникает вопрос о необходимости пересмотра сложившихся в обществе гендерных ролей.

Руссо неоднократно влюблялся в женщин. Он был убежден, что даже неразделенная любовь приносит человеку радость. Внешняя привлекательность являлась для него значимой. В «Исповеди», рисуя образ первой, самой длительной и верной любви (маркиза де Варанс), он подчеркивает, что на него произвел яркое впечатление внешний шарм этой прелестной дамы: «Исполненное прелести лицо, прекрасные, полные нежности голубые глаза, ослепительный цвет кожи, очертания обольстительной груди... невозможно было найти более прекрасную голову, более прекрасную грудь, более прекрасные плечи и более прекрасные руки» [8, с. 47–48]. Графиня д'Удето также приводит его в восторг «целым лесом» длинных вьющихся черных волос, изяществом и грациозностью фигуры. Красотой его пленяла и г-жа Дюпен, которую причисляли к четырем первым красавицам Парижа. Он признавался ей в любви, но его чувство оказалось безответным.

Большое значение для Руссо имел стиль женщины, ее способность элегантно выглядеть, демонстрировать большой вкус в манере одеваться, выбирать изысканное и хорошо сшитое платье, иметь изящную обувь, ленты, кружева, удачную прическу. Он подчеркивал, что всегда отдаст предпочтение женщине менее красивой, но умеющей выбрать свой правильный стиль. По этой причине «портнихи, горничные, продавщицы не прельщали меня – мне нужны были барышни» [8, с. 123].

Но внешнее обаяние без внутреннего наполнения не имеет для Руссо особого смысла. Г-жа де Варанс восхитила его не столько своими внешними чертами, сколько проявленной по отношению к нему нежностью, любовью, лаской, мягкостью, сострадательностью, ангельской улыбкой, неисчерпаемой добротой, открытостью и искренностью, которые оставались неизменными в самых трудных жизненных об-

стоятельствах. Она утоляла главную потребность его души: в самом тесном и интимном общении, поддержке, психологическом комфорте. Философ отмечает, что «она была для меня самой нежной матерью, никогда не думавшей о собственном удовольствии, а всегда о моем благе... я слишком любил ее, чтобы желать» [8, с. 98].

Для Руссо во всех его любовных увлечениях (кроме Терезы Левассер) важен был интеллект женщины. Ему нравился вольнолюбивый ум маркизы де Варанс. На него производил прекрасное впечатление бесхитростный, веселый, в чем-то наивный и приятный ум графини д'Удето, речь которой искрилась «очаровательными остротами». Он восхищался начитанностью и природным умом г-жи Дюпен. Все эти женщины были превосходно образованны и обладали многими «приятными талантами»: играли на клавесине, хорошо танцевали, писали стихи, исполняли оперные арии, изощрялись в эпистолярном творчестве и др. Монтескье также утверждал, что женское обаяние «чаще заключается в уме, чем в лице, т. к. красота лица обнаруживается сразу и не таит ничего неожиданного; но ум раскрывается лишь понемногу, когда сам человек этого желает, и в той мере, в какой он этого желает»... Обаяние не приобретает; чтобы его иметь, надо быть безыскусственным» [9, с. 751]. Уже отмечалось, что и муза Вольтера маркиза Эмили дю Шатле обладала исключительными интеллектуальными талантами.

Просветители не отказывают женщинам в высоких интеллектуальных качествах. Руссо убежден, что «природе, даровавшей женщине столь изящный и пронизательный ум... угодно, чтобы женщина мыслила, чтобы она имела свое суждение, чтобы она любила, чтобы она обладала познаниями и заботилась о своем умственном развитии, как заботится о сохранении красоты своего лица... Женщина должна многому выучиться, но лишь тому, что ей надлежит знать» [10, с. 555]. Ее разум обладает практическим характером, позволяющим ей искусно выискивать средства для достижения уже известной цели, сформулированной чаще всего мужчиной.

Возникает вопрос: почему же женой Руссо стала женщина с неразвитым, узким, примитивным умом; все его попытки при-

дать глубину ее мировидению остались безуспешными?

Думается, что на выбор жены, которая «дала ему счастье», повлияли другие, более значимые факторы, а ее интеллектуальная ограниченность была допустимой, т. к. философ всегда позиционировал себя сторонником «естественных чувств», производных от великой и безукоризненной природы, одним из творений которых являлась Тереза, которая пленила его как раз своей внутренней простотой и скромностью без всякой примеси кокетства.

Кроме этого, Руссо писал, что она впечатлила его непохожестью на других, своим контрастом с образованными и утонченными дамами из парижских салонов; свою роль сыграл дух противоречия – в выборе этой девушки выражался известный вызов светскому обществу и отчасти компенсация за непризнание его мужских достоинств дамами высшего света из-за словесных соображений, что вызывало у него мучительные переживания. К тому же любовь к Терезе позволяла ему в полной мере проявить свои лучшие мужские начала: максимальную заботу о зависимом от него существе, сострадание к нему, демонстрируя при этом свои не оспариваемые ею лидерские качества. Не менее значимой была и потребность в безусловной к нему любви, сродни материнской. Руссо был убежден, что «царством женщины» является нежность, терпимость и доброта сердца, что было присуще г-же Левассер.

Что же касается сферы эротических переживаний, то они при всей их прелести (он знал чувственный огонь) не носили для него в отношениях с женщинами приоритетного характера, тем более что их сковывала природная стыдливость, часто переносилась наслаждения подобного рода в область фантазий и пожирание «пламенным взглядом красивых женщин». В «Исповеди» он пишет, что г-жа де Варанс преподала ему первый сексуальный урок, который он принимал без энтузиазма: «Я испытывал только удовольствие. Какая-то непобедимая грусть отравляла его прелесть. Я чувствовал себя так, словно совершал кровосмешение» [8, с. 175]. В последующем он вспоминает только один факт, когда испытал чувственную кратковременную эйфорию с женщиной – г-жой де Ларнаж.

Монтескье не являлся сторонником супружеской верности мужчинами и был убежден, что главным достоинством женщины является сохранение своей добродетели (физической «чистоты»), чему призваны благоприятствовать предписанные ей законами природы стыд, скромность и самообладание. Он пишет: «Утрата женщинами добродетели связана с таким множеством пороков, вся душа их так глубоко извращается, исчезновение этой главной опоры нравственности влечет за собою утрату столько других добродетелей, что публичную непристойность можно рассматривать как величайшее из несчастий народного государства и верный признак скорого изменения в его устройстве» [11, с. 248, 383]. В «Персидских письмах» философ обличает природную склонность женщин к проявлению всякой несдержанности, оболыщению мужчин, грубому бесстыдству, неутомимому желанию нравиться, воспринимая это как «пятна на их добродетели и оскорбление для их мужей» [Цит. по: 4, с. 81–82].

Вольтер был порицаем консервативной частью французского общества за то, что писал и публично говорил о свободе нравов, не рассматривая в качестве добродетели сохранение девушками (женщинами) невинности либо верности.

Социальное и природное измерение женщины

Для французских просветителей бесспорным выглядело важное (и позитивное) общественное значение женщин. Руссо полагал: «Горе тому веку, когда женщины теряют свое влияние и мужчины больше не считаются с их мнением! Все народы, отличавшиеся нравственностью, почитали женщин. Посмотрите на Спарту, на германцев, на Рим... Все великие перевороты там были совершены женщинами: благодаря женщине Рим обрел свободу, благодаря женщине плебеи добились права быть консулами, женщина положила конец тирании дещемвиров» [10, с. 593].

Социальное влияние женщин выступало в нескольких формах. Очевидно, что многие представители слабого пола обладали высоким социальным положением и политическими достоинствами, пребывая в статусе графинь, герцогинь, баронесс и королев (цариц). Монтескье даже писал о

приемлемости и желательности политического руководства женщин: «Противно и разуму, и природе ставить женщин во главе дома, как это было у египтян; но нет ничего противоестественного в том, чтобы они управляли государством. В первом случае свойственная им слабость не позволяет преобладать; во втором же случае эта самая слабость придает их управлению ту кротость и умеренность, которые гораздо нужнее для хорошего управления, чем суровые и жестокие нравственные качества... Прибавив к этому примеры Московского государства и Англии, мы увидим, что женщины с одинаковым успехом управляют в государствах умеренного образа правления и в деспотических государствах» [11, с. 254].

Политический вес женщин проявлялся в их способности влиять на политические решения, принимаемые мужчинами посредством использования своего женского очарования («эффект г-жи Помпадур»), манипулируя чувственностью и амбициями сильной половины человечества. Руссо подчеркивал, что природа наделяет женщину властью над мужчиной, о которой они осведомлены и всецело ей пользуются: «Ее могущество – в ее очаровании: своими чарами она заставляет мужчину ощутить присущую ему силу и прибегнуть к таковой. Самое испытанное искусство пробуждать эту силу состоит в том, чтобы вызывать ее к жизни сопротивлением. Тогда самолюбие присоединяется к вожделению и торжествует победу» [10, с. 547]. Это утверждение поддерживает Монтескье: «Они могут властвовать благодаря своей красоте. Природа, наделившая мужчин силой и разумом, не положила никакого другого предела их власти, кроме самой этой силы и разума. Женщине она даровала очарование красоты и определила, чтобы вместе с ним оканчивалось и влияние женщины» [11, с. 377]. Если женщина дарит свою благосклонность мужчине, то, в представлении Вольтера, это являлось подлинно «королевской» наградой. Нежелание потерять это влияние, однажды лишаясь своего очарования, вызывает у нее сильный страх.

Социальная роль женщины велика и по той причине, что «нравственный облик мужчины зависит от воспитания, которое дает ему женщина в раннем детстве; от женщины зависит привить мужчине извест-

ные обычаи, страсти, вкусы... и, наконец, от нее зависит его счастье» [10, с. 556]. Социализация является краеугольным камнем построения правильного общественного порядка. Женское воздействие на мужчин не всегда бывает вдохновительным и позитивным, поскольку они могут явно и неявно проявлять многие свойственные им слабости: тщеславие, любовь к роскоши, болтливость, злобность, ревность, подстрекательство, демонстрируя искусство подчинения себе «великих душ».

Женщины исторически являются источником вдохновения для многих творцов-мужчин, выступая их любовной музой, что доказывает научное творчество Руссо и Вольтера. Это происходит потому, что именно «любовь – царство женщин. Они неизбежно законодательствуют там, т. к. по природе вещей сопротивление – их право, и мужчины в состоянии преодолеть его лишь ценой своей свободы» [12, с. 102].

Известно, что «светские дамы» были весьма активны в качестве «королев салонов» – интимного, обособленного и специально организованного пространства, наполненного «разговорами, чтениями, рассуждениями... или спорами», пением, музицированием и дебатами. В них «формируется культура беседы, переписки, чтения вслух» [13, с. 19–20]. В общении с самыми лучшими умами Франции женщины поддерживали либо осуждали новые представления о семейном счастье, общественном благе, свободе, равенстве, будущем человечества. Не будем забывать и о том, что миллионы женщин составляли экономически активное население Франции; многие из них обладали экономической независимостью.

Французские просветители обличали несправедливость женской доли, полагая, что униженное существование женщины есть следствие определенных гражданских законов и обычаев, сохранения традиции сословного брака, не знающего любви и тайнства. Однако они не провозглашали принцип равенства полов, а воспринимали подчиненное положение женщин как неотъемлемую часть естественного (природного) и разумного порядка вещей. Они просто настаивали на смягчении патриархатных начал в обществе, восстановлении подлинного уважения к женщинам. Мужчина, формально являясь ответственным лидером

семьи, в реальности может находиться под сильным влиянием любимой женщины: «Власть женщины основана на кротости, ловкости и любезности; ее ласки – те же приказания, ее слезы являются угрозами. Она должна править домом, как министр государством, вынуждая, чтобы ей приказывали то, что ей угодно... Самые счастливые семьи те, в коих женщина обладает наибольшим влиянием» [10, с. 615]. По убеждению Руссо, занимая активную позицию в общественной жизни, женщина находится «не на своем месте»: «Что может быть на свете трогательней и достойней уважения, чем мать семейства, окруженная своими детьми... обеспечивающая мужу счастливую жизнь и мудро управляющая всем домом... Дом без хозяйки – это тело без души... а женщина вне дома утрачивает весь свой блеск» [12, с. 136]. По этой причине философ критикует женщин, занимающихся научной деятельностью, поскольку в этом случае они пренебрегают обязанностями своего пола и пытаются обладать мужскими добродетелями.

Женщины в любом случае в социальном отношении находятся в более уязвимом положении, чем мужчины. Неудивительно, что просветители настаивают на юридической защите их прав и достоинства. К примеру, Монтескье предлагает сделать общим «правило, чтобы во всех странах, где закон предоставляет мужчине право репутации, то же право предоставлялось и женщине. Более того, в климатах, где женщины живут в домашнем рабстве, закон должен позволить женщинам репутацию, а мужчинам – только развод» [10, с. 384].

Монтескье, являясь сторонником концепции географического детерминизма, утверждал, что природные факторы (климат, территория, географический пояс и др.) являются важным источником формирования и развития человека. Исходя из этой концепции, он полагал, что внешняя красота женщины, в частности ее половая зрелость, целомудрие и стыдливость, нравственная зрелость, готовность к вступлению брак обусловлены именно климатом. Философ пишет: «Есть такие климаты, при которых правила нравственности почти совершенно бессильны перед физическими потребностями», в отличие от северных стран, где «их нравы хороши от природы... где любовь

так благоразумно властвует над сердцем... где прекрасный пол составляет украшение общества и где женщины, составляя счастье одного, в то же время являются источником радости и для всех» [11, с. 380, 382].

Образ женщины, ее добродетели детерминируется также политическими системами: «В монархиях женщины не отличаются скромностью... В деспотических государствах женщины... сами становятся предметом роскоши. Рабство их должно достигать крайних пределов... В республиках женщины свободны по закону, но поработены правилами нравственности; роскошь изгнана из этих государств, а вместе с нею – разврат и пороки». Поэтому «в греческих городах... добродетель, простота, целомудрие женщин достигли такой высоты, что не видано было в мире народа, столь благоустроенного в этом отношении» [10, с. 380].

По мнению просветителей, неизбежные природные изъяны, свойственные женщинам, необходимо корректировать с помощью системы воспитания. При этом целесообразно развивать те их способности, которые соответствуют их призванию. Руссо призывает обучать тому, чем они в жизни будут непременно заниматься: шитью, рукоделию, приготовлению пищи и прочим бытовым навыкам. Правда, допускается и получение ими универсальных навыков: письмо, чтение и арифметика. Нетрудно заметить, что здесь наблюдается определенная гендерная сегрегация, т. к. подобное воспитание ориентировано исключительно на плебейское сословие; аристократки сами выбирают, что и когда им познавать и в каком направлении развиваться.

Заключение

Образ женщины в трудах французских философов-просветителей является противоречивым. С одной стороны, их исторической заслугой выступает его (образа) социальное возвышение, обоснование естественного права слабой половины человечества на равенство, свободу, справедливость, расширение социальных возможностей. Во многом именно благодаря их усилиям сформировалось новое отношение к человеку, конкретно к женщине, т. к. от природы все наделены равными с другими людьми качествами, и прежде всего естественным светом разума.

Этому образу также характерна идеализация, в рамках которой женщина наделяется множеством личностных достоинств, и если в чем-то уступает мужчине, то только по велению природного фактора. Подчеркивается, что жизнь мужчины обладала бы вопиющей неполнотой без женского в ней присутствия. Однако, с другой стороны, чаще всего они оспаривали возможность для женщин выступить в роли автономных, ответственных и рационально мыслящих социальных субъектов.

Наряду с этим указывается на ограниченность позиции французских филосо-

фов по поводу социального предназначения женщин, обусловленное преимущественно тремя факторами: исторической традицией, предопределяющей закрепление за ними основополагающих функций в сфере частной жизни; недостатками системы общественного воспитания; геополитическими факторами. Эмансипационное движение женщин вызывает у просветителей скепсис, поскольку может привести к утрате множества достоинств, присущих женщинам по их природе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова, С. Г. К истории феминизма / С. Г. Айвазова // Обществ. науки и современность. – 1992. – № 6. – С. 153–168.
2. Луканина, О. Н. Проблема «женской природы» у Жан-Жака Руссо и Мэри Уолстонкрафт / О. Н. Луканина // Вестн. МГУКИ. – 2010. – № 1 (33). – С. 67–70.
3. Гончарова, Т. Н. Жан-Жак Руссо и женщины: парадоксальные отношения / Т. Н. Гончарова // Тр. каф. истории нового и новейшего времени С.-Петерб. гос. ун-та. – 2013. – № 11. – С. 54–66.
4. Длугач, Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества) / Т. Б. Длугач. – М. : Ин-т философии РАН, 2006. – 256 с.
5. Манфред, А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции / А. З. Манфред. – М. : Мысль, 1989. – 432 с.
6. Верцман, И. Философско-лирический роман XVIII века / И. Верцман // Юлия, или Новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Худож. лит., 1968. – С. 5–22.
7. Тимонов, С. Жан-Жак Руссо и женщины: «Не для того небо сотворило девочек слабыми, чтобы они повелевали». Как мать Мэри Шелли обвинила Руссо в сексизме и написала трактат «В защиту прав женщин» [Электронный ресурс] / С. Тимонов. – Режим доступа: <https://journal-bookmate.com/zhan-zhak-russo-i-zhenshchiny-ne-dlya-togo-nebo-sotvorilo-devochek-slabymi-chtoby-oni-povelevali/>. – Дата доступа: 21.09.2020.
8. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 3. – С. 9–568.
9. Монтескье, Ш. Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – С. 735–758.
10. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 1. – С. 545–711.
11. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избр. произведения. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – С. 159–733.
12. Руссо, Ж.-Ж. Письмо к д'Аламберу о зрелищах / Ж.-Ж. Руссо // Избр. соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. – Т. 1. – С. 65–177.
13. Арьес, Ф. К истории частной жизни / Ф. Арьес, Ж. Дюби // История частной жизни. От Ренессанса до эпохи Просвещения. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – С. 6–26.

REFERENCES

1. Ajvazova, S. G. K istorii fieminizma / S. Ajvazova // Obshchiestv. nauki i sovriemiennost'. – 1992. – № 6. – С. 153–168.

2. Lukanina, O. N. Problema «zhenskoj prirody» u Zhan-Zhaka Russo i Meri Uolstonkraft / O. N. Lukanina // *Viestn. MGUKI.* – 2010. – № 1 (33). – С. 67–70.
3. Goncharova, T. N. Zhan-Zhak Russo i zhenshchiny: paragoksal'nyje otnoshenija / T. N. Goncharova // *Tr. kaf. istorii novogo i noviejshogo vriemieni S.-Pietierb. gos. un-ta.* – 2013. – № 11. – С. 54–66.
4. Dlugach, T. B. Tri portrieta epokhi Prosvieshchienija. Montesk'je. Vol'ter. Russo (ot konciepii prosvieshchionnogo absoliutizma k teorijam grazhdanskogo obshchestva) / T. B. Dlugach. – M. : In-t filosofii RAN, 2006. – 256 s.
5. Manfred, A. Z. Tri portrieta epokhi Velikoj francuzskoj rievoliucii / A. Z. Manfred. – M. : Mysl', 1989. – 432 s.
6. Vierzman, I. Filosofsko-lirichieskij roman XVIII vieka // I. Vierzman // *Yuliya, ili Novaja Eloiza / Zhan-Zhak Russo.* – M. : Khudozh. lit., 1968. – S. 5–22.
7. Timonov, S. Zhan-Zhak Russo i zhenshchiny: «Nie dlia togo niebo sotvorilo dievochiek slabymi, chtoby oni povielievali!». Kak mat' Meri Shelli obvinila Russo v seksizmie i napisala traktat «V zashchitu prav zhenshchin» [Elektronnyj riesurs] / S. Timonov. – Riezhim dostupa: <https://journal.bookmate.com/zhan-zhak-russo-i-zhenshchiny-ne-dlya-togo-nebo-sotvorilo-devochek-slabymi-chtoby-oni-povelevai/>. – Data dostupa: 21.09.2020.
8. Russo, Zh.-Zh. Ispovied' / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 3. – S. 9–568.
9. Montesk'jo, Sh. Opyt o vkusie v proizviedienijakh prirody i iskusstva / Sh. Montesk'jo // *Izbr. proizviedienija.* – M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1955. – S. 735–758.
10. Russo, Zh.-Zh. Emil', ili O vospitanii / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 1. – S. 545–711.
11. Montesk'jo, Sh. O duhe zakonov / Sh. Montesk'jo // *Izbr. proizviedienija.* – M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1955. – S. 159–733.
12. Russo, Zh.-Zh. Pis'mo k d'Alamberu o zrielishchakh / Zh.-Zh. Russo // *Izbr. soch. : v 3 t.* – M. : Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. – T. 1. – S. 65–177.
13. Ar'ies, F. K istorii chastnoj zhizni / F. Ar'ies, Zh. Diubi // *Istorija chastnoj zhizni. Ot Rienessansa do epokhi Prosvieshchienija.* – M. : Novoje lit. obozrienije, 2018. – S. 6–26.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 22.01.2022

УДК 796.01:[796.093:004.77]

Уладзімір Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievic

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of their Teaching
of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: lucul@brsu.brest.by

**КІБЕРСПОРТ, АЛЬБО ПА ТОЙ БОК РЭАЛЬНАГА СПАРТЫЎНАГА БЫЦЦЯ:
СУБ'ЕКТЫЎНЫЯ РЭФЛЕКСІ З ВАНДРОВАК УЗВЫШ ПА ПРЫСТУПКАХ,
ЯКІЯ ВЯДУЦЬ ДА ДОЛУ**

Сучаснае глабалізаванае грамадства ва ўсё большай ступені трапляе ў залежнасць ад развіцця ІТ-тэхналогій. Не пазбегла такога ўплыву таксама галіна спорту. Традыцыйнае ўспрыманне гэтага віду сацыяльнай дзейнасці пачынае сувярэцца з кіберспортам, якім захапляюцца дзясяткі мільёнаў людзей на свеце. Спартыўныя гульні на Dota 2, CS:GO, League of Legends, FIFA і шэраг іншых збіраюць дастаткова вялікую колькасць як прафесійных гульцоў, так і аматараў з велізарнай аўдыторыяй заўзятараў. Сумы прызаў для пераможцаў і ўдзельнікаў дасягаюць сотняў мільёнаў долараў. Філасофскае асэнсаванне дадзенага феномена патрабуе дэталёвага аналізу кіберспорту ў ягоным параўнанні з традыцыйным спортам, што базіруецца на вызначэнні ягонай сутнасці і перспектывах далейшага развіцця, у тым ліку магчымасці ўключэння ў праграму Алімпійскіх гульняў.

Ключавыя словы: кіберспорт, гульня, забава, віртуальная прастора, ІТ-індустрыя, глабалізацыя.

Cybersports. The Other Side of Actual Sports Life: Subjective View of Going up Downhill

The modern globalized society is increasingly becoming dependent on the development of IT technologies. The sports industry has not escaped such influence either. The traditional perception of this type of social activity is beginning to be commensurate with eSports, which tens of millions of people around the world are fond of. Competitions on Dota 2, CS:GO, League of Legends, FIFA and a number of others gather quite a large number of both professional players and amateurs with a huge audience of fans. The prize money for winners and participants reaches hundreds of millions of dollars. Philosophical understanding of this phenomenon requires a detailed analysis of eSports in comparison with traditional sports, based on the definition of its essence and prospects for further development, including the possibility of inclusion in the Olympic program.

Key words: e-sports, game, entertainment, cyberspace, IT-industry, globalization.

Уводзіны

На пачатку XXI ст. сучаснае грамадства сутыкнулася з праблемамі, якія не прагназаваліся, не назіраліся ў практыцы, не анансаваліся. Але зрухі ў сістэме грамадскага развіцця прымусілі засяродзіцца на шэрагу нарацыйных фрагментаў рэальнага ці ілюзорнага быцця. Спорт у такім успрыманні паўстае як віртуальнае люстэрка, дзе з большай ці меншай доляй кантрастнасці адбываецца верыфікацыя шматлікіх сацыяльных інварыянтаў. Сэнсы жыццёвага функцыянавання чалавецтва на падставе руйнавання традыцыйнай іерархіі сістэмы маральных каштоўнасцяў і адсутнасці акцэптацыі новай этычнай кадывікацыі, якая магла б быць прынятая большасцю людзей і стаць зразумелай для іх, увасобіліся ў чарговай парадыгме, што з'яўляецца актуаль-

най у спорце на сённяшні дзень: перамога за ўсялякі кошт. Сацыяльна-эканамічныя, палітычныя і культурна-рэлігійныя акалічнасці, да якіх дадалася яшчэ пандэмічная сітуацыя ў свеце, у святле адноўленага абвастрэння міжнародных адносін паважлівымі напружанасць у цэлым, што не выключае не толькі пераходу да становішча «халоднай вайны» нават у недалёкай будучыні, але нават нашмат горшыя наступствы. Знакамітыя запаведзі П'ера дэ Кубертэна «О, спорт, ты мір» пераасэнсоўваюцца з пункту гледжання падзеяў сённяшняга дня. Меркаванне пра тое, што спорт з'яўляецца адлюстраваннем функцыянавання сучаснага грамадства, знаходзіць сваё пацверджанне ў чарговы раз.

Сярод найбольш небяспечных перасцярог у сучасным спорце неабходна на-

зваць такія, як допінг, карупцыя, ашуканства, расізм, нацыяналізм, рэлігійная нецярпімасць, гendarная няроўнасць, розніца ў матэрыяльным і фінансавым забеспячэнні, культурна-адукацыйная неаднароднасць. Але і да сённяшняга часу ў сістэме чалавечай прафесійнай занятасці спорт застаецца адным з найбольш хуткіх спосабаў узняцця да гары па сацыяльнай лесвіцы, зрабіць паспяховую кар’еру і зарабіць вялікія грошы па мерках звычайнага абывацеля. Так званы «сацыяльны ліфт» у гэтай галіне дзейнасці дазваляе ў адносна кароткі перыяд часу пераадолець адразу некалькі прамежкавых узроўняў, іншым разам нават ад самых пачатковых прыступак.

Сучасны спорт на сённяшні дзень не выглядае маналітным феноменам – яго можна класіфікаваць адразу па некалькіх параметрах. Традыцыйна ў ягонай структуры вызначаюцца прафесійны спорт, камерцыйны спорт, аматарскі спорт і спорт для ўсіх. Такі падзел дазваляе знайсці сваё месца для ўдзелу ў спорце практычна кожнай зацікаўленай асобе. Разам з тым больш падрабязная характарыстыка спорту адносна і адпаведна спартыўнай дзейнасці стварае магчымасці для паглыбленага грунтоўнага аналізу. На падставе спецыфікі асобных відаў спорту нельга пакінуць па-за ўвагай дынамічныя віды спорту, якія вызначаюцца рухавай актыўнасцю, патрабуюць ад атлетаў павялічанай фізічнай напругі і накіраваныя на фарміраванне і развіццё іх фізічных якасцяў (бег, плаванне, камандныя гульні). У сваю чаргу, статычныя віды спорту адрозніваюцца мінімальнай рухавай актыўнасцю і не ставяць за мэту дасягненне нейкіх фізічных якасцяў для ўдзельніка (шахматы, шашкі, дартс). Акрамя таго, дынамічныя віды спорту падзяляюцца яшчэ на летнія і зімовыя без выкарыстання спецыяльных сродкаў і з выкарыстаннем адпаведнага інвентару і транспарту. У якасці прыкладаў можна прывесці бег, плаванне, веласпорт, веславанне, парусны спорт, фігурнае катанне, шорт-трэк, кёрлінг, біятлон, спідвей. Статычныя віды спорту можна падзяліць на ўласна інтэлектуальныя і тэхнікамадэльныя. Апошнія разумеюцца як праектаванне і выраб разнастайных мадэляў і іх выпрабаванне, а ад спартоўца патрабуецца ўменне кіраваць сваёй прыладай дзеля дасягнення высокіх вынікаў. Асабліва сцю

ўласна інтэлектуальных відаў спорту з’яўляецца тое, што яны накіраваныя на развіццё і выкарыстанне не фізічных здольнасцяў, а перш за ўсё якасцяў мыслення. У дадзеным выпадку выдзяляюцца два класы: віды з падручным інвентаром (шахматы, шашкі, брыдж, покер) і віды з тэхнічным абсталяваннем (кіберспорт, альбо eSports) [1].

У кантэксце развіцця спартыўнай дзейнасці, фарміравання адпаведнай спартыўнай інфраструктуры ў глабалізаваным грамадстве, пашырэння магчымасцяў для выкарыстання дасягненняў IT-індустрыі пільная ўвага надаецца феномену кіберспорту. На гэтую акалічнасць звярнуў увагу прэзідэнт Міжнароднага алімпійскага камітэта Томас Бах, які падкрэсліў, што будучыня спорту залежыць ад моладзі, таму неабходна як мага больш шчыльна звязаць яго (спорт. – *У. Л.*) з адукацыяй. Спорт фарміруе такую сістэму каштоўнасцяў, якая дазваляе адаптавацца да сацыяльнага асяроддзя, вучыць паважаць правілы і працаваць у камандзе [8]. Патэнцыяльна цікавым накірункам тут можа стаць больш актыўнае развіццё адносінаў з кіберспортам, асабліва з улікам таго, што ён прадугледжвае сацыяльную дыстанцыю. З іншага боку, неабходна ўлічваць механізмы кіравання электроннымі і віртуальнымі формамі гэтых новых відаў [11]. Выказванне такога кшталту з боку вышэйшага кіраўніцтва міжнароднага алімпійскага руху можа азначаць, што неўзабаве кіберспорт будзе ўключаны ў спіс патэнцыяльных кандыдатаў на ўдзел у Алімпійскіх гульнях. Падстаў для пазітыўнага вырашэння гэтага пытання становіцца ўсё больш, пра што сведчыць павелічэнне зацікаўленасці шырокіх колаў грамадства да гэтага віду дзейнасці ў розных краінах свету на ўсіх кантынентах.

Гульні і забавы для мноства людзей вызначаюцца як выдатны спосаб правядзення вольнага часу. Ужо ў старажытнасці не было недахопу ў прапановах такога кшталту, а далей гэтая галіна толькі дынамічна развівалася і мадыфікавалася. На сённяшні дзень варта было б звярнуць увагу не толькі на пытанне генезісу і прынцыпаў гульні і забаў, але таксама больш дакладна прааналізаваць іх этычныя, філасофскія, псіхалагічныя і сацыяпалітычныя аспекты.

Адзін з найбольш уплывовых сучасных аналітыкаў у галіне камп’ютарных

гульняў прафесар Еспэр Юул (Jesper Juul) з Дацкай каралеўскай акадэміі ў Капенгагене, аўтар шэрага кніг па дадзенай тэматыцы, у тым ліку Handmade Pixels. Independent Video Games and the Quest for Authenticity (2019), зазначае, што кампютарныя гульні ў пэўным сэнсе належаць да неад’емнай часткі чалавечай актыўнасці, хоць зараз, каб праяўляць яе, патрэбен камп’ютар. Само паняцце «гульня» таксама мяняецца пад ціскам эвалюцыйных зменаў у культуры. Таму камп’ютарныя гульні не паўстаюць у якасці тыповага прыкладу класічнай гульні. Асаблівасцю іх з’яўляецца тое, што хутчэй камп’ютар, а не гулец ці яго фізічная форма, як у традыцыйным спорце, забяспечвае выкананне правілаў [10, s. 24].

Мэта працы

На падставе вывучэння тэндэнцый развіцця і распаўсюджвання сучаснага спорту, а таксама пашырэння яго ўплыву на грамадства ў дынаміцы функцыянавання глабалізацыйных працэсаў звяртаецца ўвага на эскалацыю ўкаранення ІТ-індустрыі ў сістэму спаборніцтваў. У артыкуле зроблена спроба аналізу сацыяльна-філасофскіх і этычных падстаў феномена кіберспорту з мэтай вызначэння верагоднасці яго канкурэнтаздольнасці да ўключэння ў праграму Алімпійскіх гульняў.

Мэта артыкула заключаецца ў вызначэнні і ўдакладненні паняцця «кіберспорт» у яго філасофскім успрыманні на падставе параўнання з феноменам традыцыйнага спорту (у англамоўных публікацыях можна сустрэць акрэсленне in-real-sport [12]) у адносінах да практыкі спаборніцтваў, запытаў публічнасці і патрабаванняў карыстальнікаў. Аб’ектам вывучэння выступае кіберспорт як з’ява грамадскага жыцця і сфера забаўляльнай галіны. Сярод галоўных задач артыкула вызначаюцца такія, як акрэсленне сутнасці кіберспорту, выяўленне характэрных рысаў спартыўнай дзейнасці ў сістэме кіберспорту, аналіз найбольш папулярных з пункту гледжання зацікаўленых колаў публічнасці відаў камп’ютарных гульняў, утварэнне структуры кіберспартыўнай дзейнасці на ўзроўні арганізацыі спаборніцтваў і рэйтынгаў удзельнікаў.

Універсальнае патрабаванне, якое датычыцца кожнай гульні (і eSports тут не выключэнне), – захаванне самога духу спа-

борніцтваў згодна з распрацаванымі правіламі. Але, як падкрэслівае Артур Шута (Artur Szutta), у камп’ютарных гульнях можна заўважыць па меншай меры два спрэчныя моманты. Першы – гэта тое, што адзін з удзельнікаў у разгар забавы нечакана перастае сур’ёзна адносіцца да сваёй дзейнасці («гульня ці сур’ёзнае») і далейшыя інтэрпрэтацыі з гэтага ўслед за Ёханам Хейзінгам (Johan Huizinga, 1872–1945), абвяшчае пра неахвоту працягваць забаву, тлумачыць, што яму ўжо гэта нецікава, што вынікі дрэнныя, а далей перастае гуляць увогуле і адыходзіць ад камп’ютара. Другі заключаецца ў звычайным ашуканстве: асоба, якая любой цаной спрабуе атрымаць перамогу, парушае прынцып роўнасці і таемна карыстаецца дадатковымі праграмамі, каб атрымаць перавагу. Як у першым, так і ў другім выпадку апаненты гнеўна рэагуюць на такія дзеянні супрацьлеглага боку і патрабуюць дыскваліфікацыі [15, s. 13].

Электронны спорт выступае як даволі нетыповая з’ява з пункту гледжання філасофскіх рэфлексій. Калі традыцыйнае (класічнае) увасабленне спорту ў сістэме фізічных практыкаванняў у вымярэнні рэальнага часу на сённяшні дзень не выклікае асаблівых пытанняў і можа класіфікавацца на падставе розных крытэрыяў (зімовыя і летнія віды спорту; з выкарыстаннем дадатковага інвентару і абсталявання ці без; водныя і паветраныя і г. д.), то кіберспартыўная дзейнасць патрабуе шэрага ўдакладненняў.

На падставе рэтраспектывы з філасофскай спадчыны Ёхана Хейзінга можна доўга аналізаваць суадносіны паміж паняццямі «гульня» і «сур’ёзнае», спрабаваць знайсці той пункт, ад якога «гульня» перастае быць толькі гульнёй у сэнсе забавы, ці ўсяго таго, што ўважаецца за нешта прыемнае, за добры настрой, баўленне вольнага часу. Але як толькі робіцца крок у накірунку акрэсленасці гульні, сітуацыя мяняецца карэнным чынам. У чым гэта можа праяўляцца найбольш відавочна? А менавіта ў тым, што з’яўляюцца прапісаныя правілы гульні. Як толькі ўзнікае патрэба прытрымлівацца гэтых правілаў, прыемнасць, добры настрой, забава пачынаюць знікаць, бо пачынаецца «сур’ёзнае». Пачынаецца гульня, і варта спытаць прафесійнага футбаліста з топавай еўрапейскай лігі, наколькі ягоная дзейнасць падпадае пад паняцце гульні ў якасці атры-

маньня задавальнення ад самога працэсу ці гэта хутчэй праца, якая выконваецца коштам уласнага здароўя. Для абывацеля спорт не з’яўляецца нечым важным і неабходным для чалавечай жыццёвай дзейнасці. І зусім іншая сітуацыя паўстае для тых, хто знаходзіцца ў самой сістэме функцыянавання спорту [14, с. 6–8]. Па вялікім рахунку «гульня» ці «забава» пераходзяць у разрад «сур’ёзнага», як толькі пачынае дамінаваць прафесійная дзейнасць: фарміруецца пэўная арганізацыйная структура, утвараецца прызавы фонд, удзельнікі падзяляюцца на пераможцаў і пераможаных, узнікаюць асабістыя і камандныя рэйтынгі і г. д.

Метады даследавання

Пры падрыхтоўцы артыкула выкарыстоўваліся такія метады даследавання, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых і дакументальных крыніц, а таксама вывучэнне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі. Філасофскі аналіз феноменаў культуры з анталогічнага пункту гледжання перадусім акцэнтуюе ўвагу на тым, з якімі прадметамі маецца дачыненне ў гэты час. Камп’ютарныя гульні якраз дазваляюць акунуцца ў віртуальны свет, у свет, які створаны распрацоўшчыкамі адмысловых праграм, дзе карыстальнікі часам нават не заўважаюць ілюзорнасці паралельнага існавання. Кіберспорт можа вызначацца таксама як сістэма гульнявых спаборніцтваў з выкарыстаннем камп’ютарных тэхналогій, дзе з дапамогай камп’ютара мадэлюецца віртуальная прастора, у якой менавіта і адбываецца само спаборніцтва. Трэба таксама браць пад увагу, што праграмае забеспячэнне гульняў мае высокі ўзровень аўтацэнзуры, якая ўлічвае маральныя крытэрыі.

Вынікі і абмеркаванне

Кіберспорт, альбо eSports, – гэта скарачэнне англійскага выразу electronic sport. Сутнасць яго заключаецца ў тым, што праводзяцца спаборніцтвы як асобных людзей, так і ў складзе каманды ў разнастайных камп’ютарных гульнях. Як і ў традыцыйным спорце, усе турніры праводзяцца згодна з распрацаванымі правіламі, якія датычацца тыпу гульні, абсталявання і тых варункаў, якія неабходныя для перамогі. Сваю сучасную назву кіберспорт атрымаў у 1999 г., калі гэта паняцце было выкарыста-

на ў прэс-рэлізе з нагоды стварэння Асацыяцыі анлайн-гульцоў (Online Gamers Association).

Такім чынам, гісторыя кіберспорту налічвае ўсяго некалькі дзясяткаў гадоў пасля таго, як з’явіліся камп’ютарныя гульні. Першапачаткова eSports у свеце ўспрымаўся як нешта не вельмі сур’ёзнае, перш за ўсё праз тое, што ў ім адсутнічалі фізічныя нагрузкі, а самі камп’ютарныя гульні лічыліся простым баўленнем часу. Дарэчы, варта яшчэ раз гэта падкрэсліць, нават зараз такая думка пераважае ў большасці людзей. Хваля зацікаўленасці гульнямі пачалася ў 1990-я гг., хоць першы турнір адбыўся яшчэ ў 1972 г. у Стэнфардскім ўніверсітэце (Stanford University, USA), а пераможца яко атрымаў падпіску на часопіс Rolling Stone [2].

Першыя па-сапраўднаму буйныя спаборніцтвы былі праведзены ў 1980 г., калі амерыканская кампанія па вытворчасці камп’ютарных гульняў Atari вырашыла правесці чэмпіянат па Space Invaders, у якім прынялі ўдзел каля 10 тыс. чалавек. Далей развіццё кіберспорту пайшло хуткімі тэмпамі, асабліва пасля таго, як пачаліся турніры па Quake, а распрацоўшчык гэтай гульні ўзнагародзіў пераможцу аўтамабілем Ferrari. У спаборніцтвах па кіберспорце прымаюць удзел прадстаўнікі большасці краін свету, нават тых, дзе адсутнічаюць адпаведныя нацыянальныя арганізацыйныя фарміраванні. Рэгламент правядзення чэмпіянатаў усталяваецца згодна з патрабаваннямі адпаведнай структуры, што займаецца падобнага роду гульнямі. Сусветная асацыяцыя кіберспорту WESA (World Esports Association) была створана ў 2016 г. і аб’яднала самыя ўплывовыя арганізацыі, такія як Virtus.pro, Natus Vincere, Fnatic, Ninja in Pyjamas. Яшчэ раней, у 1997 г., пачала сваю дзейнасць Electronic Sports League (ESL) з удзелам Fnatic, Natus Vincere, Team EnVyUs, FaZe Clan, Virtus.pro, G2 Esports, North, Splyce, Mousesports і Ninjas in Pyjamas. Па дадзеных на 2021 г. на сайце ESL было зарэгістравана больш за 11,5 млн карыстальнікаў, 800 тыс. каманд і штодзённа праводзілася больш за 10 тыс. матчаў [2].

Ад кіберспартсменаў патрабуецца ўменне працаваць у складзе малой групы, аддаваць на трэнінгі да дзесяці гадзін у дзень, мець устойлівасць да стрэсаў, пазбягаць канфліктаў, прытрымлівацца здаровага

ладу жыцця, мець высокі ўзровень працаздольнасці. Прафесійны статус спартсмена залежыць ад такога важнага крытэрыю яго занятасці, які характарызуецца сумай атрыманых прызавых за ўдзел у спаборніцтвах, што дае магчымасць для адпаведнага асабістага як фізічнага, так і матэрыяльнага ўтрымання.

Кіберспартыўныя турніры ў высокай ступені залежаць ад стабільнай працы інтэрнэту і якасці тэхнічнага абслугоўвання. Таму вызначаюцца два наступныя тыпы турніраў: першы – LAN (Local Area Network), які праводзіцца ў камп’ютарных клубах і нават на стадыёнах, дзе збіраюцца шматтысячныя аўдыторыі; другі – анлайн-спаборніцтвы, якія не патрабуюць наяўнай прысутнасці гульцоў, але тым не менш захоўваецца магчымасць іх удзелу без увагі на актуальнае месца знаходжання, галоўнае, каб меўся камп’ютар з доступам да інтэрнэту і партнёр па гульні. Да асаблівасцяў анлайн-гульніў адносяцца найперш хуткасць доступу да сервера тых каманд, якія знаходзяцца ў розных рэгіёнах свету, а таксама ўзгадненне часу і раскладу спаборніцтваў калектываў з розных кантынентаў.

Звычайна змаганні па кіберспорце падзяляюцца на чатыры рэгіёны: Еўропа, Амерыка, Паўднёва-Усходняя Азія і Кітай. У фінальную частку буйных спаборніцтваў трапляюць пераможцы анлайн-кваліфікацыі. Існуе некалькі сістэм выяўлення лепшых: BO1 (Best of one) (гуляе адна карта, і перамагае мацнейшы); BO2 (Best of two) (гульня можа скончыцца ўнічыю); BO3 (Best of three) (лепшы вызначаецца ў трох раўндах); BO5 (Best of five) (лепшы вызначаецца ў пяці раўндах).

Аднымі з найбольш папулярных сёння лічацца такія гульні, як Dota 2, Counter Strike: Global Offensive, ці CS:GO, League of Legends, або LoL, FIFA.

Dota 2 характарызуецца як гульня ў стылі MOBA (Multiplayer Online Battle Arena) і спалучае ў сабе элементы стратэгіі рэальнага часу і камп’ютарных ролевых гульніў. Гэта супрацьстаянне ў віртуальным свеце паміж «светлым» і «цёмным» бакамі. Задача – зруйнаваць вежы саперніка і абараніць свае. Гуляюць дзве каманды па пяць геймераў.

CS:GO адносіцца да жанру шутара, іншымі словамі, гэта гульня, дзе ўдзельнік

назірае за сітуацыяй вачыма персанажа. Сутнасць гульні ў тым, што гэта спаборніцтвы дзвюх каманд – «тэарыстаў» і «анты-тэарыстаў». Задача залежыць ад карты: захапіць ці вызваліць закладнікаў, выканаць пэўную місію, замяніраваць ці размініраваць аб’ект. Геймеры маюць магчымасць выкарыстоўваць разнастайныя віды зброі і тэхнікі.

Сутнасць League of Legends заключаецца ў тым, што гэта супрацьборства дзвюх каманд з пяці прадстаўнікоў, дзе для перамогі патрабуецца не толькі знішчыць варажую базу, але і абараніць сваю. Трапіць у каманду можна толькі па запрашэнні вызначанай асобы, якая выбірае два галоўныя загаловы і мае магчымасць кантраляваць аднаго з гульцоў.

Асаблівую ўвагу прыцягвае гульня FIFA 22, якая з’яўляецца 29-й па ліку камп’ютарнай гульні з серыі FIFA ў жанры футбольнага сімулятара рэальнага матча. Існуе пералік каманд, часткова альбо поўнасцю ліцэнзіяваных, прычым гуляюць як мужчынскія футбольныя, так і жаночыя клубы. Каманды пачынаюць спаборніцтвы ад кваліфікацыйных сустрэч і далей рухаюцца да фіналу. Прымяняюцца тыя ж метады, што і ў рэальным футболе, толькі што за пасрэдніцтвам камп’ютара. Электронная сімуляцыя футбольнага матча ў вялікай ступені нагадвае рэальныя падзеі гульні, дазваляе ўдзельнікам увасобіцца ў ролю спартсмена ці менеджара, увогуле атрымаць асалоду ад самога спаборніцтва. Калі ўлічыць, што пераважная большасць карыстальнікаў мае свае ўласныя схільнасці адносна той ці іншай каманды, то кампенсаторная функцыя спорту рэалізуецца ў гэты час у значнай ступені.

Электронны спорт пераважна можа быць ахарактарызаваны ў якасці лічбавага забаўляльнага асяроддзя з шырокім ахопам і доўгатэрміновым часам прагляду, што вельмі зручна для відэарэкламы. Мэтавая група ў большасці складаецца з маладых людзей з тэхнічнымі навыкамі, што не падпадаюць пад уплыў традыцыйных сродкаў масавай інфармацыі. Асаблівасцю кіберспорту з’яўляецца яго цесная сувязь паміж прафесіяналамі і іх прыхільнікамі. Гэты эфект дасягаецца дзякуючы таму, што мноства заўзятараў eSports не толькі сочаць за найважнейшымі турнірамі, але і прысутні-

чаюць у якасці глядачоў на штодзённых трэнінгах сваіх фаварытаў, дзе маюць з імі прамы кантакт. Пастаянная прысутнасць гульцоў на пlynевых платформах як падчас правядзення спаборніцтваў, так і ў перапынках паміж імі дазваляе прыцягнуць спонсараў у якасці неад'емнай часткі кіберспартыўнага таварыства. Менавіта дзякуючы спонсарам спартсмены ператвараюць сваё аматарскае захапленне ў прафесійную дзейнасць. Гэта, у сваю чаргу, выкарыстоўваецца брэндамі ў фарміраванні і падтрымцы свайго пазітыўнага іміджу. У спалучэнні з сацыяльнымі сеткамі, якія актыўна ўзаемадзейнічаюць з кіберспартыўнай індустрыяй, eSports спрыяе рэалізацыі разнастайных маркетынговых праграм [6]. Варта заўважыць, што ў апошнія гады YouTube і Facebook пачалі актыўна інвеставаць у кіберспорт, а Electronic Sports League пайшла яшчэ далей – падпісала эксклюзіўнае пагадненне з Facebook наконт прамых трансляцый шэрага турніраў, у прыватнасці CS:GO.

Па версіі сайта HLTV.org, які асвятляе прафесійныя навіны, турніры і статыстыку кіберспорту CS:GO і мае больш за 4 млн унікальных наведвальнікаў кожны месяц, у топе лепшых гульцоў па выніках 2021 г. знаходзіліся: 1) Аляксандр s1mple Костылеў (Украіна); 2) Мацье Zyw0o Эрбо (Францыя); 3) Нікола NiKo Ковач (Боснія і Герцагавіна); 4) Дзмітрый sh1ro Сакалоў

(Расія); 5) Сяргей Ax1Le Рыхтараў (Расія); 6) Абай H0bbit Хасенаў (Казахстан); 7) Дзяніс electroNic Шарыпаў (Расія); 8) Марэк YEKINDAR Галінскіс (Латвія); 9) Валерый b1t Вахоўскі (Украіна); 10) Джамі Jame Алі (Расія) [5].

У той жа час самая паспяхова дзясятка паводле заробленых прызаў (\$ млн) на восень 2021 г. уключала ў сябе толькі гульцоў з Dota 2, пры гэтым варта ўлічыць, што прызаў фонд у гэтым відзе кіберспорту ў разы большы, чым у турнірах па іншых дысцыплінах: 1) Ёхан n0tail Сундштайн (Данія) – 7,18; 2) Эссэ JегАх Вайнікка (Фінляндыя) – 6,47; 3) Анатан ана Фам (Аўстралія) – 6; 4) Себасцьян Себ Дэбс (Францыя) – 5,77; 5) Топіас Topson Таавітсайнен (Фінляндыя) – 5,69; 6) Куро КуроКу Салехі Тахасомі (Германія) – 5,2; 7) Амер Міракл-аль-Баркаві (Ірданія) – 4,8; 8) Іван MinD_ContRoL Барыславаў (Балгарыя) – 4,59; 9) Ласэ MATUMBAMAN Урпалайнен (Фінляндыя) – 4,5; 10) Марун GH Мер-хей (Ліван) – 4,2 [4].

Варта заўважыць, што па выніках спаборніцтваў 2021 г. па розных дысцыплінах кіберспорту агульны прызаў фонд дасягнуў \$204 367 539,15. Пры гэтым было праведзена 4 282 турніры з удзелам 21 951 гульца [9].

Шэраг дадзеных па асобных дысцыплінах кіберспорту прадстаўлены ў табліцы.

Табліца. – Арганізацыя кіберспартыўных спаборніцтваў 2021 г. [9]

№ п/п	Кіберспартыўныя дысцыпліны	Прызаў фонд, \$	Колькасць гульцоў	Колькасць турніраў
1	Dota 2	47,760,560.77	933	87
2	Counter-Strike: Global Offensive	21,171,751.49	3 190	494
3	BATTLEGROUND'S Mobile	17,162,436.30	744	23
4	PLAYERUNKNOWN'S BATTLEGROUND'S	16,031,339.09	513	44
5	Arena of Valor	14,400,028.02	362	16
...7	League of Legends	7,820,971.86	1 288	93
...18	FIFA 21	2,145,134.53	227	24
...162	Def Jam: Fight for NY	20.00	3	1

Заклучэнне

Ужо зараз у кіберспорце філасофскае асэнсаванне гульні патрабуе вызначыцца з пытаннем чалавечай прыроды ў катэгорыях перамогі і паражэння, кіравання аватарам, правілаў гульні і судзейства. Філасофаў таксама не можа не хваляваць тэндэнцыя павелічэння вылічальных магчымасцяў гаджэтаў, ідэі ўтварэння лічбавага свету, суадносінаў фізічнай і віртуальнай рэальнасці.

Традыцыйны спорт і кібер-спорт усё больш перасякацца па шмат якіх пазіцыях. Але нельга таксама адназначна дэклараваць, што такое становішча будзе заставацца стабільным. Неўзабаве віртуальны свет можа запаралеліцца, і тады eSports набудзе ўласнае існаванне з усімі ўласцівымі гэтаму працэсу элементамі. Варта заўважыць, што, як і ў традыцыйным спорце, у кіберспартыўных спаборніцтвах допінгавае злоўжыванне

не з'яўляецца таямніцай. Нягледзячы на тое, што выкарыстанне забароненых рэчываў кантралюецца адпаведнымі службамі, адным з найбольш распаўсюджаных допінгавых псіхастымулятараў у кіберспартыўным асяроддзі з'яўляецца адэрол (adderall), які распрацаваны на падставе амфетаміну, добра вядомага ў студэнцкім атачэнні прэпарату, што паляпшае канцэнтрацыю ўвагі і памяць і што трапіў пад забарону як наркатык. Турнірны аператар ESL выкарыстоўвае сістэму допінг-кантролю, каб выявіць тых гульцоў, якія ўжываюць стымулятары дзеля павелічэння хуткасці рэакцыі.

Актуальнай для кіберспорту з'яўляецца праблема прыналежнасці акаўнта канкрэтнай асобе. Выяўленне яго сапраўднасці ўскладняе boosting, іншымі словамі, паляпшэнне свайго рэйтынга ў гульні ў абыход патрабаванняў правіл. Утвараецца сітуацыя, калі гулец несумленна павялічвае свой уласны рэйтынг з мэтай прыняць удзел у турніры, і тады ён непасрэдна парушае не толькі правілы гульні, але і этычныя нормы і законы.

Сёння можна з упэўненасцю вылучыць два галоўныя накірункі ў развіцці і распаўсюджванні кіберспорту: забаўляльная індустрыя ў яе бізнэс-успрыманні і спорт у яго класічным разуменні.

З неабходнасцю трэба звярнуць увагу і на тое, што імклівае развіццё інфармацыйных тэхналогій дало штуршок не толькі фарміраванню інфармацыйнага грамадства, але і стварэнню новага тыпу чалавека, які арыентаваны на пастаяннае ўзаемадзеянне з навакольным асяроддзем пры дапамозе камп'ютара, што не магло не прывесці да вынаходніцтва новага віду спартыўных дысцыплін.

Пакуль перспектывы далучэння кіберспорту да алімпійскага руху знаходзяцца на стадыі вырашэння гэтага пытання на падставе адпаведнай зацікаўленасці з боку міжнародных і нацыянальных спартыўных федэрацый праз пасрэдніцтва Міжнароднага алімпійскага камітэта. Каб набыць алімпійскі статус, кіберспорт павінен адпавядаць шэрагу патрабаванняў, а менавіта:

1) мець Міжнародную спартыўную федэрацыю, якая атрымала прызнанне МАК;
2) прызнаць і выконваць палажэнні Алімпійскай хартыі і Сусветнага антыдопінгавага агенцтва;

3) праводзіць сусветныя, кантынентальныя, рэгіянальныя і нацыянальныя чэмпіянаты і кубкавыя спаборніцтвы.

Акрамя таго, кіберспорт павінен мець прадстаўніцтва не менш як у 75 краінах чатырох кантынентаў для летніх мужчынскіх відаў спорту; не менш як у 40 краінах трох кантынентаў для летніх жаночых відаў спорту; не менш як у 25 краінах трох кантынентаў для зімовых відаў спорту. Аднак у стане высокай канкурэнцыі з іншымі спартыўнымі дысцыплінамі выкананне гэтых патрабаванняў выклікае пэўныя сумненні. МАК у барацьбе з празмерным пашырэннем праграмы Алімпійскіх гульняў спрабуе ўтрымаць гэты працэс у акрэсленых межах і таму бярэ пад увагу такія важныя крытэрыі, як папулярнасць у моладзевым асяроддзі, эфект відовішча, ахоп тэлевізійнай аўдыторыі, камерцыйны складнік і інш. [3].

Феномен кіберспорту, зразумела, патрабуе свайго філасофскага асэнсавання. Пакуль вельмі важна засяродзіцца на тым відавочным факце, што гэта з'ява рэальна існуе, і таму, як кожная сацыяльная дзейнасць, у якую ўключаны мільёны зацікаўленых, патрабуе не толькі апісання і аналізу, але і прагназавання ў дынаміцы развіцця. Фенаменалогія кіберспорту, несумненна, мае дачыненне да фарміравання іерархіі маральных каштоўнасцяў у сістэме функцыянавання сучаснага глабалізаванага грамадства.

Класічныя дэбаты аб прыродзе спорту і фенаменалогіі дасведчанасці ўдзельнікаў застаюцца актуальнымі да гэтага часу. Такому становішчу паспрыяла павелічэнне зацікаўленасці да электронных гульняў, калі на якасна новым узроўні пачало зноў абмяркоўвацца пытанне вызначальных элементаў спорту – спецыфікі традыцыйных і лічбавых гульняў. Філасафы спорту даследуюць пытанне актуалізацыі ў кіберспорце фізічных навываў, наступстваў інстытуцыялізацыі спаборніцтваў, маральнае стаўленне да лічбавых гульняў і інш. [13].

Калі, згодна з логікай С. МакКатчэана, С. Хітчэнса і А. Драчэна (С. McCutcheon, M. Hitchens, A. Drachen), фізічныя здольнасці з'яўляюцца галоўным элементам вызначэння традыцыйнага спорту, то як у такім выпадку можна ігнараваць гэта без уліку «розуму»? Таму варта дапусціць, што камп'ютарныя гульні на спартыўную тэматыку

трэба лічыць спортам, нагодай для чаго з'яўляецца дэманстрацыя фізічнага майстэрства ў гульні. Больш за тое, eSports падпадае пад характарыстыку спартыўнай актыўнасці яшчэ і таму, што ўсялякая фізічная актыўнасць уласцівая чалавечай дзейнасці. Кіберспорт таксама патрабуе фізічных і інтэлектуальных намаганняў (праца мозгу, выкарыстанне камп'ютарнага абсталявання) [12, р. 533, 534, 538].

Дарэчы, спорт можна вызначыць як дзейнасць, якая ўключае фізічныя намаганні, рухавыя навыкі ў якасці галоўнай накіраванасці з элементамі канкурэнцыі, дзе правілы і мадэлі паводзінаў рэгулююць гэты працэс праз арганізацыі, і спартыўная практыка ўключае ў сябе любы тып фізічнай актыўнасці або фізічных практыкаванняў і залежыць ад розных кантэкстаў і ін-

дывідуальнага характару. З іншага боку, да гэтага часу няма адзінага вызначэння электронных відаў спорту. Як правіла, кіберспорт уключае ў сябе некалькі розных тыпаў электронных гульняў са структурай і правіламі, падобнымі да традыцыйных відаў спорту (напрыклад, FIFA 22) [7].

Але галоўнае пытанне пры вызначэнні суадносін паміж кіберспортам і традыцыйным спортам пакуль застаецца да канца нявырашаным: ці сапраўды eSports можа быць залічаны да сістэмы арганізаваных спаборніцтваў, ці грамадская думка будзе ўспрымаць яго адпаведным чынам. Фармулёўка адказу стварае магчымасці для самай разнастайнай інтэрпрэтацыі адносна не толькі бліжэйшай, але і больш аддаленай перспектывы іх суіснавання.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте [Электронный ресурс] / Е. И. Гуреева. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/sportivnaya-terminologiya-v-lingvokognitivnom-aspekte>. – Дата доступа: 14.01.2022.
2. Киберспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znaki.fm/esports/>. – Дата доступа: 26.10.2021.
3. Олимпийские виды спорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://olympetka.ru/olymp/sport.html>. – Дата доступа: 18.02.2022.
4. Самые богатые киберспортсмены мира – как изменился топ после победы Spirit на TI10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/dota-2/articles/samyebogatye-kibersportsmeny-mira-kak-izmenilsya-top-posle-pobedy-spirit-na-ti10>. – Дата доступа: 15.02.2022.
5. Топ-10 игроков 2021 года по версии HLTV.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cybersport.ru/counter-strike-go/articles/top-20-igrokov-2021-goda-v-cs-go-po-versii-hltv-org>. – Дата доступа: 15.02.2022.
6. eSports: индустрия развлечений на смену забаве для ботанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sostav.ua/publication/esports-industriya-razvlechenij-na-smenu-zabave-dlya-botanov-79428.html>. – Дата доступа: 26.10.2021.
7. E-Sports: a legitimate sport? [Electronic resource] / M. Cerqueira [et all.]. – Mode of access: https://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1578-84232020000200001. – Date of access: 22.02.2022.
8. «Change or be changed», IOC President Thomas Bach tells IMD alumni [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.imd.org/news/updates/Change-or-be-changed-IOC-President-Thomas-Bach-tells-IMD-alumni/>. – Date of access: 11.12.2020.
9. Esports earnings [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.esportsearnings.com/history/2021/games>. – Date of access: 15.02.2022.
10. Gry komputerowie stanowią poważną część współczesnej kultury : Wywiad z Jesperem Juulem, jednym z największych na świecie specjalistów od filozoficznych aspektów gier komputerowych // Filozofuj!. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 23–24.
11. IOC President Bach writes to Olympic Movement: Olympism and Corona [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympicchannel.com/en/stories/news/detail/ioc-president-bach-writes-olympic-movement-olympism-corona/>. – Date of access: 11.12.2020.
12. McCutcheon, C. eSport vs irlSport [Electronic resource] / C. McCutcheon, M. Hitchens, A. Drachen // *Advances in Computer Entertainment Technology – 14th International Conference*

ACE, London, 2017. – Proceedings. – 2018. – Vol. 10714. – P. 531–542. – Mode of access: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76270-8_36. – Date of access: 22.02.2022.

13. Philosophy of Sport [Electronic resource]. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sport/>. – Date of access: 22.02.2022.

14. Szutta, A. Czym są gry komputerowe? / A. Szutta // *Filozofuj!*. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 6–8.

15. Szutta, A. To tylko gra? Czyli uwag kilka o etycznym wymiarze gier komputerowych / A. Szutta // *Filozofuj!*. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 13–15.

REFERENCES

1. Guriejeva, Ye. I. Sportivnaja terminologija v lingvokognitivnom aspietie [Elektronnyj riesurs] / Ye. I. Guriejeva. – Riezhim dostupa: <https://cheloveknauka.com/sportivnaya-terminologiya-v-lingvokognitivnom-aspekte>. – Data dostupa: 14.01.2022.

2. Kibiersport [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://znaki.fm/esports/>. – Data dostupa: 26.10.2021.

3. Olimpijskije vidy sporta [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://olympdeka.ru/olymp/sport.html>. – Data dostupa: 18.02.2022.

4. Samyje bogatyje kibiersportsmieny mira – kak izmenilsia top poslie pobedy Spirit na TI10 [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.cybersport.ru/dota-2/articles/samyje-bogatyje-kibiersportsmeny-mira-kak-izmenilsya-top-posle-pobedy-spirit-na-ti10>. – Data dostupa: 15.02.2022.

5. Top-10 igrokov 2021 goda po viersii HLTV.org [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.cybersport.ru/counter-strike-go/articles/top-20-igrokov-2021-goda-v-cs-go-po-versii-hltv-org>. – Data dostupa: 15.02.2022.

6. eSports: industrija razvliehienij na smieniu zabavie dla botanov [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://sostav.ua/publication/esports-industriya-razvlechenij-na-smenu-zabave-dlya-botanov-79428.html>. – Data dostupa: 26.10.2021.

7. E-Sports: a legitimate sport? [Electronic resource] / M. Cerqueira [et all.]. – Mode of access: https://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1578-84232020000200001. – Date of access: 22.02.2022.

8. «Change or be changed», IOC President Thomas Bach tells IMD alumni [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.imd.org/news/updates/Change-or-be-changed-IOC-President-Thomas-Bach-tells-IMD-alumni/>. – Date of access: 11.12.2020.

9. Esports earnings [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.esportsearnings.com/history/2021/games>. – Date of access: 15.02.2022.

10. Gry komputerowie stanowią poważną część współczesnej kultury : Wywiad z Jesperem Juulem, jednym z największych na świecie specjalistów od filozoficznych aspektów gier komputerowych // *Filozofuj!*. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 23–24.

11. IOC President Bach writes to Olympic Movement: Olympism and Corona [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.olympicchannel.com/en/stories/news/detail/ioc-president-bach-writes-olympic-movement-olympism-corona/>. – Date of access: 11.12.2020.

12. McCutcheon, C. eSport vs irlSport [Electronic resource] / C. McCutcheon, M. Hitchens, A. Drachen // *Advances in Computer Entertainment Technology – 14th International Conference ACE, London, 2017. – Proceedings. – 2018. – Vol. 10714. – P. 531–542. – Mode of access: https://doi.org/10.1007/978-3-319-76270-8_36*. – Date of access: 22.02.2022.

13. Philosophy of Sport [Electronic resource]. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/sport/>. – Date of access: 22.02.2022.

14. Szutta, A. Czym są gry komputerowe? / A. Szutta // *Filozofuj!*. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 6–8.

15. Szutta, A. To tylko gra? Czyli uwag kilka o etycznym wymiarze gier komputerowych / A. Szutta // *Filozofuj!*. – 2021. – Nr 4 (40). – S. 13–15.

УДК [165.9+130.2+14]:2+2-1

Наталья Анатольевна Никонович

канд. филос. наук, доц., ст. науч. сотрудник

отдела философии культуры

Института философии Национальной академии наук Беларуси

Nataly Nikonovich

PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher

of the Department of Philosophy of Culture

of Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: ol_ra@list.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ
И ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ**

В данной статье на основании теоретико-методологической базы работ Дж. Кэмпбелла, М. Томпсона, У. Джеймса, Я. Ассмана исследована онтология и эпистемология религии, мифо-религиозного опыта, проблема познаваемости Бога, уровни религиозного познания, его онтологическое и эпистемологическое измерения. Проанализирован религиозоведческий дискурс в зеркале методологической рефлексии: его спецификации, доминантные особенности и теоретические конфигурации. Эксплицированы новые парадигмы в дисциплинарных рамках современных религиозоведческих и мифологических концепций, спецификации и парадигмальные особенности экзистенциально-феноменологической концепции американского ученого Дж. Кэмпбелла, исследующего роль мифов в современном мире, ее значение для осмысления интериорных модусов современного человека. Определено, что в работах Дж. Кэмпбелла репрезентирована универсальная и надрелигиозная природа мифа, его связь с трансцендентным и различными вариациями измерения духовного. Показано, что процесс интериоризации, субъектной самоидентификации присущ и мифологическому, и религиозному сознанию.

Ключевые слова: религиозоведческий дискурс в зеркале методологической рефлексии, концептуально-проблемное поле современной эпистемологии религии, тематические спецификации парадигм религиозной онтологии, модификации и парадигмальные особенности концептуальных подходов в исследовании мифа и религии, теоретико-методологический плюрализм, философия религии М. Томпсона, теология сакрального Я. Ассмана, психология религии У. Джеймса, психо-феноменологическая концепция мифа Дж. Кэмпбелла

**Modern Religious and Mythological Discourse in the Mirror of Methodological Reflection:
Conceptual and Problematic Field**

In the article the ontology and epistemology of religion, mythological-religious experience, the problem of the cognizability of God, the levels of religious knowledge, its ontological and epistemological dimensions are investigated based on the theoretical and methodological basis of the works of J. Campbell, M. Thompson, W. James, J. Assman. Religious studies' discourse is analyzed in the mirror of methodological reflections: its specifications, dominant peculiarities and theoretical configurations. New paradigms in the disciplinary framework of modern religious' and mythological concepts, specifications and paradigmatic peculiarities of the existential-phenomenological conceptions of the American scientist J. Campbell, who studies the role of myths in the modern world, its importance for comprehending the interior modes of modern man are explicated. It is determined that the works of J. Campbell represent the universal and supra-religious nature of myth, its connection with the transcendent and different variations of the dimension of the spiritual. It is shown that the process of interiorization, subjective self-identification is inherent in both mythological and religious consciousness.

Key words: religious discourse in the mirror of methodological reflection, conceptual and problematic field of modern epistemology of religion, thematic specifications of paradigms of religious ontology, modifications and paradigmatic features of conceptual approaches in the study of myth and religion, theoretical and methodological pluralism, M. Thompson's philosophy of religion, theology of the sacred by J. Assman, the psychology of religion by W. James, the psycho-phenomenological concept of the myth by J. Campbell.

Введение

В статье исследованы такие концептуально-теоретические проблемы, как рели-

гиоведческий дискурс в зеркале методологической рефлексии, научно-эпистемологический потенциал современных религио-

ведческих и мифологических концепций. Эксплицированы доминантные идеи мифо-религиозных концепций различных направлений, их теоретико-методологический плюрализм – философия религии М. Томпсона, теология сакрального Я. Ассмана, психология религии У. Джеймса, экзистенциально-феноменологическая (психо-феноменологическая) концепция мифа Дж. Кэмпбелла и ряд других. Поднимаются вопросы релевантности религиозного знания, психологических основ религиозного опыта, уровней мифо-религиозного познания, их представленность в культурном дискурсе.

В современной философской науке дискутируется вопрос о внерациональной природе мифа, его сущности, проявлениях в культуре, его связи с рациональностью и т. д. В то же время, по нашему мнению, наиболее значительные результаты были достигнуты в рамках трансперсональных штудий (это касается связи мифологических и архетипических паттернов и свойств сознания – бессознательного), аналитической психологии К.-Г. Юнга, трансцендентализма К. Хьюбнера, современных концепций философии и феноменологии мифа и религии – М. Элиаде, Р. Отто и др. На основании работ американского исследователя Дж. Кэмпбелла выявлено, что когнитивно-эпистемологическое значение мифологического измерения культуры заключается в идее трансформации человеческой личности, дуальном взаимодействии «я» и мира, генерировании новых форм самосознания. Показано, что в некотором смысле мифы интериорны и их парадигматическое значение сводится как к культурогенным, так и к персоналистическим модусам. На основании ряда работ проанализированы возможности использования феноменологии, логики и онтологии мифа в конструировании новой модели рациональности, конвергенции образно-мифологического и рационально-логического начал.

Религиоведческий дискурс в зеркале методологической рефлексии: его спецификации, доминантные особенности и теоретические конфигурации

Для рассмотрения вопросов, связанных с методологией религии, методологических интенций ее исследования, концептуального и проблемного поля методологи-

ческой рефлексии мы проанализируем современные концепции философии религии (М. Томпсон, Я. Ассман, У. Джеймс и др.). В работах английского философа XX–XXI вв. Мела Томпсона представлено исследование как вопросов философии религии, так и отдельных дисциплинарных областей философии – восточной философии, философии науки, политической философии. В своем труде «Философия религии» [1] он исследует проблемы соотношения рационального и иррационального начал в религии и религиозной вере, общие дисциплинарные вопросы философии религии, эксплицирует концепции религиозного опыта, его характерные черты, религиозные концепции и онтологические доказательства. Мы можем обозначить его штудии как энциклопедический подход к спектру вопросов современной философии религии.

Рассматривая вопросы религиозного опыта – одной из важнейших религиоведческих категорий, М. Томпсон высказывает мысль о релевантности понятия опыта как такового и религиозного опыта: «Но опыт, полученный вами, действителен, даже если объяснение, данное ему, оказалось неверным. Следовательно, религиозный опыт невозможно опровергнуть аргументом, доказывающим, что Бога нет. В лучшем случае этот аргумент всего лишь доказывает, что объяснение, которое вы дали своим переживаниям, логически непоследовательно. В целом, вы можете оспорить или обосновать интерпретацию или утверждение; однако вы не можете ни оспорить, ни обосновать опыт. Вы можете лишь стремиться к тому, чтобы понять его» [1]. Религиозный опыт в его системе координат генетически связан с религиозным переживанием, т. е. это субъективно-онтологические, психологические аспекты религиозного познания.

Другая важная проблема, которую рассматривает Томпсон, – это категория мистицизма, также одно из ключевых и доминантных понятий религиоведения. Понимание мистицизма М. Томпсоном во многом схоже с интерпретацией в рамках других концепций – Р. Отто, У. Джеймса, Дж. Кэмпбелла. «В мистическом переживании различие между субъектом и объектом преодолено; в момент такого переживания личность одновременно и видит объект, и становится им. Но если обычное различие между «я» и

миром больше не существует, то возникает опасность, что индивидуальность так или иначе будет утрачена, растворившись в мистическом переживании. Однако мистики утверждают, что личность не утрачивается... Этот опыт сопровождается ощущением, что его невозможно полностью описать. Именно это породило всеобщее утверждение, что мистический опыт невыразим (т. е. его нельзя ни вербализовать, ни понять с рациональных позиций)» [1]. Эти концептуальные предпосылки создают философский фундамент и теоретическое обоснование онтологии религиозного субъекта, онтологической природы религиозного измерения личности. Те концепции религиозного опыта (Ф. Шлейермахер, У. Джеймс, Р. Отто, С. Кьеркегор, М. Бубер и ряд других), которые рассматривает английский исследователь, обладают одним несомненным свойством: они фокусируются на проблеме религиозного опыта как психологического переживания, которое тем не менее обладает онтологической и гносеологической ценностью для индивида. Вопрос религиозного опыта не является полностью проясненным в религиозоведческой науке, и его природа является исследуемым и дискуссионным вопросом. Экспликация многомерности современных парадигм анализа его сущности, теоретическая и методологическая рефлексия над его основаниями способны прояснить некоторые особенности его функционирования, личностные и внеличностные, трансперсональные свойства. Рассматриваемые нами парадигмы XX–XXI вв. априори допускают субъектную реальность того, что связано с религиозным опытом (переживаниями), религиозной эпистемой, религиозным архэ. Различаются лишь способы интерпретации функциональной связи, взаимосвязь внешнего и внутреннего в религиозной смысловосфере. Экзистенциальная вера С. Кьеркегора, «*credo quia absurdum*» Тертуллиана не рационализируемые, но обладающие внутренней ценностью измерения религиозного бытия личности. Подобная мысль в поэтической форме выражена в следующем стихе:

Я долго искал Бога у христиан,
Но его не было на кресте.
Я побывал в индуистском храме
И древнем буддийском монастыре,
Но и там не нашел я даже следов его.

Я дошел до Герата и Кандагара,
искал его повсюду,
Но его не было ни внизу, ни вверху.
Решившись, я дошел до горы Каф,
Но и там я нашел только птицу Анка,
а не Бога.
Я отправился к Каабе, но Бога
не было и там.
Я спросил о нем Ибн Сину,
Но он был выше суждений философов.
Тогда я заглянул в свое сердце.
И только там я узрел Бога,
Которого не было больше нигде.

Джалал ад-дин Руми

Обращаясь к проблеме субъективного и объективного в религиозном опыте, М. Томпсон замечает: «Религиозный опыт не может быть исключительно объективным или субъективным. Вы что-то переживаете (объективность), но что именно вы переживаете – это уже вопрос интерпретации (субъективность). Два человека могут пережить одно и то же событие; но для одного оно будет глубоким, волнующим и «религиозным», а для другого окажется малозначительным. Субъективный аспект опыта так же реален, как и объективный» [1]. Теоретически обосновывая возможность религиозных переживаний, М. Томпсон высказывает идею, что «жизнь обладает качеством самотрансценденции». Эта категория самотрансценденции является связующим звеном между внешним и внутренним. «Рассматривая религиозный опыт, мы заметили, что, хотя он происходит в конкретном месте в конкретное время, его значение выходит далеко за их пределы. Опыт становится “религиозным”, если он что-то говорит о смысле и цели всего в целом. То же самое верно и в отношении религиозного языка: имея определенное буквальное значение, он не укладывается в его рамки. Религиозный символ – будь то событие, образ или слово – указывает за пределы самого себя и в то же время в некотором роде разделяет силу того, на что указывает» [1].

Относительно дискуссии о бытии Бога М. Томпсон отмечает, что многое зависит от того, что понимать под понятиями «Бог» и «существование». Другой значимый вопрос, поднятый исследователем, может ли религиозный опыт быть доказательством бытия Бога (т. н. «аргумент от

религиозного опыта»). Нам представляется, что в субъективно-личностной плоскости, в персоналистическом измерении религиозности ответ может быть положительным.

В работах У. Джеймса, который считается одним из основателей психологии религии, рассматривается психологический ракурс религиозного опыта. Одной из наиболее фундаментальных работ как по осмыслению философской и психологической сущности религии, так и по особенностям религиозного опыта является работа ученого «Многообразии религиозного опыта» [2]. Это одна из классических работ по психологии религии, с которой фактически связано возникновение этого направления.

Мы не будем подробно останавливаться на таких рубриках, разрабатываемых У. Джеймсом, как религия и невроз, терапевтическое свойство религии, которые, несомненно, являются значимыми, но рассмотрим психологические составляющие религиозного опыта, их трансформирующее значение – проблемы, которые важны для экспликации проблемного поля статьи.

Психологический вектор задается использованием У. Джеймсом термина «личная вера». Его понимание религиозных переживаний является достаточно общим без каких-либо строгих научных критериев: «Вещи могут быть в большей или меньшей степени божественными, душевные состояния в большей или меньшей степени религиозными, реагирование – более или менее полным, но границы здесь неопределенны, и все решается относительной интенсивностью и значительностью явления. Но когда религиозные переживания достигают высшей степени развития, не может быть вопроса, каковы они. Божественные черты религиозного объекта и торжественность реагирования на него здесь так ярко выражены, что не оставляют места колебаниям» [2]. «Принятие мира» – одна из особенностей философско-психологической интерпретации У. Джеймсом религии. Также квинтэссенцией религиозного опыта для него являются религиозные переживания. Одной из центральных идей Джеймса является идея о влиянии религии на личность. Феноменология и психология религии американского исследователя базируется на исследовании корпуса переживаний личности, связанных с манифестациями религиозного. Они мно-

гообразны и в строгом смысле не все относятся к религиозному началу. Спектр вдохновляющих и пробуждающих личность переживаний он также относит к религиозным, что не является, на наш взгляд, бесспорным.

Относительно механизмов взаимодействия личности с религиозным началом, религиозного познания и объяснения его возможности с психологической точки зрения Джеймс отмечает следующее: «Есть, по-видимому, в сознании человека чувство реальности, ощущение объективного бытия, восприятие объективного бытия, представление о том, что существует нечто. Это чувство более глубокое и более общее, чем всякое другое “чувство”, согласно с выводами современной психологии должно бы считаться непосредственным источником наших откровений. И если это так, все наши чувства должны прежде всего пробуждать в нас это чувство реальности. Но если какое-нибудь постороннее влияние, влияние идеи, например, повысит это чувство, оно легко может приобрести для нас ту реальность, которая составляет привилегию нормальных чувственных восприятий. Поскольку религиозные представления способны пробудить в нас это чувство реального, мы верим в них вопреки здравому смыслу, даже в том случае, если они настолько смутны, что не могут стать образами нашего воображения» [2]. Приводимые У. Джеймсом примеры личного религиозного (мистического) опыта также представляют интерес с психо-феноменологической точки зрения и эксплицируют его субъектно-персоналистическое измерение, т. е. то, каким образом религиозное начало преломляется в структурах личности. Психология религии, наряду с феноменологией или эпистемологией, проясняет функционирование религиозного начала, его рецепцию в личностных (сознательных и бессознательных) структурах.

У Я. Ассмана, известного ученого-египтолога, теоретика культуры, мы обнаруживаем иную трактовку религиозного (сакрального). По меньшей мере две его работы: «Египет: теология и благочестие ранней цивилизации» [3] и «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [4] – переведены на русский язык. Хотя Ян Ассман в большей степени

известен как египтолог, мы можем констатировать, что, исследуя египетскую религию, он делает ряд важных выводов относительно сути религиозного начала как такового. В предисловии к книге «Египет: теология и благочестие ранней цивилизации» он оперирует такими понятиями, как «пространство близости к Богу», его «измерения», что означает «диалектику близости к Богу и Его трансцендентности». Им введены два религиозных понятия: «имплицитная» и «эксплицитная теология» и формула «творить Маат», – исходя из которых он трактует функционирование религии и культуры в древнеегипетском обществе. Несомненным является факт присутствия религиозного самосознания во всех сферах данного типа общества. Концепт Я. Ассмана «близость к Богу» – это и интенция на актуализацию и пребывание в континууме сакрального, что, на наш взгляд, присуще не только древнеегипетскому типу религиозного сознания, но и религиозному сознанию в принципе. Трансмутации этого концепта определяют тип религиозного образа мира, картины мира. Дифференцируя общее и частное в религиозной системе Ассмана, путем теоретической экстраполяции отдельные элементы его идей можно отнести не только к корпусу древнеегипетских верований, но и типу религиозного мировоззрения в целом. Он выдвигает мысль о контекстности религиозных переживаний: «Опыт и переживание возможны только внутри или вне смыслового горизонта действия, они предполагают наличие подобного горизонта, даже если выходят за его пределы. В феноменологической перспективе религиозное действие обычно описывается как “ответ” человека на “предшествовавший” вызов со стороны сакральных сил. Тем самым исследователь принимает точку зрения того, кто это действие совершает, и сосредоточивает свое внимание на самосознании культуры. Ни в коей мере не подвергая сомнению правомочность этого метода, я все же предпочитаю придерживаться историко-аналитического подхода, при котором исследователь занимает по отношению к изучаемой им религии позицию “стороннего наблюдателя”. А с точки зрения такового, “вызов”, на который человек отвечает своим действием, оказывается порождением культуры,

культурным конструктом» [3, с. 25]. Мы видим другой методологический подход, чем в рассматриваемых выше концепциях. Дефинируя понятие «близость к Богу», он предлагает понимать под ним следующее: «“Близость к богу” как упорядоченное, имеющее свою структуру пространство действия есть имплицитный фон любого контакта с божественным, и фон этот можно реконструировать по формам контакта, точно так же, как грамматику языка можно описать, изучив речевую практику» [3, с. 27].

Категории Ассмана «эксплицитная» и «имплицитная теология» являются основополагающими в его системе взглядов, но недостаточно исследованными в религиозном дискурсе. Это фактически соотношение праксиса и гнозиса, политеистического и монотеистического векторов; Я. Ассману принадлежит идея о монотеистических элементах в древнеегипетской религиозной системе. С научной точки зрения, с точки зрения эволюции религиозной онтологии представляются интересными идеи Ассмана о «теологии трансцендентности», которая объединяет политеистические и монотеистические горизонты религиозной культуры Древнего Египта. В «имплицитной теологии» идет речь о реальной представленности богов, однако остается недостаточно проясненным вопрос, как именно божества существуют в онтологической размерности личного и культурного пространства древнеегипетской цивилизации. Онтологически реальность божеств связана с культом.

Более эксплицированной является диада «сакральное – профанное», которую использует исследователь в отношении языка. «Мир не объяснялся, он «прочитывался», т. е. истолковывался сточки зрения того, как в нем проявляется божественная создающая сила» [3, с. 97]. В интерпретации Я. Ассманом древнеегипетской религии и мифологии космос предстает «как измерение близости к богу». Философия древнеегипетской религии Я. Ассмана базируется на исследовании теологии во взаимосвязи с речевыми практиками, «дискурсивным универсумом культовой речи», т. е. сакрализацией языка, тем, что мы можем обозначить как сакральная философия имени. Здесь же следует отметить связь в концепции ученого между сакрализацией языка и сакраль-

ным знанием (эпистемой). Как мы указывали выше, отдельные элементы культурно-религиоведческой интерпретации немецкого ученого могут быть применимы для религиоведческого дискурса в целом.

Концептуальные подходы в исследовании мифа и религии, их модификации и парадигмальные особенности

Работам Дж. Кэмпбелла присуща артикуляция роли мифов в современном мире, их значения для генерирования новых форм самосознания современного человека. Это также и пласт взаимосвязанных вопросов о структуризации мифологического сознания, концептуализации и верификации мифологических образов в индивидуальном и коллективном бессознательном, в культурогенных онтологических матрицах. В предыдущих статьях нами было предложено определение его подхода как экзистенциально-феноменологической концепции в философии мифа и религии [5, с. 52]. Также можно говорить о психо-феноменологическом измерении мифа в его работах. Здесь же мы указывали, что теоретические конфигурации дискурса Дж. Кэмпбелла инкорпорируют компаративную аналитику мифа, экзистенциально-антропологические и онтологические модусы. Данный подход является недостаточно исследованным в современной белорусской гуманитарной науке, как и ряд других концепций современной европейской и трансатлантической философии.

Если говорить о работе Дж. Кэмпбелла «Сила мифа» [6], то в концептуальном и методологическом отношении имеют значение его идеи, репрезентирующие широкий пласт размышлений о времени и вечности в мифо-религиозном сознании, личностном и безличностном аспектах Бога, глубинном значении мифов и поливариантности их трактовок. На наш взгляд, это синкретический, универсалистский взгляд на сущность мифологического и религиозного начал.

Фактически в работах Кэмпбелла декларируется универсальная и надрелигиозная природа мифа, его связь с трансцендентным и различными вариациями измерения духовного. Интегрированный подход в понимании духовности, мифа и религии сближает феноменологию религии М. Элиаде и аналитико-психологическую парадигму Дж. Кэмпбелла. Речь также идет о транс-

цендентном единстве сознания и его проявлений: «И там, где мы боялись обнаружить нечто отвратительное, мы найдем Бога. И там, где мы думали убить другого, мы убьем себя. Там, где мы рассчитывали вырваться наружу, мы попадем в самое сердце собственного существования. Там, где думали остаться в одиночестве, мы встретимся лицом к лицу со всем миром» [6]. Это также эпистемологическое и гносеологическое значение мифов. Теоретические границы этой эпистемологии – рефлексия над релевантностью внешнего и внутреннего, сознательного и бессознательного, культуры и личности. Можно утверждать, что когнитивно-эпистемологическое значение мифологического измерения культуры заключается в идее трансформации человеческой личности. Дж. Кэмпбелл отмечает следующее: «Существуют такие типы мифов, которые можно назвать мифами духовных поисков, и все они следуют одному и тому же образцу. Я попытался рассказать об этом в своей первой книге “Тысячеликий герой”. Все мифы описывают, по сути, один и тот же путь. Вы оставляете мир, в котором живете, чтобы погрузиться в самые глубины или подняться очень высоко. И там вы обнаружите то, чего вам не доставало все это время в мире, в котором вы раньше жили» [6]. Изменение внутренней природы личности – это особенность как мифологической, так и религиозной картины мира. В некотором смысле мифы интериорны и их парадигматическое значение сводится как культурогенным, так и персоналистическим модусам. В аналитико-психологической концепции Кэмпбелла, как и в ряде других теорий (К.-Г. Юнг, Э. Нойманн и др.), не элиминируется роль бессознательного начала и его связь с личностными архетипическими матрицами: «Мифы общаются с вашим бессознательным» [6]. Американский ученый использует мифологический образ-метафору лабиринта как метафорический аналог пути к своему бессознательному. Когнитивный потенциал мифов заключается в идее трансформации и целостности, где понятие «трансформации» подобно юнгенианской трактовке и целостность (холизм) можно трактовать в трансперсональном смысле. Тематические спецификации идей Дж. Кэмпбелла, как мы отмечали в предыдущих работах, во многом находятся в дисциплинарном поле

аналитической психологии К.-Г. Юнга, хотя и имеют ряд отличий. Вопрос, который вытекает из взглядов Кэмпбелла, могут ли мифологические матрицы модифицировать социум, особенно в период миросистемных конфигураций и демифологизации. «Это... великая истина западной культуры: каждый из нас – совершенно уникальное существо, и если мы и можем сделать что-то в этом мире, то это, в первую очередь, раскрыть заложенные в нас возможности и получить свой собственный опыт, который никто, кроме нас, получить не сможет» [6].

Мифологические и религиозные паттерны не являются взаимоисключающими или антагонистичными в системе Кэмпбелла. Процесс интериоризации, субъектной самоидентификации присущ и мифологическому, и религиозному сознанию. Анализируя значение и сущность мифологического измерения культуры и личности, можно привести следующую цитату-дефиницию американского исследователя: «Мифология существует за пределами слов, за пределами представлений о чем-либо, за пределами буддийского Колеса жизни. Мифология заставляет разум выйти за границы знакомого к тому, что может быть узнано, но не может быть названо. Вот почему это предпоследняя истина» [6].

Исследуя философию мифа Дж. Кэмпбелла в различных модификациях и ракурсах, следует отметить философскую метафору мыслителя «маски вечности», выражающую идею, что «образы мифа есть отражение духовных возможностей каждого из нас. Созерцая их, мы находим в них силу, необходимую нам для собственной жизни» [6]. Эта мысль также важна для экспликации когнитивного, эпистемологического потенциала рассматриваемых теорий. Этот потенциал заключается в трансформации и самотрансформации культуры и личности. Проводя историко-культурные параллели, можно отметить, на наш взгляд, сходство мифического опыта с «переживаниями плато» у А. Маслоу, характеризующимися интенсивностью, глубиной, трансцендентностью. В некотором отношении понимание Кэмпбеллом мистического и духовного коррелирует с недуалистическими концепциями ведической и брахманистской религии и философии. В этом смысле аналитико-психологическая концепция мифа Дж. Кэмп-

белла представляет собой синтез, симбиоз различных доктринальных подходов и концепций. Ее сущность и характерные особенности представлены как когнитивно-психологическими, так и культурно-архетипическими составляющими. Проблемы циклизма и кругового вращения сущего как элемента мифологической картины мира также находятся в фокусе его исследования. Апеллируя к идеям К.-Г. Юнга и поясняя их, ученый отмечает: «В переводе с санскрита слово “мандала” означает “круг” или “диск”, но мандала – сложная геометрическая структура, символизирующая миропорядок, т. е., по сути, мандала – модель Вселенной... Создание мандалы – это процесс объединения всех разрозненных сторон вашей жизни, поиск центра и своего места в нем. Вы стараетесь скоординировать свой круг с кругом Вселенной» [6]. Помимо анализа циклизма, ученый рассматривает и онтологические категории времени и вечности, при этом время и вечность в его интерпретации не являются дуальными противоположностями; можно говорить об их взаимопроникновении. Это также связано с интенцией сознания и индивидуальными особенностями восприятий категорий «временного» и «вечного». Важный момент заключается в психологической, персоналистической трансформации духовного измерения индивида: «Религиозная система внезапно становится личным опытом» [6]. Это относится и к проблеме роли религиозного и мифологического начала в культурном и личностном самосознании.

Подход Дж. Кэмпбелла можно рассматривать как рефлексивную модель, один из вариантов культурно-аналитической рефлексии над сущностью мифологического и религиозного, их системной и структурной взаимосвязи, их когеренции с сознанием или бессознательным, личностью, культурой и социумом. Данная концепция позволяет прояснить сущность мифологических доминант и эксплицировать многомерность векторов их интерпретации в современной философской науке. Здесь будет уместно привести цитату другого известного мыслителя, основателя аналитической психологии К.-Г. Юнга, проясняющую сущность мифорелигиозной интериоризации: «Когда жизнь человека достигает апогея, когда бутон раскрывается и из меньшего появляется боль-

шее, тогда, как сказал Ницше, “Один становится Двумя”, и великая личность, которой человек всегда был, но которая оставалась невидимой, является меньшей личности с силой откровения. И тот, кто действительно безнадежно мал, будет всегда доводить откровение той (большей) – до уровня своей ограниченности. И никогда не поймет, что настал день задуматься над своей незначительностью. Но внутренне богатый человек знает, что давно ожидаемый им друг его души – бессмертный друг – уже действительно пришел, чтобы “пленил плен”, т. е. овладеть тем, кто всегда ограничивал и держал его взаперти, как узника, для того, чтобы дать его жизни возможность влиться в эту возвышенную жизнь – момент чрезвычайно рискованный!» [7, с. 260].

Давая определение подхода Кэмпбелла как экзистенциально-феноменологического, мы указывали на экзистенциальные модусы его интерпретации мифа. Миф является не только культурной или социальной матрицей, но проявляет себя в личности индивида, сознании, надсознательном и бессознательном. Другими словами, как полагает Кэмпбелл, он связан с глубинным источником жизни: «Мифы помогают вам связать ваше сознание с опытом существования. Они говорят вам, что это такое» [6].

Если говорить о плюрализме интерпретационных стратегий, то следует отметить, что анализ мифов в пространстве культуры содержится в работах белорусского ученого, доктора философских наук, доктора культурологии П. Г. Мартысюка. Его мифо-семантическая концепция, содержащая переосмысление парадигмы циклизма, может быть рассмотрена как новая концепция культуры. Представляется значительным введение категории циклизма в культурологическую, гуманитарную науку, поскольку циклизм как доминанта культуры, как ее сущностная характеристика недостаточно рассмотрен в современной науке. Проблема, поднимаемая П. Г. Мартысюком, – это проблема переосмысления оснований культуры, поиска новых подходов и создание концепции культуры с учетом архетипических и, как пишет ученый, мифо-семантических составляющих. Исследуя категорию вечного возвращения в культуре, он отмечает: «Необходимо обратить внимание на то, что вечное возвращение произте-

кает из экзистенциальной природы человеческого сознания, которое в свою очередь формирует смысловую направленность и качественное своеобразие обусловленных им архетипов, представлений и форм культуры» [8, с. 18]. Он поясняет перманентность вечного возвращения через обращение к категории вечности и диады «конечное – бесконечное»: «Понятие «вечность» формирует направленность личности, связанную со стремлением преодолеть конечность как своего бытия, так и бытия всего сущего. Идея конечности бытия порождает неуверенность, ненадежность, подчинение случайности, а также оказывается связанной со страхом утраты собственной субстанции. Не вызывает сомнений и тот факт, что различные формы нестабильности оказываются включенными в эссенциальную конечность человеческой природы. При этом они формируют мысль о временном присутствии всего сущего в этом мире. Бесконечно изменчивая реальность окружающего мира, лишённая субстанциальности и силы бытия, ослабляет сопротивление небытию. Вместе с тем она пробуждает интерес к неизменчивости и стабильности бытия» [8, с. 22]. На наш взгляд, эта мысль показывает, что, осмысливая мифологические категории, мы проясняем свое бытие в мире, дуальное взаимодействие «я» и мира.

Российский исследователь П. Б. Тычкин осмысливает связь мифа и постнеклассической рациональности, «выявление возможности построения онтологии постнеклассической науки с участием элементов мифического мышления» [9, с. 158]. Выглядит конструктивным использование логики и онтологии мифа в конструировании новой модели рациональности, интенции на создание поля вариативных возможностей современной методологии и науки. Идея конвергенции образно-мифологического и рационально-логического начал не является абсолютно новой и имеет место в научном дискурсе последних десятилетий. Тем не менее прояснение оснований подобной конвергенции представляет собой определенную задачу теоретических исследований современной философии и науки. Как отмечает П. Б. Тычкин, «дело в том, что необходимо учесть существенный вопрос: если мы позиционируем теорию познания как раздел философии в качестве определенной систе-

мы отсчета в процессе экспликации возможных тенденций взаимодействия мифа и науки, то не означает ли это просто выбор последней как эталона (поскольку речь идет о теории преимущественно научного познания) и, следовательно, нарушение идеи принципиального равноправия этих традиций? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо предварительно задаться другим: а о какой науке идет речь? К. Хюбнер в своих работах в подавляющем большинстве случаев использует характеристики и логику классической научной рациональности.

Понятия каузальности, пространства, времени, материи, объективности, истины (и многие другие), на анализе и сравнении использования которых в мифе и науке К. Хюбнер строит ось своих доказательств, – практически все эти понятия реализованы в рамках классической научной картины мира. Если же обратиться к постнеклассической научной рациональности, то мы будем иметь дело с принципиально иным пониманием указанных выше категорий. Природа понимания истины в постнеклассической научной рациональности во многом является холистической, подразумевающей целостное видение мира с учетом множества факторов» [9, с. 159]. Фактически это постулирование интегральной философии, интегрального взгляда на мир, научность, системность.

П. Б. Тычкин также рассматривает когнитивный потенциал мифа, поднимает вопрос об эпистемологии и гносеологии в связи с дифференциацией форм познания, в т. ч. мифологического познания [10]. Автор задается вопросом об «онтологических и гносеологических основаниях» исследования роли и функций мифа как в науке, так и культуре. Критикуя концепцию Р. Барта, он также критикует подходы, нивелирующие самозначимость и самооценку мифа. Здесь, на наш взгляд, возникает спектр вопросов о автохтонности мифа, его конвергенции с другими формами культуры и сознания, определение его структуры и связи с мыслительными процедурами и т. д.

Гносеологический и онтологический анализ мифа содержится в статье Р. М. Кирилловой и Е. А. Самариной «Онтологические и гносеологические основания мифа в контексте современного гуманитарного знания» [11], где эксплицирована история ге-

незиса и становления исторических этапов изучения мифа; при этом отмечается, что гносеологический уровень применительно к мифу является более представленным в философии. Онтологическая природа мифа этими авторами трактуется в несколько антропологическом ракурсе: «Поэтому онтологический аспект мифа может быть сформулирован в виде особой проблемы и вопроса о том, каковы фундаментальные онтологические основы бытия мифа. Ответ на этот вопрос предполагает наиболее общее универсальное описание сущности мифа как относительно целостной и самостоятельной формы человеческого бытия, наиболее приближенной к истокам сущности человека» [11, с. 302]. Однако трудно согласиться с отнесением структуралистской парадигмы К. Леви-Стросса к онтологической интерпретации, хотя несомненно, что вопрос об онтологии мифа – это также вопрос о корреляции его содержимого с сознанием и бессознательным.

Заключение

На основании теоретико-методологической базы работ М. Томпсона, У. Джеймса, Я. Ассмана и др. исследована онтология и эпистемология религии, мифо-религиозного опыта, проблема познаваемости Бога, уровни религиозного познания, его онтологическое и эпистемологическое измерения. Выявлено, что религиозный опыт в системе координат философии религии М. Томпсона генетически связан с религиозным переживанием, т. е. это субъективно-онтологические, психологические аспекты религиозного познания.

Эксплицированы концептуальные подходы в исследовании мифа и религии, их модификации и парадигмальные особенности на основании идей Дж. Кэмпбелла, исследующего роль мифов в современном мире, их значение для самосознания современного человека и его интериорного измерения. Определено, что в работах Дж. Кэмпбелла репрезентирована универсальная и надрелигиозная природа мифа, его связь с трансцендентным и различными вариациями измерения духовного. Выявлено, что когнитивно-эпистемологическое значение мифологического измерения культуры заключается в идее трансформации человеческой личности. Процесс интериоризации,

субъектной самоидентификации присущ и мифологическому, и религиозному сознанию.

Психология религии, представленная У. Джеймсом, наряду с феноменологией или эпистемологией, проясняет функционирование религиозного начала, его рецепцию в личностных (сознательных и бессознательных) структурах. Проблема религиозного опыта не является полностью концептуализированной в религиозоведческой нау-

ке, и его природа является исследуемым и дискуссионным вопросом. Экспликация многомерности современных парадигм исследования его сущности, теоретическая и методологическая рефлексия над его основаниями способна прояснить некоторые особенности его функционирования, личностные и внеличностные, трансперсональные свойства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томпсон, М. Философия религии [Электронный ресурс] / М. Томпсон. – Режим доступа: <http://neotampl.eu5.org/tompson.html>. – Дата доступа: 20.11.2020.
2. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта [Электронный ресурс] / У. Джеймс. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/james01/>. – Дата доступа: 24.11.2020.
3. Ассман, Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / Я. Ассман. – М. : Присцельс, 1999. – 368 с.
4. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с.
5. Никонович, Н. А. Эпистемологическая конфигуративность религиозно-мифологического дискурса как объект философско-культурологического анализа (М. Элиаде и Дж. Кэмпбелл) / Н. А. Никонович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія, Паліталогія, Сацыялогія. – 2020. – № 2. – С. 50–60.
6. Кэмпбелл, Дж. Сила мифа [Электронный ресурс] / Дж. Кэмпбелл. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=80743&p=1. – Дата доступа: 27.11.2019.
7. Юнг, К.-Г. Архетипика мифа / К.-Г. Юнг // Душа и миф: шесть архетипов. – Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – С. 209–287.
8. Мартысюк, П. Г. Вечное возвращение в системе мифологических и религиозных координат. Опыт пропедевтики / П. Г. Мартысюк. – Saarbrücken, 2013. – 325 с.
9. Тычкин, П. Б. Логика мифа в концепции К. Хьюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии / П. Б. Тычкин // Изв. Том. политехн. ун-та. Сер. Философия, социология и культурология. – 2010. – Т. 317, № 6. – С. 157–161.
10. Тычкин, П. Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира (к критике структуралистской концепции мифа Р. Барта) / П. Б. Тычкин // Изв. Том. политехн. ун-та. Сер. Философия, социология и культурология. – 2012. – Т. 320, № 6. – С. 94–100.
11. Кириллова, Р. М. Онтологические и гносеологические основания мифа в контексте современного гуманитарного знания / Р. М. Кириллова, Е. А. Самарина // Вестн. КрасГАУ. Сер. Философия. – 2014. – № 6. – С. 298–305.

REFERENCES

1. Tompson, M. Filozofija religii [Elektronnyj riesurs] / M. Tompson. – Riezhim dostupa: <http://neotampl.eu5.org/tompson.html>. – Data dostupa: 20.11.2020.
2. Dzejms, U. Mnogoobrazije religioznogo opyta [Elektronnyj riesurs] / U. Dzejms. – Riezhim dostupa: <http://psylib.org.ua/books/james01/>. – Data dostupa: 24.11.2020.
3. Assman, Ya. Jegipiet: tieologija i blagochiestije ranniej civilizacii / Ya. Assman. – M. : Priscel's, 1999. – 368 s.
4. Assman, Ya. Kul'turnaja pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politichieskaja identichnost' v vysokikh kul'turakh drievnosti / Ya. Assman ; pier. s niem. M. M. Sokol'skoj. – M. : Jaz. slavian. kul'tury, 2004. – 368 s.

5. Nikonovich, N. A. Epistemologichieskaja konfigurativnost' rieligiozno-mifologichieskogo diskursa kak objekt filofsosko-kul'turologichieskogo analiza (M. Eliade i Dz. Kempbell) / N. A. Nikonovich // *Viesn. Bresc. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija.* – 2020. – № 2. – S. 50–60.

6. Kempbell, Dz. Sila mifa [Elektronnyj riesurs] / Dz. Kempbell. – Riezhim dostupa: http://loveread.ec/read_book.php?id=80743&p=1. – Data dostupa: 27.11.2019.

7. Yung, K.-G. Arkhietipika mifa / K.-G. Yung // *Dusha i mif: shest' arkhietipov.* – Kijev : Gos. b-ka Ukrainy dlia junoshstva, 1996. – S. 209–287.

8. Martysiuk, P. G. Vechoje vozvrashchienenije v sistemie mifologichieskikh i rieligioznykh koordinat. Opyt propiedevtiki / P. G. Martysiuk. – Saarbrücken, 2013. – 325 s.

9. Tychkin, P. B. Logika mifa v koncepcii K. Khiubnera kak epistemologichieskaja model' evoliiicii postnieklassichieskoj nauchnoj mietodologii / P. B. Tychkin // *Izv. Tom. politiekh. un-ta. Ser. Filasofija, sociologija i kul'turologija.* – 2010. – T. 317, № 6. – S. 157–161.

10. Tychkin, P. B. Kognitivnyj potencial mifa v kontiektstie sovriemiennoj nauchnoj kartiny mira (k kritikie strukturalistskoj koncepcii mifa R. Barta) / P. B. Tychkin // *Izv. Tom. politiekh. un-ta. Ser. Filasofija, sociologija i kul'turologija.* – 2012. – T. 320, № 6. – S. 94–100.

11. Kirillova, R. M. Ontologichieskije i gnosieologichieskije osnovanija mifa v kontiektstie sovriemiennogo gumanitarnogo znaniija / R. M. Kirillova, Ye. A. Samarina // *Viestn. KrasGAU. Ser. Filasofija.* – 2014. – № 6. – S. 298–305.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.11.2021

УДК 130.2

Кирилл Валерьевич Севастов

магистр искусствоведения,

аспирант 3-го года обучения каф. философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы**Kirill Sevastov**

Master of Art Criticism,

Postgraduate the 3rd Year at the Department of Philosophy and Methodology of University Education
at the National Institute for Higher Education

e-mail: kirillsevastov@gmail.com

**ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА:
КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПОИСК ПУТЕЙ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Обосновывается, что кризис культуры постмодерна объективируется в системе локальных кризисов, в т. ч. и в кризисе образования, вызванном деформациями, которые характерны для культуры постмодерна в целом. Рассматриваются наиболее существенные аспекты этих деформаций: установка на антитрадиционность, искажившая отношение к культурной преемственности; интенция на вестернизацию культуры, которая поставила под угрозу этно-национальную самоидентификацию личности; тотальная информатизация, отодвинувшая на второй план непосредственные субъект-субъектные коммуникации, столь важные в проекции «учитель – ученик». Рассмотрен феномен современного образования, отражающий в своем состоянии противоречивость и парадоксальность. Проанализированы такие их проявления, как ревизия презумпций авторитетности, преемственности и системности, обеспечивавших в классической модели образования его ступенчатость и целостность. Показано, что основоположения культуры постмодерна приводят к противоречиям внутри культурного целого, в результате чего возникают парадоксальные ситуации, требующие для своего разрешения выхода за пределы постмодернистской концептуальной парадигмы.

Ключевые слова: образование, постмодерн, кризис культуры, принцип ацентризма, бесполярность, разновекторность, антитрадиционность, глобализационность, информатизационность.

***The Phenomenon of Education in the Context of Postmodern Culture:
Crisis Trends and the Search of Ways to Overcome Them***

The article substantiates the fact that the crisis of postmodern culture is objectified in the system of local crises, including the crisis of education, caused, in turn, by those deformations that are characteristic of postmodern culture as a whole. The most significant aspects of these deformations are considered, namely: the attitude towards anti-traditionalism that took shape in postmodern culture, which distorted the attitude towards cultural continuity; emerging in the context of globalization, the intention to westernize culture, which has threatened the ethno-national self-identification of the individual; total informatization, which relegated to the background direct subject-subject communications, which are so important in the «teacher-student» projection. In the light of this, the phenomenon of modern education is considered as reflecting these inconsistencies and paradoxes in its current state. Their manifestations are analyzed, such as the revision of the presumptions of authority, continuity and consistency, which ensured its gradation and integrity in the classical model of education. Thus, the article shows that the foundations of postmodern culture lead to contradictions within the cultural whole, resulting in paradoxical situations that require going beyond the limits of the postmodern conceptual paradigm for their resolution.

Key words: education, postmodern, crisis of culture, the principle of acentrism, non-polarity, multivectorness, anti-traditionalism, globalization, informatization.

Научный руководитель – Марина Александровна Можейко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

Введение

Ценности и установки постмодернистской культуры на сегодняшний день оказались доминирующими в социокультурном пространстве, распространяя свое влияние во все более широкое диапазоне и оказывая воздействия на все более широкий спектр социокультурных феноменов. В чис-

ле таковых оказалось и образование как значимый социальный институт, выступающий важнейшим инструментом передачи культурного опыта от поколения к поколению. В условиях постмодернистской критики культурной преемственности и программного отказа постнеклассических теоретиков от традиции подрываются фундаментальные основания выполнения образованием своих социальных функций.

Целью статьи является обоснование негативных последствий влияния общих установок культуры постмодерна на современное образование и критический анализ попыток современной философии предложить пути выхода из кризисного состояния.

Для достижения поставленной цели в статье используется **методология** феноменологического анализа, позволяющая дифференцированно рассмотреть общий кризис культуры постмодерна с одной стороны и те локальные кризисы отдельных культурных феноменов, в которых он объективируется, с другой. Взаиморезонирование общекультурного и локальных кризисов рассмотрено на примере такого феномена, как образование.

Основная часть

Эпоха модерна со свойственной ей безоговорочной приверженностью к концепции абсолютных, не оправдав социальные ожидания относительно стремлений человеческого разума к наивысшей точке для достижения всеобщего блага, была вынуждена прибегнуть к экспектации иного рода – самопересмотру, приведшему к новому этапу состояния культуры – постмодерну, который изначально привлек к себе внимание именно как стадия самого модерна – культурный модерн [1]. Тем не менее сомнения в зарождении именно нового состояния культуры развеялись, когда им заинтересовались такие приверженцы марксизма в прошлом и адепты высокого модерна в последующем, как Ж.-Ф. Лиотар и Ю. Хабермас [2, с. 60–61].

Так, Ж.-Ф. Лиотар первоначально считал постмодерн не чем иным, как «внутренним развертыванием самого модерна» [2, с. 61]. Затем, описав разворачивающийся и абсолютно не свойственный модерну кризис метанарративов, он выделил постмодерн как новое состояние культуры, мягко

обозначая его как «недоверие в отношении метарассказов» [3, с. 10], а впоследствии и вовсе нарек постмодерн «парадоксом предшествующего будущего» [4, с. 32], поясняя, что «художник и писатель работают без каких бы то ни было правил, работают для того, чтобы установить правила того, что будет создано: еще только будет – но уже созданным» [4, с. 31–32]. Важно отметить, что рассмотрение Ж.-Ф. Лиотаром концептуализации постмодерна именно в альтернативу модерну всесторонне обосновано: сепаративно постмодерн по причине отсутствия какой-либо самостоятельной производительности несостоятелен.

Одновременно с тем Ю. Хабермас отрицает трактовку постмодерна как оппозиционного модерну «проекта европейской философии» и проводит новое понятие через призму авангардизма [1; 5]. Однако впоследствии Ю. Хабермас признал наличие перехода от модерна к постмодерну [6], но с трудом мог его объяснить, утверждая, что «постмодерн включен в повестку дня, но без интеллектуальной интеграции» [2, с. 61].

В процессе становления постмодерн охарактеризовал себя, с одной стороны, как культурный сдвиг в культурной жизни общества, а с другой – как реакция на кризис идей эпохи уходящей. И, что принципиально важно, переход от модерна к постмодерну не тенденциозен или (тем более) революционен – он ожидаем и логичен. Тем не менее призванный исправить фактическую недоступность моральной идеалистичности, с которой столкнулась эпоха модерна, постмодерн претерпел неудачу, ввергнув состояние культуры в целом в стадию затяжного кризиса. А именно: постмодерн, критикуя концепцию абсолютной истины, тем самым пытаясь ее устранить, ничего не предлагает взамен, за исключением, конечно, использования постоянных интерпретаций, готовых форм и аллюзий, а также общей ироничности и утверждения, что все в этом мире вторично.

Следует выделить три основных феномена, свойственных эпохе постмодерна, которые сыграли важную роль не только в современном состоянии вестернизированной культуры, но и общества в целом.

Феномен 1. Антитрадиционность.

Постмодернистская диверсификация культурной и социальной ценностей привеле-

ла к образованию нового типа культуры, который практически отказался от значимости традиции как таковой, пытаясь создать новый фундамент, основанный на антитрадиционализме.

Так, постмодерн подвергает традицию в целом глобальной критике и, не выявив области для собственных трактовок и произвольных репрезентаций, утверждает категоричный отказ от традиционности во всех проявлениях. Тут и возникает двойной парадокс: с одной стороны, постмодерн не признает категоричность и тотальность в любом проявлении, но в случае отказа от традиционности именно это и произошло; с другой стороны, утверждения постмодерна о всеобъемлющей вторичности окружающего мира не коснулись традиции, которая уже сама по себе вторична. В данном случае также важно подчеркнуть и внутреннюю противоречивость, свойственную постмодернистской установке: с одной стороны, постмодернизмом утверждается всеобъемлющая вторичность, но с другой – отвергается традиция, которая по своей сути именно вторична.

Это и привело к одному из базовых внутренних конфликтов постмодерна: экзистенциальная особенность традиции заключается именно в самоинтерпретации, что никак не предусматривалось всякого рода сторонней постмодернистской интерпретативностью.

Феномен 2. Глобализационность.

Постмодерн стал своего рода одной из предпосылок к развитию такого процесса, как глобализация, которая затронула все сферы социального и, что парадоксально, не являлась при этом процессом социальным. Глобализация по своей сути гиперсоциальна и одновременно с тем псевдосоциальна, т. к. глобализационные трансформации привели к форсированию социального фактора и дезорганизации его собственной меры, тем самым умаляя индивидуальное как составную социального. Иными словами, социальное становится мнимым, а общество – нечеловекомерным.

Важно отметить, что глобализация в целом основана именно на социальном наследии, что не противоречит постмодернистскому принципу эксплуатации существующей модели. Тем не менее парадоксальность заключается в том, что и од-

нозначного прочтения процесса глобализационности постмодерн предложить также не в состоянии, потому как для него феноменологически свойственно именно не классическое, а, соответственно, и множественное, трактование классической формы.

Феномен 3. Информатизационность.

Информатизация – процесс, параллельный глобализации, причем они взаимно усиливают друг друга. Если изначально это было связано со стремительным развитием информационных технологий, то в настоящее время она вполне может существовать самостоятельно, переняв и включив в свой инструментарий такие глобализационные процессы, как замещение интеграции массовостью, тиражирование тех или иных достижений, стандартизация социальных и культурных образований и др.

Важно отметить, что изначально обмен информацией был одним из ключевых интеграционных принципов глобализации. Тем не менее с развитием информационных технологий, а, соответственно, и расширением информационного поля, информатизация приобрела самостоятельность, потому как приоритет информационного обмена в контексте глобализации теряет свою авторитетность в мире, которому в настоящее время свойственна именно массовая информатизированность.

Так, глобальная информатизация существенно трансформирует все сферы социального, создавая новую форму – информатизированное общество, которое в своей информационной эволюции достигло того уровня, когда ценность владения информацией как таковой перестала быть тем, что имело бы определенную социальную значимость в эпоху информационного переизбытка. Все информационные процессы так или иначе связаны с обществом технологически, и поэтому элитарность владения информацией упраздняется, что приводит к следующему парадоксу культуры постмодерна. А именно: стремительная динамика общественного технологического развития привела к тому, что информационный прогресс регрессивно повлиял не только на ценность информации как таковой, но и постепенно стер границы между истинной и ошибочной информацией в целом, что в культуре постмодерна и привело к такому

постмодерністскаму ўтвэржэнню, што *істина – перемная велічына* [7, с. 19].

Такім образом, незалежна ад таго, в какой именно плоскости рассматривать постмодерн, можно утверждать, что *культура постмодерна* оказывается противоречивой и парадоксальной.

В свою очередь, парадоксальность, не имея пути для самопреодоления, неизбежно приводит к кризису. Именно в состоянии кризиса в той или иной интенсивности находятся не только отдельные социальные и культурные процессы, но и культура постмодерна в целом. Важно отметить, что преодоление кризиса в широком смысле возможно лишь при условии комплексности разрешений локальных кризисных состояний. Так, одним из ярчайших примеров среди локальных кризисных состояний культуры постмодерна (другими словами, культуры вестернизированного типа) является образование (соответственно, образование западноевропейской модели).

В данном контексте, с одной стороны, образование – это социальный инструментарий, цель которого есть социальная адаптация; с другой стороны, совокупность собирательности, экспонирования и трансмиссии культурного опыта. Тем не менее постмодернистская реальность задает совершенно иное восприятие как социального, так культурного в целом, в своих попытках формируя и выстраивая картину мира на базе таких презумпций, как хаотичность вместо статичности (принцип разновекторности), и заменяя реальность иллюзорностью (принцип бесполярности).

Для более точного описания кризисного состояния существующего образования следует прибегнуть к рассмотрению его через призму предложенного феноменологического дискурса.

Образование и традиция

Ориентация постмодерна на принцип ацентризма, предполагающий бесполярность и разновекторность культурного пространства, приводит к невозможности построения стабильной модели образования, которая была бы направлена на передачу исторического опыта, инновационное развитие культуры с опорой на традицию. Поэтому дезорганизация образования в постмодернистской версии его трактовки вызва-

на пересмотром таких основоположений образования, как:

1) *авторитетность*, паттерность которой с точки зрения постмодерна не создает пространства для свободного интерпретирования;

2) *системность*, поляризованность понятий которой постмодерн заменяет на принцип ацентризма (бесполярность и разновекторность);

3) *преемственность*, структурированность и системная ступенчатость которой постмодерн отвергает во имя пересмотра существующих концепций при помощи ассоциативности и постоянных интерпретаций.

В оппозицию традиционной образовательной парадигме с ее системностью и рациональностью постмодерн утверждает дефиниции онтологической плюральности, антирациональности, симметричности образовательной общности и правового паритета. Тем не менее традиционная парадигма образования в плоскости постмодернистского пересмотра не подвергается тотальной трансформации, потому как традиция в целом постмодерном изначально была прочитана неверно, что и определило ее в безапелляционный отказ – антитрадиционность.

Таким образом, постмодернистский кризис образования – это следствие несостоятельного анализа постмодерном фундаментальности традиции как основы для сопутствующих ступеней ассоциированности и интерпретативности и попытка отказа от нее, что ставит под сомнение преемственность в развитии культуры и потому не позволяет корректно трактовать сам феномен образования.

Образование и глобализация

Ж.-Ф. Лиотар акцентирует внимание на утилитарной функции образования, которую он считает единственно значимой и которая доминирует над такими функциями, как воспитательная, гуманистическая и культурная. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, всеобщая доступность к образованию не ставит целью формирование элит [3, с. 119]. Другими словами, из плоскости элитарности образование переходит в плоскость массовости, а точнее, в плоскость сферы услуг. Так, постепенная трансформация культуры привела к росту значимости образованности общества одновременно со стремитель-

ным развитием глобализационных процессов. Но потенциальный рост образованности в итоге привел к своего рода неконтролируемому увеличению псевдообразованности общества и, соответственно, обесцениванию образования как такового.

Одновременно с этим мировоззренческая парадигма изменилась до неузнаваемости и продолжает меняться с катастрофической скоростью, в связи с чем образование не справляется с первоначально заложенной в него функцией передачи культурного опыта, который, в свою очередь, безусловно транслируется, но его актуальность – вопрос риторический.

Таким образом, в культуре постмодерна образование в классическом понимании воспринимается как нечто необходимое для мнимой статусности, которая зачастую вовсе не предполагает какое-либо последующее применение полученных знаний, умений и навыков, а тем более их ретрансляцию и участие в глобализационных процессах.

Образование и информация

Реальность в классическом понимании обладает бинарной природой – предметность мира одновременно обладает и материальными, и нематериальными свойствами. Соответственно, постмодернистской парадигме бесполярности бинаризм не свойственен.

В свою очередь, информационное поле современности как свойство современной реальности характеризуется постоянной нестабильностью, и, несмотря на то что онтологически информация, как и реальность, двойственна (информация – дезинформация), в эпоху постмодерна она утрачивает свою изначальную полярность. В связи с глобальной информатизированностью грань между информацией и дезинформацией истончается, что приводит к стиранию той самой бинарности и образованию т. н. *переходной информационной стадии*, которая вполне может указывать, что информация в культуре постмодерна как минимум троична, что, безусловно, соответствует не только постмодернистской парадигме разновекторности, но и принципу ацентризма в целом.

Важно отметить, что постмодернистская разновекторность никак не противоре-

чит и переходу за пределы информационной троичности, т. к. рост объема информации в современном мире характеризуется исключительной экспоненциальной направленностью.

В то же время общество постмодерна, как и общественные системы и подсистемы, характеризуется ментальной деструктуризацией различной степени. Соответственно, такие основополагающие формы сознания социума, как религиозная, философская, научная и др., в современном мире утрачивают свою безусловность и категоричность (принцип ацентризма).

Так, по причине глобальной информационной нестабильности в контексте постмодернистской разновекторности, когда истинность информационного поля – понятие непостоянное, развивающееся мышление нуждается в регулярном информационном пополнении, в т. н. реконструкции информации, поднимая ее на наивысшую степень актуальности.

Однако если исходить из того, что образование – это социальный инструмент, то становится обоснованным утверждение, что в современном состоянии культуры образование в классическом понимании не только не отвечает своей критериальной сущности, но и не представляет для субъекта гарантий в виде протекции для социальной адаптивности: имеется обусловленная вероятность несоответствия полученных знаний, умений и навыков социальной реальности, для которой и свойственна информационная нестабильность, в то время как образовательная информационная база не способна на подобную информационную реактивность.

Заключение

Представленное феноменологическое триединство, свойственное парадоксальности культуры постмодерна, в очередной раз подтверждает не только существование глобального кризисного состояния, но и на примере образования демонстрирует принцип локальной множественности данного кризиса.

Безусловно, произошедший внутрисоциальный парадигмальный слом не следует рассматривать категорично регрессивно относительно культуры в целом. Такой регресс – определенная стадия ментального

прогресса, которая лишь демонстрирует, что, вероятно, обществу есть что пересмотреть и переосмыслить в стремительно меняющемся мире.

Таким образом, на примере феномена образования при помощи метода феноме-

нологического анализа представляется возможным выявление точечной зависимости кризисного состояния современной культуры от совокупности локальных кризисных состояний внутри нее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // *Вопр. философии.* – 1992. – № 4. – С. 40–52.
2. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон ; пер. с англ. А. Апполонова. – М. : Территория будущего, 2011. – 200 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2015. – 159 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма 1982–1985 / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. А. В. Гараджи. – М. : Изд-во РГГУ, 2008. – 145 с.
5. Кабанова, Л. И. Модерн и модернизм: пути и траектории становления в европейской и русской культуре / Л. И. Кабанова // *Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики.* – 2011. – № 6 (12), ч. 3. – С. 86–89.
6. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас ; пер. с нем. М. М. Беляева. – М. : Весь мир, 2003. – 416 с.
7. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко ; пер. с англ. А. М. Корбута. – Минск : Пропилеи, 2006. – 152 с.

REFERENCES

1. Habermas, Yu. Modern – niezaviershennyj projekt / Yu. Habermas // *Vopr. filosofii.* – 1992. – № 4. – S. 40–52.
2. Anderson, P. Istoki postmoderna / P. Anderson ; pier. s angl. A. Appolonova. – M. : Tierritorija budushchiego, 2011. – 200 s.
3. Liotar, Zh.-F. Sostojanije postmoderna / Zh.-F. Liotar ; pier. s fr. N. A. Shmatko. – SPb. : Alieteja, 2015. – 159 s.
4. Liotar, Zh.-F. Postmodern v izlozhenii dlia dietiej. Pis'ma 1982–1985 / Zh.-F. Liotar ; pier. s fr. A. V. Garadzhi. – M. : Izd-vo RGGU, 2008. – 145 s.
5. Kabanova, L. I. Modern i modernizm: puti i trajektorii stanovljenija v jevropiejskoj i ruskoj kul'turie / L. I. Kabanova // *Ist., filos., polit. i jurid. nauki, kul'turologija i iskusstvoviedienije. Vopr. tieorii i praktiki.* – 2011. – № 6 (12), ch. 3. – S. 86–89.
6. Khabermas, Yu. Filosofskij diskurs o modernie / Yu. Habermas ; pier. s niem. M. M. Bieliajeva. – M. : Vies' mir, 2003. – 416 s.
7. Fuko, M. Diskurs i istina / M. Fuko ; pier. s angl. A. M. Korbuta. – Minsk : Propiliei, 2006. – 152 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 04.10.2021

УДК 13

Ольга Васильевна Финслер*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Olga Finsler***Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics
of the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: olfi@bk.ru***ФЕНОМЕН ПАУЗЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ:
ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Анализируется феномен паузы в изобразительном искусстве на примере живописи и фотографии, рассматриваются его гносеологические и темпоральные аспекты. Внимание акцентируется на переносе временных ритмических характеристик паузы в музыке и театре на изобразительное искусство. Прослеживается корреляция временного фактора в истории живописи и феномена паузы. На конкретных примерах описаны практические способы выражения паузы в изобразительном искусстве и фотографии, проанализированы непосредственные задачи данного феномена в искусстве.

Ключевые слова: искусство, творчество, пауза, философия искусства, гносеология, темпоральность, живопись, фотография.

The Phenomenon of Pause in the Visual Arts: Epistemological and Temporal Aspects

This article analyzes the phenomenon of pause in the visual arts on the example of painting and photography, and also examines its epistemological and temporal aspects. In this study, attention is focused on the transfer of temporary rhythmic characteristics of a pause in music and theater to the visual arts. There is also a correlation between the time factor in the history of painting and the phenomenon of pause. The author pays special attention to practical ways of expressing a pause in fine art and photography using concrete examples, analyzing the immediate tasks of this phenomenon in art.

Key words: art, creativity, pause, philosophy of art, epistemology, temporality, painting, photography.

Введение

Пауза (греч. *остановка, прекращение*) является остановкой или осмысленной тишиной перед новым витком напряженного движения? А может, пауза настолько многомерна, что совмещает в себе большое количество смыслов, стягивая различные фазы движения и остановок в одну точку? Тем самым она обладает невероятным притяжением всех структурных и содержательных элементов произведения искусства, чтобы дать возможность зрителю осуществить смысловой выбор. Есть некая тайна в пустотах, тишине, где, оставшись наедине с собой, мы способны к сопереживанию и сотворчеству, столь необходимым в восприятии искусства. «Пауза как элемент тишины таит в себе множество философских, психологических и эстетических смыслов, в которых заключается истина и цельность жизни» [1, с. 68].

В философии искусства наибольшей популярностью пользуются темы-размышления о категориях формы и содержания, а

художественная драматургия поглощена искусством композиции, действия и рассказа. Однако в любом произведении искусства есть скрытые смыслы – символы, которые непосредственно связаны с феноменом паузы. Пауза является мощным информационным источником, выраженным в основном через символику, т. к. «за каждым молчанием/символом стоит загадка понимания» [1, с. 69]. Таким образом, мы подходим к необходимости рассмотрения гносеологических и темпоральных аспектов феномена паузы в искусстве через символику и категорию времени.

Гносеологические и темпоральные аспекты феномена паузы в изобразительном искусстве

Гносеологический аспект феномена паузы связан прежде всего с проникновением в содержательную структуру произведения искусства и его пониманием. Но зачем говорить о том, что и так понятно? Тишина или отсутствие, молчание – это тоже ком-

муникация. Пауза запускает в воспринимающем человеке вектор самопознания. Воспринимая сюжетную линию произведения искусства (а все сюжеты в истории искусства повторяются в интерпретации), мы должны понимать, что смысл не в самом сюжете, а в его трансляции, в том, как он (сюжет) к нам обращен, какой стороной, ракурсом и ценностью, а также как мы участвуем в его восприятии своим опытом. Здесь важную роль играет мировоззрение автора, зрителя и эпохи, в рамках которой разворачивается данный диалог. Поэтому символы в искусстве, имея личностную интерпретацию творческого субъекта, играют своеобразную роль пауз в художественной культуре. В этом и смысл символа «как образа, идеи, объекта, имеющего собственное содержание и одновременно представляющего в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание» [2, с. 899]. Поэтому паузы, неразрывно связываясь с символами, углубляют процесс познавательной рефлексии и вариативности, которые позволяют в моменты кажущихся «остановок» собирать в фокус многообразие творческого и теоретического опыта.

В театральных и музыкальных паузах благодаря процессуальности данных искусств происходит «доживание» предыдущего чувства или подготовка к предстоящему действию, в музыке пауза является органической частью ритма. А в изобразительном искусстве, в силу его пространственной ограниченности и непосредственной данности всех изображенных объектов на картинной плоскости, мы имеем дело с акцентами визуального характера. Именно эти изобразительные акценты (свет, цвет, силуэты, линии и т. д.) являются определенными символами, которые позволяют зрителю останавливаться на одних участках изображения и осуществлять «движение» в других участках картинной плоскости. Именно эти «остановки» или паузы-символы и задают определенный ритм в изобразительном искусстве. Поскольку ритм – это регулярное закономерное изменение движения, чередование похожих, повторяющихся элементов, мы с уверенностью можем говорить о существовании ритма картины, а значит и паузы в изобразительных видах искусства. Возможно, они не так наглядно представлены, как паузы временных видов искусств, но

тем не менее проследить чередование фаз активности и пассивности за счет дистанции объектов между собой, линейной длительности или прерывности мы прекрасно можем на примере анализа картин известных живописцев. О них речь пойдет ниже.

Возвращаясь к познавательной роли символов в художественном творчестве, нельзя не сказать о том, что символ всегда совмещает в себе авторскую позицию и обобщенное общечеловеческое переживание. Содержательный аспект искусства всегда носит обобщенный характер, ведь все уже создано и придумано до нас, но именно способ демонстрации данного сюжета, через который явно просвечивается авторская позиция, и является уникальным. В этом и смысл символов – доносить общеизвестное знание через призму своего индивидуального видения, расставляя «якоря»-зацепки через соединение известных элементов нестандартным образом. Художники-новаторы своим опытом особенно наглядно показывают значение символов, посредством которых они выводят художественный опыт на другой уровень. Мы замираем перед новым витком творческого развития, и именно в этом заключена радость познания.

Темпоральный аспект паузы представлен через связь прошлого, настоящего и будущего, что указывает на некий временной интервал. Но каким образом данный момент представлен в изобразительном искусстве?

В искусстве человек переживает время не так, как в жизни. В изобразительном искусстве мы имеем концентрацию настоящего времени в замкнутой форме, а в жизни оно постоянно течет и изменяется. Это происходит благодаря активной направленности нашего сознания на динамику жизненных событий и способности человека последовательно удерживать их в памяти. Поэтому в жизни мы больше сталкиваемся с прошлым, либо с будущим. Таким образом, настоящее как разрыв в бесконечной длительности существования, как момент столкновения субъективности с вечностью не всегда поддается осознанию, но именно в искусстве оно предстает отдельно от человека, т. е. как слепок застывшего насыщенного мгновения. И только изобразительным видам искусства характерно стремление «стянуть» время в точку (представить одно-

временность событий в одном акте созерцания) [3, с. 45]. Несмотря на это, в эпоху Античности время как таковое рассматривается только в рамках настоящего, которое существует между несуществующим прошлым и придуманным будущим. Отсюда в приоритете у античных творцов именно момент настоящего без связи с прошлым или будущим. Идеальные статуи богов и богинь, прекрасных атлетов совершенно не ассоциируются у нас с временной составляющей. Они словно выхвачены из реалий динамики жизни с ее старением, младенчеством, возрастными контрастами в иллюзорный идеальный мир творчества.

В эпоху Средневековья время – категория земная, которая отражает краткость человеческого бытия. Главной ценностью является переход в бытие вневременное. «В изобразительных искусствах новое понятие времени находит отклик в ряде своеобразных приемов рассказа и композиции. Основной принцип рассказа в средневековом искусстве заключается в сопоставлении на одной и той же плоскости изображения не одного, а нескольких событий. Зритель вместе с главным героем как бы переходит из одного этапа событий в другой» [3]. Средневековый мастер изображает не концентрированный момент события, как это сделал бы художник Ренессанса, а его временную последовательность. Отсюда ощущение паузы в средневековых изображениях связано с банальной статикой фигур людей и отсутствием динамических линий как таковых. А вневременной фактор средневековых икон подчеркивается благодаря однотонному фону и отсутствием деталей из реального мира, что создает ощущение бесконечности и остановки.

Художественная теория Ренессанса, возвращаясь к античному единству действия, требовала от изобразительного искусства, прежде всего, именно единовременного охвата всего поля зрения. Стремясь к новому единству, художники Ренессанса изобрели множество приемов, незнатных средневековому искусству. Сюда относится прежде всего центральная перспектива – одно из самых мощных средств концентрации впечатления. С изобретением центральной перспективы связаны единство масштаба, созвучие пропорций, завоевание глубины пространства. «Тайная вечера»

Леонардо является классическим образцом симультанной концепции Высокого Ренессанса, соединяющей единство места с единством действия. Однако композиция Леонардо лишена подлинной динамики текучего мгновения. Для художников Высокого Возрождения движение есть не что иное, как смена неподвижных положений. На их картинах изображены не столько сами движения, сколько выхваченные из потока времени остановки, перерывы между движениями. Человек Ренессанса мыслит движение как переход из одного неподвижного состояния в другое [4]. Поэтому смысл паузы в живописи Ренессанса заключается в незаконченности действия, что на самом деле является способом создания движения. В этом заключена диалектика категории движения, включающего в себя покой и развитие. Достаточно вспомнить фрагмент фрески Микеланджело «Сотворение Адама» или работу Джотто «Поцелуй Иуды». Мы видим четко обозначенные границы рук, лиц, которые при кажущемся устремлении на самом деле покоятся.

Во второй половине XVI в. происходит новый перелом в представлениях о времени и пространстве. Если концепцию времени в искусстве Ренессанса можно назвать статической, то концепцию барокко следует квалифицировать как динамическую. Искусство барокко выдвигает впервые проблему темпа движения, скорости времени. Чувства темпа, динамики явления или события могут быть внушены характером композиции, контрастами света и тени, нивелировкой деталей, быстрым сокращением пространства и избытием ракурсов. Большое значение может иметь и содержание изображенных событий или явлений, их характер, эмоциональный тон. Во всех этих направлениях искусство барокко по сравнению с классическим стилем стремится к большей динамике, к разнообразию и ускорению темпов, а значит и феномен паузы в данных произведениях начинает звучать особенно драматично. Имея в виду эпоху барокко, мы говорим о «психологической паузе», которая заставляет зрителя сделать осознанную остановку, опираясь на эмоциональное состояние героев. Тем самым чрезмерно эмоциональный накал барочных изображений нуждается в тишине и осмыслении происходящего на полотне. Именно это

ощущение многомерности времени и отличает искусство барокко от искусства Ренессанса. Так, в картинах Высокого Ренессанса речь всегда идет только об одном событии и о полном единообразии всех составных элементов этого события, а барочная картина часто изображает одновременность нескольких различных событий и переживаний. Особенно яркие примеры дает творчество Тинторетто, Рембрандта, Караваджо. Если мы обратимся к картинам «Возвращение блудного сына», «Ассур, Аман и Эсфирь», то не только увидим, но и проникнемся на уровне переживаний той глубинной тишиной, которая царит между героями. Молчаливые паузы способствуют продолжению действия внешнего в действии внутреннем, что делает переживание времени многомерным и многослойным. И здесь художники не стремятся оставить действие незаконченным за счет застывших поз и силуэтов героев, делая паузы очевидно наглядными. Напротив, они сталкивают фазы движения в едином эмоциональном порыве, встраивая психологические паузы-размышления в динамику сюжетного процесса. Мастерство владения формой силуэта и совершенством передачи тончайших нюансов душевного состояния героев, которые продолжают двигаться внутри при внешней статике или при внутренней экспрессии сохранять внешнюю невозмутимость, – в этом сопоставлении противоположных фаз заключается смысл искусства барокко.

На рубеже XVIII и XIX вв. в изобразительном искусстве происходит раскрытие двух очень важных свойств времени – непрерывности и длительности (в смысле продолжения прошлого в настоящем и будущем). Именно эти свойства времени и стремятся воплотить живопись Ватто. «Он не любит ни чистого профиля, ни прямого фаса; его не удовлетворяют даже более сложные повороты головы в три четверти. В работах Ватто головы изображены в неощущаемых полуповоротах, еле уловимых профилях, которые в повседневной жизни ускользают от сознания даже очень внимательного наблюдателя. В рисунках и картинах Ватто мы воспринимаем не только физическую неуловимость образа, но и столь же сложные и утонченные градации душевных переживаний: вместе с поворотами и наклонами женская голова становится то

надменной, то радостной или взволнованной» [5, с. 78]. В искусстве этого времени словно чувствуется скрытая тревожность и недосказанность, паузы укорачиваются, ритм картин становится неравномерным, происходит потеря симметрии и устойчивости.

Одну из основных тенденций живописи XIX в. можно было бы охарактеризовать как стремление подчинить пространство времени или наделить представление о пространстве свойствами времени. Первые попытки нового понимания времени можно видеть уже у Т. Жерико. С одной стороны, как изображение скорости, как подчеркивание в движении переходящего элемента, одним словом, превращение «настоящего времени» в «теперь» («Скачки в Эпсоме»). «В этом смысле паузы представляют собой концентрат энергии, когда, казалось бы, в застывшем на полотне силуэте заключено невероятное напряжение всех его физических и духовных сил, когда линии, упираясь в кульминационную точку лишь на мгновение, продолжают свое динамичное движение» [5, с. 98]. Другой путь, ведущий к переживанию времени, к его эмоциональному переживанию был избран русской живописью. Возможности этого пути наметил уже Александр Иванов. «Явление Христа народу» не случайно показывает приближение Мессии издали: оно наполнено напряженным чувством ожидания не только в смысле расстояния в пространстве, но еще больше в смысле дистанции во времени [6]. В этом случае мы имеем дело с паузой-предвосхищением, когда ожидаем свершения или развертывания определенного события в своем воображении. Неспешный темп временного развертывания таких художественных полотен располагает к вдумчивому рассмотрению сюжета, а паузы-символы выступают в роли маяков прошлой или будущей событийности.

Наряду с двумя основными течениями в концепции времени, характеризующими эволюцию европейской живописи XIX в., уже с самого начала столетия намечается третье течение, захватывающее господствующее положение. Если первым двум течениям свойствен некий синтез, равновесие пространства и времени, то третье течение характеризуется тенденцией к «поглощению пространства временем» [7]. Самые ранние симптомы этой тенденции встреча-

ются у романтиков начала XIX в., в графике Блейка. Достаточно прислушаться к словам Бергсона или Шпенглера, явно оценивающих значение времени выше значения пространства. Главную ценность времени – внутреннюю динамику, слитное единство – пространство дробит. В области художественной культуры эти тенденции находят отклик в самых разнообразных направлениях. Стоит сказать, что именно в эти годы происходит становление фотографии и кино. Время существует как длительность, но мы бессознательно вводим в него пространство (длительность ассоциируется у нас с протяженностью, а последовательность – с непрерывной линией).

Практическое выражение паузы в живописи и фотографии

В контексте растворения пространства во времени интересно будет рассмотреть практические приемы выражения паузы в современном изобразительном искусстве, начиная со второй половины XX в. Для того, чтобы погрузиться в состояние тишины, остановить поток мыслительного движения, который привык цепляться за внешние детали художественного пространства, в практическом плане существуют следующие способы:

1) простой сюжет без морали и истории, что способствует остановке активного мыслительного процесса, но активированию чувственного восприятия;

2) отсутствие детализации позволяет увести сознание от конкретики реального пространства;

3) использование однородного фона, что приводит к невозможности картины активно разговаривать со зрителем;

4) отсутствие действия и минимализм в использовании цвета, стремление к приглушенным оттенкам, что придает картине больше неподвижности;

5) разрывы линий, незаполненные пространства – все это дает ощущение наивысшего напряжения и ожидания, в чем и заключается смысл паузы;

6) присутствие света, что усиливает эффект нереальности.

Однако значение паузы в изобразительном искусстве можно обозначить в нескольких проявлениях, которые не всегда явно указывают на остановку, а, наоборот,

привлекают внимание напряженностью и динамикой момента. В этих выводах автор статьи опирался на классификацию пауз Барсуковой: пауза как процесс предвосхищения, пауза как процесс размышления, пауза как остановка и концентрат энергии [1].

Паузы могут выступать *в роли предвосхищения* события, что больше характерно для показа динамичных художественных серий. Сегодня в фотографию проникает кинематографический взгляд, и создание художественных фотосерий предполагает драматургическую цельность всех ее эпизодов. Это находит выражение во взаимосвязи всех изобразительных элементов серии посредством предвосхищения последующих эпизодов. Какими художественными средствами это достигается? В первую очередь отдельными деталями, которые во взаимодействии с героями выражают незаконченность мысли и действия, что предполагает процесс развития и завершения представленной истории в последующей серии изображений.

Также паузы могут выступать *в роли размышления/остановки*, что находит наибольший отклик в изобразительном искусстве. Сакральность тишины выражается в однотонности фона, отсутствии деталей, что создает эффект вневременности. Достаточно вспомнить образы икон, или однотонные абстракции художников XX в., или художественные композиции с минимальным количеством героев и деталей в аскетичном окружении. «Христос в пустыне» И. Крамского или «Демон» Врубеля по своему передают состояние тишины и погруженности в свои думы.

Очень интересно наблюдать в изобразительном искусстве проявление паузы *в роли концентрата энергии*, когда через соотнесение фигур, пружинность линий, информационную насыщенность сюжета, многослойность символики зритель получает максимальное количество творческой энергии и художественной информации. Этот тип пауз наиболее распространен в искусстве реалистической живописи и фотографии. Если мы вспомним сюжеты В. Сурикова «Боярыня Морозова» или «Утро Стрелецкой казни», то увидим концентрат энергии в сюжетном наполнении через композиционное, цветовое и эмоциональное напряжение между героями. Феномен

паузы отражен в этих работах за счет активной драматургической позиции автора, который сумел в одном эпизоде показать множество состояний-образов, подкрепленных композиционной «окольцовкой» зрительского взгляда.

Для более наглядного отображения разных значений паузы предлагаем сравнить две картины – Репина «Не ждали» и Хаммерсхей «У окна». В картине И. Репина «Не ждали» мы имеем дело с паузой как концентратом энергии. За счет чего это выражено в картине? В первую очередь через направленность взглядов и силуэтов героев, которые образуют напряжение динамичных линий. Во-вторых, предметы (объекты) на картине, будь то кресло, стол, проем двери, герои, образуют определенные расстояния, что создает особое притяжение между ними. В-третьих, «кажущееся» движение объектов и само неподвижное пространство картины (ровные линии комнаты, приглушенные мягкие цвета, чистый свет из окна) состязаются между собой контрастом психологического напряжения между героями и интерьерным покоем вещей. Если мы посмотрим на картину Хаммерсхей «У окна», то столкнемся с паузой, размышлением или остановкой. Это выражено через изображение героя со спины, что лишает следования за направлением взгляда героя, и мы останавливаемся перед пустым окном. Нечитаемый профиль героя придает сюжету недосказанность, лишая картину коммуникации со зрителем. Мягкие тона и обилие пустого комнатного пространства в сочетании с минимализмом вещей и одиноким героем создают ощущение пустоты и остановки.

Таким образом, мы видим, что роль паузы в изобразительном искусстве может быть различной, но самое главное ее достоинство в том, пауза говорит со зрителем, обращается к нему с внутренним монологом, позволяя открывать новые интерпретации смыслов.

В фотографии в отличие от живописи побеждает реальность. Можно ли передать паузы через объективную реальность? Конечно! От нее можно убежать, если в кадре не будет человека и документальных эпизодов, но герой и определенные предметы в кадре – это показатель конкретного времени. И нужно ли убежать от реальности? Обнаженная фигура мифологической богини

на картине – это художественный образ, он кажется выдумкой, хотя моделями для художников часто выступают реальные люди. Художественный образ героя в фотографии – это всегда реальный человек, а значит, и эстетическая требовательность по отношению к фотографии будет более высокой. Поэтому в фотографии есть мощные средства по преобразованию реальности в художественное пространство, усиливая которое можно добиться высокого профессионального уровня. Свет, создающий художественные акценты в пространстве снимка, – основа фотографии. Поэтому, управляя светом по своему желанию, фотограф способен усилить смыслы. Размытие фона и некоторых деталей реальности отсылает нас к живописной манере. Поиск смелых ракурсов дает зрителю возможность заглянуть за пределы реальности, наделив ее чертами вымысла и фантазии, придать доминантное положение или спрятать в повседневном хаосе линий. Цвет и формы могут звучать остро и пронзительно в зависимости от вложенного смысла. Фотография умеет многое, и в отличие от живописи она более смело говорит на языке современного человека. Поэтому и паузы в фотографии выражены более наглядно и жизненно, в них меньше постановочной живописности и больше жизненной динамики, которую фотограф упорядочивает «здесь и сейчас», являясь сотворцом реальности, а не ее наблюдателем. Паузы в фотографии непосредственно отражают отношение со временем самого фотографа, благодаря чему более остро звучат его ценности в отснятых сюжетах.

Заключение

Паузы всегда привлекают внимание. В жизни мы не используем художественную составляющую пауз, мы их просто не замечаем, они естественным образом встроены в наше бытие.

По итогам рассмотрения феномена паузы в изобразительном искусстве, можно сделать следующие выводы:

1. Символы в искусстве, имея личностную интерпретацию творческого субъекта, играют своеобразную роль пауз в художественной культуре. Поэтому паузы, неразрывно связываясь с символами, углубляют процесс познавательной рефлексии

субъекта. Поскольку ритм – это регулярное закономерное изменение движения, чередование похожих, повторяющихся элементов, мы с уверенностью можем говорить о существовании ритма картины, а значит, и паузы в изобразительных видах искусства.

2. Темпоральный аспект паузы представлен через связь прошлого, настоящего и будущего, что указывает на некий временной интервал. В изобразительном искусстве данный момент показан через остановку движения в незаконченности действия между героями либо через внутреннее переживание драмы, когда контраст и эмоциональный накал внешних форм передает внутреннюю остановку и тишину. Временной аспект паузы в изобразительном искусстве подчеркивается не только посредством сюжетного, эмоционального воздействия на

зрителя, но и средствами художественной выразительности: через чередование форм объектов, задающих определенный ритм картины, через композиционные приемы, позволяющие ускорять или замедлять движение взгляда зрителя по картине. Также художники и фотографы пользуются приемом минимализма в организации художественного пространства, что влияет на динамику восприятия картины. Цветовые и световые акценты зачастую играют роль символов-пауз, являющихся значимыми элементами в изобразительной плоскости.

Роль паузы в изобразительном искусстве может быть различной, но самое главное ее достоинство – пауза говорит со зрителем в его внутреннем монологе, позволяя открывать новые интерпретации смыслов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова, Т.В. Метафизика паузы в художественно-творческой игре / Т. В. Барсукова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 31. – С. 68–72.
2. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск : Кн. дом, 2003. – 1280 с.
3. Духан, И. Категория времени в изобразительном искусстве и архитектуре : учеб. пособие / И. Духан. – Минск : БГУ, 2005. – 104 с.
4. Финслер, О. В. Философские концепции времени в изобразительном искусстве / О. В. Финслер // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 2. – С. 31–40.
5. Виппер, Б. Р. Введение в историческое изучение искусства / Б. Р. Виппер. – М. : В. Шевчук, 2010. – 368 с.
6. Никитина, И. Философия искусства / И. Никитина. – М. : Омега-Л, 2010. – 559 с.
7. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

REFERENCES

1. Barsukova, T. V. Miefizikapauzyvkhudozhestviennomtvorchiestvie / T. V. Barsukova // Viestn. Cheliab. gos. un-ta. – 2010. – № 31. – S. 68–72.
2. Noviejshij filosofskij slovar' / sost. i gl. nauch. ried. A. A. Gricanov. – 3-je izd., ispr. – Minsk : Kn. dom, 2003. – 1280 s.
3. Dukhan, I. Katiegorija vriemieni v izobrazitel'nom iskusstvie i arkhitekturie : uchieb. posobije / I. Dukhan. – Minsk : BGU, 2005. – 104 s.
4. Finslier, O. V. Filosofskije koncepciivriemieni v izobrazitel'nom iskusstvie / O.V. Finslier // Viesn. Bresc. un-ta. Sie. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2011. – № 2. – S. 31–40.
5. Vipper, B. R. Vviedienije v istorichieskoje izuchienije iskusstva / B. R. Vipper. – M. : V. Shevchuk, 2010. – 368 s.
6. Nikitina, I. Filosofija iskusstva / I. Nikitina. – M. : Omega-L, 2010. – 559 s.
7. Mikieshina, L. A. Filosofija poznaniija. Poliemichieskije glavy / L. A. Mikieshina. – M. : Progress-Tradicija, 2002. – 624 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.03.2022

ПАЛІТАЛОГІЯ

УДК 327 [476+4/5]

Виктор Николаевич Ватыль

д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Viktor Vatył

*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science
of the Yanka Kupala Grodno State University*

e-mail: vatyln@gmail.com

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И ЕЭАС: ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

На основе институционального и структурно-функционального подходов показано, что оценка существа и некоторых проблемных особенностей институционального регулирования и управления между регионами в рамках Евразийского экономического союза свидетельствует о возможности разработки предложений по активизации межрегионального сотрудничества в ЕАЭС, в т. ч. в Беларуси. Первое из них связано с наднациональным уровнем. Практика межрегионального сотрудничества, показала, что в рамках ЕАЭС желательна создание координационной структуры согласующей взаимодействие региональных субъектов евразийского объединения и способствующей формированию эффективных программ сотрудничества. В ее компетенции – макроэкономика, логистика четырех основных дорожных карт, социальная политика, стратегия регионального развития в структуре ЕАЭС. Второе отражает национальный уровень. Это разработка алгоритмов региональной политики, способствующей реализации интеграционных связей. Это возможно при реальном сближении государств – членов ЕАЭС и выравнивании «разницы» в уровнях развития евразийских регионов. Третье отражает собственно региональный уровень. Здесь уместно будет создание той активизирующей интеграционной атмосферы в регионах посредством создания структур, берущих на себя задачу организации и реализации «точек» взаимного регионального интереса и роста.

Ключевые слова: *межрегиональное сотрудничество, Беларусь, ЕЭАС, институциональное регулирование, национальный и наднациональный уровни.*

Interregional Cooperation between Belarus and the EEA: Features of Institutional Regulation and Development

Based on institutional and structural-functional approaches, it is shown that the assessment of the substance and some problematic features of institutional regulation and management between regions within the framework of the Eurasian Economic Union indicates the possibility of developing proposals to enhance interregional cooperation in the EAEU, including in Belarus. The first of them is connected with the supranational level. The practice of interregional cooperation shows that within the framework of the EAEU, it is desirable to create a coordination structure that coordinates the interaction of regional entities of the Eurasian union and contributes to the formation of effective cooperation programs. Her competence includes macroeconomics, logistics of the four main road maps, social policy, regional development strategy in the structure of the EAEU. The second reflects the national level. This is the development of algorithms for regional policy that contribute to the implementation of integration ties. This is possible with the real rapprochement of the EAEU member states and the leveling of the «difference» in the levels of development of the Eurasian regions. The third reflects the regional level itself. It would be appropriate here to create that activating integration atmosphere in the regions by creating structures that take on the task of organizing and implementing "points" of mutual regional interest and growth.

Key words: *interregional cooperation, Belarus, EEA, institutional regulation, national and supranational levels.*

Введение

Актуальность рассмотрения выбранной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Первое – общего порядка. Одной из зримых картин мирового развития

является расширяющееся участие в нем не только государств, но и их составных частей – регионов. Эта нарастающая тенденция отражает повышение роли регионов в международных интеграционных процессах

и усиливает эффективность национальной внешней политики.

Второе – растущая политическая значимость статуса и функционала региона. «Стремление регионов к расширению собственной самостоятельности на международной арене, – подчеркивает И. М. Бусыгина, – является составной частью более общих процессов внутригосударственной регионализации и федерализации; с другой стороны, сами эти процессы стимулируют активизацию международных связей регионов» [1, с. 226].

Третье обстоятельство связано с социальными планами регионов. Участие в международной региональной интеграции позволяет повысить отдачу в достижении социальных результатов региональной интеграции, развитии и углублении местной инфраструктуры и человеческих ресурсов.

Четвертое – специфического характера. Конкурентоспособность страны сегодня нельзя рассматривать в отрыве от присутствия интеграционного фактора на ее различных территориях, что повышает значимость системы управления регионом.

Территория становится местом управления, обеспечивая возможность выхода на продуктивный мировой рынок. Оформление местного уровня регулирования и управления региональной интеграцией определяется, с одной стороны, общими закономерностями развития международных и интеграционных процессов, с другой – той спецификой, которая присуща известным региональным объединениям.

Итак, объект рассмотрения – межрегиональное сотрудничество Беларуси в рамках Евразийского экономического союза; предмет исследования – анализ особенностей институционального регулирования и управления, цель – выявление теоретико-методологических подходов, направлений межрегионального сотрудничества, форм и инструментария его реализации.

Методология исследования

Объект исследования – предметное намерение и целеполагание – будет реализован посредством применения трех объяснительных моделей: концептуальной, инструментальной и проективной.

Концептуальная модель в объяснительной конструкции темы предполагает

характеристику наиболее распространенных концептов участия регионов в международных интеграционных процессах и определение методологического контура регулирования интеграции регионов стран – членов ЕАЭС, в т. ч. Беларуси. Формирование концепта интеграции регионов в евразийской интеграционной парадигме опирается на ключевые положения ряда направлений теории международной региональной интеграции: федерализма, функционализма, межгосударственного подхода, многоуровневого управления.

Известно, что классическим принципом федерализма является тезис о распределении (перераспределении) экономических, социальных и политических ресурсов и полномочий между центральной и местной властями (нередко в пользу первых). Принимая сам принцип распределения и взаимосвязи, сторонники федералистского подхода считают, что взаимосвязь местного, национального и наднационального в практике применения будет иметь неоправданные перекосы и, как следствие, мотивированное отторжение. К такой взаимосвязи, уверяют они, надо подходить весьма осторожно. Функционалисты, объясняя выгоды применения наднационального механизма, указывают, что международные региональные организации, объединяя межгосударственные ресурсы и усилия, способны эффективнее, чем национальные государства и местные власти, реализовать общественно полезные цели, задачи и интересы. Сторонники межгосударственного подхода, опираясь на свой главный тезис о приоритете национального государства, подчеркивают, что интеграционные процессы с их наднациональными механизмами являются развитием и продолжением разносторонних межправительственных и иных межгосударственных отношений. По их твердому мнению, наднациональные интеграционные механизмы не ослабляют, а усиливают безопасность национального государства. Укрепление национальной безопасности осуществляется посредством умелой реализации технологий политики интеграции – технологий координации и субсидиарности. Концепт многоуровневого управления отразил как проблемы функционирования ЕАЭС, так и необходимость дальнейшего развития интеграционных взаимосвязей

между государствами – членами союза. Его сторонники стремились избегать крайних и радикальных оценок в измерениях интеграции евразийского объединения. Оставляя за «скобками» некую одну доминанту в этих оценках, они проявляют осторожность в подходах, признавая наличие разнообразных пересекающихся компетенций и полномочий. Наднациональный и местный механизмы регулирования интеграционных процессов в ЕАЭС – один из таковых. Эти уровни в ЕАЭС выступают одними из связующих звеньев в цепи государственных и межгосударственных отношений.

Подводя итог краткому рассмотрению вышеперечисленных направлений, можно констатировать следующее.

Во-первых, при всех своих видовых особенностях они сходятся к тому, что наднациональный, национальный и местный уровни регулирования не появляются спонтанно и произвольно, а отражают объективный момент в становлении, развитии и функционировании конкретного регионального интеграционного процесса. Эти уровни появляются на основе сложившихся и проявивших себя социальных предпосылок – развитых национальных экономик, выявивших четкую тенденцию к интернационализации. Главное же заключается в том, что растущая взаимосвязанность национальных экономик неизбежно ведет к усилению их взаимозависимости. Экономическая взаимозависимость, как следствие, рождает потребность в новых формах международного управления социально-экономическими процессами.

Во-вторых, анализируемые направления показали, что наднациональный, национальный и местный уровни регулирования по мере своего становления в региональном интеграционном процессе приобретают устойчивое положение с присущими ему особыми чертами и характеристиками. К таковым относятся: а) структура формализованных наднациональных, национальных и местных институтов регулирования и управления; б) совокупность принципов, правил и механизмов разработки общеобязательных решений; в) наличие процедур внедрения и реализации принятых решений; г) программы финансового обеспечения общей экономической политики; д) перечень

мер контроля и санкционированного воздействия.

В-третьих, вышеперечисленные признаки позволяют говорить о предварительном понятийном понимании наднационального, национального и местного уровней регулирования. Они являют особую взаимосвязь институтов, акторов, правил и норм, созданных по канонам международных договоренностей и права с одобрения заинтересованных национальных государств, выводящих его за пределы государственных границ с целью достижения конструктивных задач и программ интеграционного характера.

Нашей исходной позицией в определении методологического контура регулирования интеграции регионов стран – участниц ЕАЭС становится посыл о необходимости междисциплинарного подхода к осмыслению обозначенной темы. Как правильно замечает Т. С. Вертинская, «речь идет о синтезе и взаимопроникновении в соответствии с геопрограммным подходом исследовательских объектов, понятий, принципов и методов научных дисциплин, связанных, с одной стороны, с региональными исследованиями, с другой – с мировой экономикой и международными отношениями» [2, с. 12]. Предпосылкой методологического контура выступает формулировка межрегионального сотрудничества как региональной компоненты в развитии интеграционных связей в ЕАЭС. Заданный изначальный посыл позволяет сформулировать ряд методологических пунктов, необходимых для успешного развития межрегионального сотрудничества Беларуси со странами – участницами Евразийского экономического союза.

Во-первых, регулирование интеграционной сети регионов рассматривается как региональная составляющая всего интеграционного ареала ЕАЭС. Такой подход дает возможность рассматривать межрегиональное сотрудничество в связи с общими процессами развития сфер товаров, услуг, капиталов и рабочей силы ЕАЭС как четырех основных свобод и дорожных карт и акцентировать в них взаимоотношения с регионами, которые до сих пор не актуализировались в общем потоке регионального управления и администрирования.

Во-вторых, заданный исходный вектор позволяет более продуктивно увязать стратегические цели в ЕАЭС с социально-экономическими задачами различных регионов посредством использования территориальных ресурсов региональной политики.

В-третьих, горизонтом методологического контура становится устойчивое развитие самих регионов. Такая установка будет определяющей для регионального регулирования и управления. Необходимо создавать и соответствующее пространство, в котором региональные органы власти и управления будут способны реализовать эту стратегическую установку во взаимодействии с потенциалом ЕАЭС в интересах местных сообществ и регионального объединения в целом.

В-четвертых, предлагаемый методологический подход сулит получение дополнительных дивидендов от использования описанного интеграционного модуля:

- а) достижение межрегиональной специализации;
- б) ликвидация «ножниц» в социально-экономическом развитии регионов;
- в) устойчивое функционирование и развитие ЕАЭС и стран-участниц;
- г) выход на новый уровень конкурентоспособности в межрегиональном сотрудничестве.

Завершая разговор о характеристиках концептуальной модели, надо подчеркнуть, что ее применение позволяет усилить аналитические параметры рассмотрения межрегионального сотрудничества в рамках ЕАЭС, четче подчеркнуть специфику регионального компонента в структуре ЕАЭС, выявить новые источники и ресурсы возрастания статуса и роли межрегионального сотрудничества.

Морфология исследования

Назначение инструментальной модели состоит в характеристике фактографической стороны в межрегиональном сотрудничестве Беларуси со странами – участниками ЕАЭС. Ее применение позволит раскрыть морфологию основных направлений этого сотрудничества. Морфологическую структуру мы будем показывать на основе анализа опыта Гродненского региона, который является одним из типичных в данном случае [3]. Для эффективного межрегио-

нального сотрудничества в рамках ЕАЭС на Гродненщине существует современная инфраструктура, квалифицированные кадры, необходимые энергетические мощности. Для стран ЕАЭС здесь особенно привлекательна развитая дорожная инфраструктура. Через область проходят международные автомагистрали, соединяющие страны Европы и ЕАЭС. Главные автотрассы региона идут в направлении Минска, Вильнюса, Барановичи и Бреста. Кроме того, область имеет обширную железнодорожную сеть. Международные линии связывают ее с Польшей и Литвой. Развита и трансграничная сеть водного транспорта.

Промышленность Гродненской области представлена в первую очередь химической отраслью: здесь производится 100 % республиканского объема капролактама и синтетического аммиака, 91,7 % азотных удобрений, 41,2 % цемента, а еще 100 % картофелеуборочных машин. Гродненщина – это и ведущий аграрный сектор страны: по производству сельскохозяйственной продукции она занимает лидирующие позиции в Беларуси. На Гродненщине расположена промышленная свободная экономическая зона «Гродноинвест», резидентами которой являются 75 предприятий из 41 страны мира, в т. ч. государств – членов ЕАЭС.

Одно из основных направлений межрегионального сотрудничества – торговля. Гродненская область поддерживает торгово-экономические отношения более чем со 105 странами мира, экспортируя свои товары (минеральные удобрения, цемент, сухие строительные смеси) на рынки 80 государств.

В страны ЕАЭС Гродненщина поставляет молоко и сливки, сгущенные или с добавлением сахара, сыры и творог, мясо крупного рогатого скота, сливочное масло, мебель и ее части, колготы, чулки, нити комплексные синтетические, провода изолированные, полиацетали, полиэферы простые, безалкогольные напитки и табачные изделия. Главными экспортёрами в страны ЕАЭС стали такие предприятия, как ОАО «УКХ “Гродномясомолпром”», ОАО «Гродно “Азот”», СООО «Конте СПА», ОАО «Щучинский завод “Автопровод”», СООО «ЗОВЛен ЕВРОМЕБЕЛЬ», ОАО «Лакокраска», ОАО «Скидельский сахарный комбинат», ИООО «БелГро», СООО «Зов Плита», ОАО «Лидское пиво».

Доминирующее положение во внешней торговле области занимает Российская Федерация, доля экспорта которой превышает 60 %.

Сотрудничество Гродненщины и Казахстана началось в 2015 г. Оно выстраивается на основе Меморандума о взаимном сотрудничестве в отрасли сельского хозяйства между Гродненским облисполкомом и акиматом Акмолинской области (2014 г.); соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Гродненской областью и Актюбинским акиматом (2009 г.), Мангистауским акиматом (2012 г.); Костанайским акиматом (2013 г.); Жамбылским акиматом (2015 г.).

Межрегиональное сотрудничество с Арменией формируется на основе соглашения между Гродненской областью и Ширакским марзом Республики Армения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (2009 г.), с Кыргызстаном – на основе соглашения с администрацией Джалал-Абадской области (1996 г.). Перечисленные документы о сотрудничестве соответствуют нормативно-правовым требованиям ЕАЭС. В итоге, согласно статистическим данным, объем торговли Гродненской области со странами ЕАЭС составляет около 60 %.

Значимое место в межрегиональном сотрудничестве занимает Республиканская универсальная выставка-ярмарка «Еврорегион “Неман”». Сотрудничество Гродненской области с партнерами по ЕАЭС осуществляется около 20 лет. Бизнес-форум в 2019 г. собрал 1 000 участников, экспертов, дипломатов и представителей деловых кругов из 30 стран, в т. ч. из России, Казахстана, Армении, Кыргызстана. Союзное сотрудничество на форуме обсуждалось в формате определения перспективных направлений инвестирования, возможностей использования индустриальной площадки СЭЗ «Гродноинвест» как вектора укрепления трансграничного сотрудничества. Было подписано 19 международных и региональных соглашений с представителями 10 стран на сумму более 20 млн долл. США.

Позитивным ресурсом межрегионального сотрудничества выступает расширение дипломатическо-консульского сервиса. Так, в 2017 г. в Гродно открылось почетное кон-

сульство Кыргызстана. Его задачами являются защита прав и интересов Кыргызской Республики, ее граждан и юридических лиц, содействие развитию торговых, экономических, культурных и научных связей между Кыргызстаном и Беларусью, а также развитие и укрепление дружественных отношений между обоими государствами в рамках ЕАЭС.

Надо также подчеркнуть, что Гродненщина имеет сложившуюся структуру сотрудничества в ЕАЭС. В его фарватере – взаимоотношения Гродненского региона с Россией в рамках Союзного государства. Драйверами расширения контактов выступают химическая промышленность, агро-сектор, перевозки, логистика, цифровые коммуникации.

Прогностика исследования

Использование проективной модели в структуре межрегионального сотрудничества позволит охарактеризовать одну из первостепенных, но весьма непростых граней – особенности институционального регулирования и управления. Специфика этой грани обусловлена противоречивой взаимосвязью наднационального, национального и регионального (местного) уровней администрирования в рамках ЕАЭС.

На наднациональном уровне, как указывают официальные лица, существует большой разрыв между политической волей глав государств и практическими решениями, а также их исполнением, в т. ч. в межрегиональных взаимоотношениях. «Уровень прозрачности и готовности проводить экономические процессы разный», – подчеркивает Председатель коллегии ЕЭК М. Мясникович [4].

На национальном уровне имеет место асимметрия в развитии правовой основы для движения межрегионального сотрудничества. Наиболее развитой она является в Российской Федерации, наименее – в Беларуси [5, с. 140]. Чаще всего уровень регионального управления в формате ЕАЭС определяется двусторонними договоренностями между странами – участницами евразийского объединения, типа Беларусь – Россия, Беларусь – Казахстан. Еще тревожной выглядит ситуация соучастия бизнес-структур в национальном и субнациональном уровнях регулирования и управления.

На региональном и местном уровнях имеются институциональные несоответствия, обусловленные как спецификой построения системы регионально-местного управления, так и особенностями проводимой различными странами ЕАЭС региональной политики. Обозначенная выше специфика требует от нас определения исходной позиции в понимании регионального уровня институционального регулирования и управления. Наша трактовка предполагает, что интеграционные связи на местном уровне находятся в прямой корреляции с социально-экономическим развитием региона. Построение регионального пространства становится локомотивом развития регионов и Евразийского объединения в целом. В результате появляется набор способов, приемов и технологий управления интеграцией регионов в структурах ЕАЭС, потенциал которых усиливается посредством продуктивного управления. В конечном итоге это позитивно сказывается на внутреннем состоянии регионов и стимулирует рост межрегионального сотрудничества стран – участниц ЕАЭС. Заметим, что высказанное нами суждение согласуется с известной парадигмой понимания статуса и роли межрегионального сотрудничества, предложенной Институтом экономики НАН Беларуси [6].

Заключение

Таким образом, оценка существа и некоторых проблемных особенностей институционального регулирования и управления между регионами в рамках ЕАЭС сви-

детельствует о возможности разработки предложений по активизации межрегионального сотрудничества в структуре Евразийского экономического союза, в т. ч. Беларуси. Первое из них связано с наднациональным уровнем. Практика межрегионального сотрудничества, проблемы, возникающие в процессе его развития, показали, что в рамках ЕАЭС желательным созданием координационной структуры, с одной стороны, согласующей текущее взаимодействие региональных субъектов евразийского объединения, с другой – способствующей формированию эффективных программ последующего совместного движения. В ее компетенции – макроэкономика, логистика четырех основных дорожных карт, социальная политика, стратегия регионального развития в структуре ЕАЭС.

Второе отражает национальный уровень [7]. Его эпицентр – разработка алгоритмов региональной политики, способствующих реализации интеграционных связей. Это возможно на путях действий, ведущих к реальному сближению государств – членов ЕАЭС, а также выравнивания «разницы» в уровнях развития евразийских регионов [8, с. 418, 419; 9].

Третье отражает собственно региональный уровень. Здесь уместно будет создание той активирующей интеграционной атмосферы в регионах посредством создания структур, берущих на себя задачу организации и реализации «точек» взаимного регионального интереса и роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бусыгина, И. М. Политическая регионалистика / И. М. Бусыгина. – М. : МГИМО (Университет) : РОССПЭН, 2006. – 280 с.
2. Вертинская, Т. С. Экономическая интеграция регионов стран – членов ЕАЭС: методология и концепция регулирования : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 04.00.14 / Т. С. Вертинская ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск, 2019. – 54 с.
3. Пукович, А. В. Перспективы сотрудничества Брестской области со странами Евразийского экономического союза и рекомендации по развитию торгово-экономических связей регионов / А. В. Пукович // Проблемы упр. – 2019. – № 3 (73). – С. 117–123.
4. Химшиашвили, П. В ЕАЭС назвали препятствия для углубления интеграции [Электронный ресурс] / П. Химшиашвили, А. Атасунцев. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/18/03/2020/5e70cfce9a79471c8478422e?from=from_main. – Дата доступа: 25.03.2022.
5. Вертинская, Т. С. Теоретические и практические основы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС: на примере участия Республики Беларусь / Т. С. Вертинская. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 372 с.

6. Вертинская, Т. С. Концептуальные основы развития интеграционных связей на уровне регионов стран – членов Евразийского экономического союза / Т. С. Вертинская. – Минск : Право и экономика, 2016. – 74 с.

7. Курадовец, А. И. Социально-экономические эффекты и некоторые проблемы функционирования Республики Беларусь в рамках ЕАЭС / А. И. Курадовец // Региональные интеграционные процессы и Беларусь: философско-мировоззренческие основания, тенденция развития, опыт социально-политического моделирования : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 17–18 мая 2018 г. : в 2 ч. / Ин-т философии НАН Беларуси, ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: А. А. Лазаревич (гл. ред.), В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 255–258.

8. Румянцев, В. А. Инструменты и механизмы сопряжения функционирования региональных объединений на евразийском пространстве, актуальные для интеграционной политики Беларуси / В. А. Румянцев // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / Ин-т экономики НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Бельский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – Т. 2. – С. 417–421.

9. Перевезенцев, С. В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии / С. В. Перевезенцев. – М. : Вече, 2019. – 608 с.

REFERENCES

1. Busygina, I. M. Politichieskaja riegionalistika / I. M. Busygina. – M. : MGIMO (Universitet) : ROSSPEN, 2006. – 280 s.

2. Viertinskaja, T. S. Economichieskaja integracija riegionov stran – chlienov YeAES: mietodologija i koncepcija riegulirovanija : avtorief. dis. ... d-ra ekon. nauk : 04.00.14 / T. S. Vertinskaja ; In-t ekonomiki NAN Bielarusi. – Minsk, 2019. – 54 s.

3. Pukovich, A. V. Pierspiektivy sotrudnichiestva Briestskoj oblasti so stranami Evrazijskogo ekonomichieskogo sojuza i riekomiendacii po razvitiju torgovo-ekonomichieskikh sviaziej riegionov / A. V. Pukovich // Problemy upr. – 2019. – № 3 (73). – S. 117–123.

4. Khimshiasvili, P. V YeAES nazvali priepiatstvija dlia uglubljenija integracii [Elektronnyj riesurs] / P. Khimshiasvili, A. Atasuncev. – Riezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2020/5e70cfce9a79471c8478422e> ? from=from_main. – Data dostupa: 03.25.2022.

5. Viertinskaja, T. S. Tieorietichieskije i praktichieskije osnovy economichieskoj integracii riegionov stran – chlienov YeAES: na primierie uchastija Riespubliki Bielarus' / T. S. Viertinskaja. – Minsk : Bielarus. navuka, 2018. – 372 s.

6. Viertinskaja, T. S. Konceptual'nyje osnovy razvitija integracionnykh sviaziej na urovnie riegionov stran – chlienov Jevrazijskogo ekonomichieskogo sojuza / T. S. Viertinskaja. – Minsk : Pravo i ekonomika, 2016. – 74 s.

7. Kuradoviec, A. I. Social'no-ekonomichieskije effiekty i niekotoryje problimy funkcionirovanija Riespubliki Bielarus' v ramkakh YeAES / A. I. Kuradoviec // Riegiional'nyje integracionnyje processy i Bielarus': filosofsko-mirovozzrienchieskije osnovanija, tendencii razvitija, opyt social'no-politichieskogo modelirovanija : matierialy VIII Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Grodno, 17–18 maja 2018 g. : v 2 ch. / In-t filosofii NAN Bielarusi, GrGU im. Yanki Kupaly ; riedkol.: A. A. Lazarievich (gl. ried.), V. N. Vatyl (gl. ried.) [i dr.]. – Grodno : GrGU, 2018. – Ch. 1. – S. 255–258.

8. Rumiancev, V. A. Instrumienty i miekhanizmy sopriezhenija funkcionirovanija riegional'nykh objedinenij na jevrazijskom prostranstvie, aktual'nyje dlia integracionnoj politiki Bielarusi / V. A. Rumiancev // Strategija razvitija ekonomiki Bielarusi: vyzovy, instrumienty rializacii i pierspiektivy : sb. nauch. st. : v 2 ch. / In-t ekonomiki NAN Bielarusi ; riedkol.: V. I. Biel'skij [i dr.]. – Minsk : Pravo i ekonomika, 2019. – Ch. 2. – S. 417–421.

9. Pierievieziencsev, S. V. Russkije smysly: Dukhovno-politichieskije uchienija Rossii X–XVII vv. v ikh istorichieskom razvitii / S. V. Pierievieziencsev. – M. : Viechie, 2019. – 608 s.

УДК 316.65 (476)

Дмитрий Иванович Наумов

канд. социол. наук, доц.,

ученый секретарь Белорусской государственной академии связи

Dmitry Naumov

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,

Scientific Secretary of the Belarusian State Academy of Communications

e-mail: cedrus2014@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИУМА

Рассматривается феномен интернет-мемов как инструмент информационного противостояния, определяется роль и место интернет-мемов в системе интернет-коммуникации, описываются различные виды интернет-мемов и их функционал. На основе анализа параметров процесса и результатов конструирования интернет-мемов в белорусских ТГ-каналах, ориентированных на репрезентацию значимых для современного белорусского общества процессов и событий, определяется деструктивный потенциал интернет-мемов в контексте гипотетической социально-политической дестабилизации социума.

Ключевые слова: интернет-мемы, интернет-коммуникация, социально-политическая дестабилизация, цифровизация, медиасфера.

Internet Memes as a Tool of Socio-Political Destabilisation of Society

The paper considers the phenomenon of Internet memes as a tool of information confrontation, defines the role and place of Internet memes in the system of Internet communication, describes various types of Internet memes and their functionality. On the basis of the analysis of the parameters of the process and results of constructing Internet memes in the Belarusian TG channels, oriented to represent significant processes and events for the modern Belarusian society, the destructive potential of the Internet memes in the context of the hypothetical sociopolitical destabilization of the society has been determined.

Key words: Internet memes, Internet communication, socio-political destabilization, digitalization, media sphere.

Введение

В условиях глобализации, сопровождающейся интенсификацией экономического и технологического развития человечества, обеспечение информационной безопасности Республики Беларусь становится одной из приоритетных задач как структур государственной власти, так и органов правопорядка. Актуальность решения данной задачи определяется, с одной стороны, динамизмом процессов цифровизации всех сфер общества, глобализацией и цифровизацией медийного пространства, превращением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в драйвер социально-экономического развития страны. В этих условиях влияние средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную сферы общества радикально возрастает. Инфокоммуникационная сфера превратилась в системообразующий фактор современной жизни, который в интересах общества должен быть под легаль-

ным и надежным контролем. С другой стороны, технологический прогресс становится источником принципиально новых угроз, наносящих существенный ущерб национальным и корпоративным интересам, т. к. предоставляет недоступные ранее технические и коммуникационные возможности для манипуляций и негативного влияния на личность, общество и государство, проявления радикализма и экстремизма.

Для современного этапа цивилизационного развития человечества характерно превращение информационного противостояния и информационных войн в универсальную форму глобальной конкуренции. Сегодня многие государства мира в борьбе за глобальное доминирование для решения возникающих перед ними проблем экономического и политического характера, как свидетельствует современная практика международных отношений, вместо достижения компромисса на основе норм международного права, морали и здравого смысла предпочитают силовое продавливание соб-

ственных интересов, прибегая для этого к неконвенциональным способам и средствам регулирования межгосударственных отношений. В глобальном мире повсеместно распространяется практика целенаправленного информационного давления, которая характеризует «вмешательство во внутренние дела суверенного государства, снижение общественной стабильности, разжигание межэтнической и межнациональной розни посредством ИКТ» [1, с. 91]. Подобная практика эксплицирует в сфере массовых коммуникаций логику конфликтов интересов между различными акторами (государствами, ТНК, политическими и общественными организациями, конфессиональными институтами и т. д.). Соответственно, это подрывает механизмы межгосударственного сотрудничества в различных областях, обуславливает деструкцию нормативной и институциональной инфраструктуры государственного суверенитета, генерирует кризисные процессы в экономике, политике и социальной сфере в глобальном масштабе.

В условиях повышенной конфликтности современных международных отношений обеспечение информационной безопасности Республики Беларусь является приоритетом деятельности государственных органов. Именно государство посредством как нормативно-правового регулирования, так и с помощью специализированных технических средств обеспечивает выявление, классификацию и оценку потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности в информационной сфере, а также реализует своевременное принятие управленческих и технических мер по их противодействию. Однако интенсивные темпы развития ИКТ и масштабы цифровизации обуславливают такую ситуацию, при которой некоторые побочные результаты данного процесса, представленные в формате социокультурных феноменов, оказываются вне поля администрирования и нормативно-правового регулирования, хотя вполне могут рассматриваться в качестве потенциального источника социально-политической дестабилизации общества.

Одним из таких социокультурных феноменов являются интернет-мемы, которые представляют собой новую, полимодальную и полисемантическую форму коммуни-

кации в Интернете, имплицитно трансформирующую политический процесс и политические отношения в информационном обществе. «Интернет-мем, наполненный политической семантикой, представляет собой типичную технологию массовизации политики, обуславливаемую естественным процессом транзита элементов шоу в политический процесс» [2, с. 70].

Целью данного исследования является определение деструктивного потенциала интернет-мемов в контексте интернет-коммуникации, конструируемой на их основе в ТГ-каналах вокруг значимых для современного белорусского общества процессов и событий. Однако интернет-мемы в данном случае рассматриваются только в качестве инструментов информационного противоборства, но не как детерминант социально-политической дестабилизации социума.

Основная часть

Интенсивное развитие ИКТ и цифровизация различных сфер общественной жизни современного белорусского общества требует адекватного администрирования и нормативно-правового регулирования этого процесса, в т. ч. в контексте обеспечения национальной безопасности и общественно-политической стабильности в условиях ускоренного развития ИКТ. Возрастающая роль информационного противоборства в современном мире, рассматриваемого в качестве средства установления и поддержания несправедливых межгосударственных отношений, организации и поддержания неэквивалентного обмена между странами на этапе цифровизации мировой экономики посредством специально разработанных инфокоммуникационных и социоинженерных технологий, актуализирует необходимость своевременного нормативно-правового регулирования общественных отношений в сфере инфокоммуникаций, а также мониторинга всего комплекса вызовов и угроз развитию Республики Беларусь.

На настоящий момент в Республике Беларусь в целях обеспечения информационной безопасности страны приняты более десяти нормативно-правовых актов (Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации», Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», Военная доктрина

Республики Беларусь и др.). Однако в силу ряда причин в качестве основных нормативно-правовых актов, непосредственно определяющих принципы и параметры обеспечения информационной безопасности страны, выступают Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [3] и Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [4].

Во-первых, в данных документах присутствует нормативная трактовка информационной безопасности, которая определяется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Соответственно, государство осуществляет реагирование на риски и вызовы в информационной сфере, направленное на предупреждение их трансформации в полноценные угрозы национальной безопасности, развития и масштабирования вредоносного воздействия на отдельные социальные группы и общество в целом.

Во-вторых, в них содержатся принципы и критерии оценки состояния информационной безопасности страны, классификация основных источников угроз в данной сфере. Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве основных угроз для информационной безопасности страны артикулируются отставание от ведущих стран мира по уровню информатизации, проблемы с нормативной регламентацией соответствующих общественных отношений, недостаточное качество и популярность белорусского национального контента, рост преступности с использованием ИКТ и др. Как представляется, в данном документе оценка состояния информационной безопасности страны осуществляется сквозь призму выделения отдельных аспектов цифровизации различных сфер общественной жизни, которые слабо связаны между собой с точки зрения генерирования рисков и вызовов для национальной безопасности. Однако в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь вводится и обосновывается понятие «деструктивное информационное воздействие», которое существенно расширяет реестр угроз и вызовов в информационной сфере. В качестве таковых рассматривается осуществление целенаправленного инфор-

мационного влияния на политические и социально-экономические процессы в стране, на деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц, предполагающего создание предпосылок для ослабления обороноспособности государства, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, нарушения общественной безопасности, институциональной дестабилизации внутренней и внешней политики, создания социально-политической напряженности в обществе, формирования угрозы возникновения техногенных и антропогенных чрезвычайных ситуаций, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов и т. д.

В-третьих, в данных документах представлены подходы к нейтрализации внутренних и внешних угроз информационной безопасности страны. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве такового определяется информационное обеспечение государственной политики, которое заключается в доведении до граждан страны и внешней аудитории объективной информации о государственном курсе во всех сферах жизнедеятельности общества, официальной позиции по общественно значимым событиям внутри страны и за рубежом, о деятельности государственных органов. В свою очередь, в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь основные направления нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности в данной сфере рассматриваются в аспекте разработки и применения соответствующих правовых, организационных и технических мер, направленных на противодействие деструктивному информационному воздействию.

Одним из медиаинструментов деструктивного информационного воздействия на общество выступает интернет-мем, который западные специалисты по информационному противоборству рассматривают как инструмент в «конкуренции за нарратив», использование которого направлено «на установление контроля над диалогом – психологическим пространством» [5, с. 22], а российские политтехнологи – как «новейшую сетевую технологию, как мемовое оружие, с помощью которого на наших гла-

зах реализуются стратегии перехвата власти и установления политического контроля над государствами и целыми регионами планеты» [6, с. 60]. При этом современная практика «международных отношений свидетельствует, что наработки аналитиков в области военной меметики активно применяются отдельными государствами и негосударственными акторами для решения военно-политических задач» [7, с. 146]. В теоретическом аспекте междисциплинарное исследование интернет-мемов реализуется в рамках меметики, представляющей собой совокупность концептуализированных в междисциплинарном ключе идей, которые сложно верифицировать и формализовать в качестве аналитических инструментов. Однако благодаря данному направлению в фокус научного анализа попал процесс и результаты дигитализации социокультурного пространства современного общества, продуктом которого и являются интернет-мемы, естественной средой обитания мемов, если артикулировать соответствующие данному термину биологические коннотации, выступает Интернет как универсальное общемировое коммуникационное пространство.

Следует подчеркнуть, что в современных белорусских реалиях феномен интернет-мема, представляющего собой «единицу передачи культурной информации в интернет-среде» [8, с. 125], остается за рамками нормативно-правового регулирования как в силу своей природы, так и из-за неочевидного и амбивалентного влияния на политические процессы в обществе.

В содержательном аспекте интернет-мем – «это самовоспроизводящаяся единица культурной информации, содержащая в себе историю об объекте, который она представляет, несущая определенный смысл и имеющая значение для субъекта, который использует ее в качестве эмоционально окрашенного сообщения» [9, с. 452]. Данное определение акцентирует внимание на нескольких важных для понимания природы данного феномена аспектах.

Во-первых, на массовой культуре как источнике порождения, трансформации и угасания интернет-мемов в формате видео- и аудиороликов, картинок, анонимных или

персонифицированных суждений, фотожаб, гифок, демотиваторов и т. д.

Во-вторых, на механизме культурной репликации как основе неконтролируемого и динамичного воспроизводства интернет-мемов в обществе.

В-третьих, на редукции социальной информации в интернет-мемах к визуализированным образам и смыслам, концентрирующим и примитивизирующим многообразное культурное содержание.

В-четвертых, к аффективной природе инструментализации интернет-мемов в социальной практике, эксплицирующей механизм их влияния на выбор и принятие решений индивидами.

В-пятых, на функциональной роли интернет-мема в выстраивании коммуникации посредством встраивания в контекст межличностного взаимодействия элементов масскультуры, динамично изменяющихся в разных социальных ситуациях. В определенном смысле интернет-мем выступает в качестве утрированного выражения социального стереотипа, характеризующего как когнитивное и эмоциональное отношение индивида к каким-либо социальным объектам и процессам, так и его реакцию на социальную динамику.

Классификация интернет-мемов определяется как методологическими установками исследователя, так и местом соответствующего критерия в системе аналитических координат. Так, С. А. Шомова в контексте изучения современных международных отношений предлагает классификацию, которая включает в себя следующие их виды: мемы-аттракторы, функциональная задача которых заключается в привлечении внимания; мемы-агрессоры, посредством которых реализуется нападение на политического конкурента на международной арене; мемы-протекторы, предназначенные обеспечить защиту политического актора или сформировать его позитивный имидж на международной арене [10]. Однако в данном случае целесообразно отталкиваться от содержания белорусских ТГ-каналов, в соответствии с которым можно выделить определенные виды интернет-мемов, различающиеся между собой по функционалу в политической интернет-коммуникации (таблица).

Таблица. – Виды интернет-мемов в политической интернет-коммуникации

Вид интернет-мемов	Характеристика интернет-мемов
Мемы-картинки	Различные комбинированные изображения, которые в эмоциональной или шаржированной форме отражают ситуацию в стране посредством текстовой и визуальной апелляции к историческим и медиаперсонажам, политическим акторам, различным общностям, а также к животным, героям масскультуры, мифологическим персонажам и памятникам историко-культурного наследия.
Текстовые мемы	Визуализированные в формате транспаранта эмоционально окрашенные лаконичные высказывания, представленные в афористичной или юмористичной форме, зачастую с намеренным нарушением правил языка, которые актуализируют коннотации с общественно-политической ситуацией в стране посредством прямой или косвенной отсылки к различным фактам, персонажам, процессам и информационным поводам.
Мемы-анекдоты	Краткая история, сюжет которой выстроен в анекдотическом жанре и обыгрывает различные аспекты проявления кризисных процессов в обществе, решений должностных лиц или позиций политиков.
Мотиваторы	Картинки мотивационного характера, которые содержат позитивную интерпретацию визуального образа и соответствующий вербальный код, побуждающие индивидов к проявлению легальной гражданской активности.
Демотиваторы	Представляют собой лаконично выраженные саркастичные интерпретации визуального образа публичного персонажа, медийного события или факта, подкрепленные оценочным суждением с негативными коннотациями или вызывающим когнитивный диссонанс.
Видео-мемы	Короткие видеосюжеты, которые репрезентируют в визуальной форме оценочные суждения и эмоциональные реакции их преимущественно анонимных создателей по поводу отдельных фактов, процессов и поступков политических акторов или медийных персон в контексте проявления и оценки кризисных процессов в обществе.
Гифки (gif-мемы)	Растровый формат графических, анимационных или видеоизображений, который используется для придания динамичности обычному интернет-мему посредством утрированного повторения стандартных действий человека или животных либо каких-либо компонентов технологических процессов.
«Фотожабы»	Шаржированные с помощью графического редактора официальные фотографии или иные изображения должностных лиц или медийных персонажей, девальвирующие их социальный статус и позицию по поводу тех или иных аспектов развития общества и государства.
Креолизованные мемы	Двухкомпонентные интернет-мемы, состоящие из вербальной и иконической частей, когда вербальный компонент представляет собой ироничное оценочное суждение по поводу конкретного общественного события или информационного повода, а визуальный образ обеспечивает его эмоционально-экспрессивную окраску.

Как подчеркивает С. В. Канашина, природу интернет-мемов характеризует минималистичность, «которая предполагает компрессию информации и поверхностную интерпретацию коммуникативного сообщения» [11, с. 108]. Благодаря этому в современных социокультурных условиях посредством интернет-мемов достигается когнитивное упрощение сложных и противоречивых социально-политических событий и процессов, стереотипизация их восприятия и оценивания. Все это открывает возможности для политического и коммерческого

манипулирования индивидами, предлагая им вместо реальных альтернатив общественного развития запрограммированный выбор в системе моральных дихотомических координат.

В аспекте выявления и оценки инструментальной роли интернет-мемов в социально-политической дестабилизации современного белорусского общества правомерно актуализировать точку зрения Э. Т. Есеева. Исследователь считает, что предвыборный период электоральной кампании в стране характеризовался ширококомасштаб-

ным использованием технологий эскалации и управления политическим конфликтом посредством формирования новостной повестки в социальных медиа [12]. В данном случае интернет-мемы выступали в качестве одного из функционально значимых компонентов сетевой конфликтной мобилизации. Они репрезентировали не затратную в ресурсном плане для индивида модель гражданского активизма, предоставляли символическую возможность для гражданского самовыражения, формировали смысловое, образное и эмоциональное представление об основных политических акторах, протестной динамике и вариантах социально-политического развития страны.

Для экспликации деструктивного потенциала прикладного применения интернет-мемов в политической интернет-коммуникации необходимо обратиться к характеристике содержания тех ТГ-каналов (как юмористических, так и более широкого профиля), которые в силу их политической ангажированности в установленном белорусским законодательством порядке признаны экстремистскими. В данном случае именно Telegram представляет наибольший интерес, т.к. он на протяжении нескольких последних лет демонстрирует очень высокие темпы роста своей аудитории. Кроме того, этот «мессенджер используется потребителями информации, с одной стороны, как канал сетевой коммуникации, а с другой – как инвариантная часть блогинга (персонализированные авторские каналы), выступающая в качестве источника воспроизводства информации» [13, с. 123]. Качественный анализ их контента, представленного в формате оперативно обновляемых на злобу дня интернет-мемов, позволяет решить данную аналитическую задачу.

В целом в макрополитическом смысле селектированная и ангажированная подача социально-политической информации в виде различных интернет-мемов, выступающих в качестве носителей актуальных смыслов и оценок, имеет большое функциональное значение. Как можно заметить, в аспекте методов семантического и семиотического анализа процесса и результатов конструирования интернет-мемов в деструктивных белорусских ТГ-каналах, актуализирующих внимание к качественному содержанию контента, а не его количественным

параметрам, можно говорить о следующих его особенностях.

Во-первых, в ходе данного процесса происходит конструирование образа политического и идеологического врага, выступающего в качестве воплощения онтологического зла и объекта аккумуляции деструктивных интенций. Социальным референтом этого образа выступают как носители культурно чуждых ценностей и моделей социального поведения, так и должностные лица, политические институты и государство. При этом фактически постулируется априорная неэффективность деятельности официальных структур и неправота гражданской позиции и действий должностных лиц, которым безапелляционно атрибутируется нарушение как стандартов управленческой и профессиональной деятельности, так и индивидуальных прав и свобод.

Во-вторых, он характеризуется гипертрофированной акцентуацией общественно-политического кризиса, но без актуализации его институциональных или социальных детерминант, а также тщательным подчеркиванием экстремальных параметров его протекания, ставящим под сомнение перспективу динамичного развития белорусского общества в целом. Как представляется, это эксплицирует отрицание гражданской субъектности населения страны, имплицитно воспринимаемого анонимными создателями интернет-мемов в качестве объекта практик социальной инженерии.

В-третьих, конструирование интернет-мемов осуществляется с использованием неофициальной политической символики для маркирования сторонников определенного политического лагеря, которым метафорически атрибутируются позитивные морально-этические качества как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. При этом официальная государственная символика используется в качестве инструмента диффамации политических оппонентов, не являющихся сторонниками радикализации политического процесса в стране.

В-четвертых, в процессе генерирования политических интернет-мемов широко используются анималистические сюжеты и образы, посредством которых достигается создание комического эффекта в отношении отдельных публичных поступков или деятельности в целом представителей пра-

воохранительных органов, должностных лиц и профессиональных сообществ.

В-пятых, процесс характеризуется использованием хорошо известных и легко идентифицируемых элементов образов одиозных исторических деятелей, применяемых для создания модифицированных портретов современных политиков. В результате актуализации негативных смысловых и оценочных коннотаций, порождаемых совмещением двух портретов, обеспечивается символическая дискредитация современных политических акторов в медиасфере. Фактически происходит виктимизация и дегуманизация политических оппонентов, рассматриваемых исключительно в качестве девиантов и делинквентов, посредством тиражирования в их отношении мифотворческих нарративов, ксенофобских установок, этнокультурных и гендерных стереотипов.

В-шестых, при конструировании политических интернет-мемов иногда используется прием виртуальной модификации архитектурных объектов, представляющих собой хорошо известные памятники белорусской культуры, направленный на их дефрагментацию в социальной памяти как национальных образов.

В-седьмых, данный процесс характеризуется нагнетанием алармистских настроений в обществе посредством приписывания политическим оппонентам агрессивных намерений и действий, которые должны быть ими обязательно воплощены в противоправных деяниях или путем создания чрезвычайных ситуаций, ведущих к техногенным катастрофам или социальным катаклизмам.

Благодаря специфическому конструированию и активной трансляции интернет-мемов в белорусской медиасфере обеспечивается определенная коррекция имплицитного рейтинга значимости общественных проблем, когда на первый план выводятся вопросы политических изменений, а не экономической и технологической модернизации страны. Одновременно происходит смещение фокуса общественного внимания с реальных источников этих проблем на их виртуальные симулякры, зачастую конструируемые в конспирологической логике и без привязки к реальным социальным референтам. В политологическом аспекте достаточно высокая эффективность интернет-

мемов как коммуникационных инструментов объясняется следствием медиатизации сферы политики в условиях глобализации. Данный аспект подчеркивают А. А. Кутузова и Е. М. Шульман: «Не являясь инструментом диалога и по природе своей не требуя ответа, не будучи частью механизма артикуляции интересов, мем своей злободневностью, доходчивостью и «неотразимостью», свойственным юмористическому высказыванию, формирует представление об общественной атмосфере, «общем мнении» в реакции на то или иное государственное решение» [14, с. 63]. Естественно, что функциональность интернет-мемов как инструментов обратной связи для граждан в системе политической коммуникации является весьма ограниченной ввиду их полисемантической, интертекстуальной и шаблонности.

Заключение

В современном белорусском медиaproстранстве интернет-мемы образуют достаточно гомогенный в смысловом и эстетическом аспектах комплекс визуальных и текстовых компонентов. Они конструируют специфическую интернет-коммуникацию, следствием которой выступает как делигитимация официальных нарративов и институциональных основ власти, так и экспликация логики трансформации политического процесса в виртуальное медиашоу. Результатом этого является усиление медиатизации сферы белорусской политики, что элиминирует критерии политической ответственности и управленческой эффективности политических акторов. Все это обуславливает существенный деструктивный потенциал интернет-мемов как инструментов имплицитной социально-политической трансформации общества, практическое применение которых способно создать и поддерживать социально-политическое напряжение в обществе. Поэтому возрастает необходимость более глубокого изучения влияния различных аспектов процессов цифровизации и медиатизации на общественно-политическую жизнь современного белорусского социума и более тщательной нормативно-правовой регламентации общественных отношений в сфере инфокоммуникаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ромашкина, Н. П. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии / Н. П. Ромашкина, А. С. Марков, Д. В. Стефанович. – М. : ИМЭМО РАН, 2020. – 98 с.
2. Ежов, Д. А. Политическая семантика интернет-мема / Д. А. Ежов // Власть. – 2019. – № 3. – С. 68–73.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 : в ред. от 24.01.2014, № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Шлупнер, М. Сила мемов. Почему государства – члены НАТО должны освоить этот мощный цифровой инструментарий / М. Шлупнер // Per Concordiam. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 22–25.
6. Коровин, В. Россия и Запад в меметической войне / В. Коровин // Изборский клуб. – 2018. – № 4 (60). – С. 60–67.
7. Виловатых, А. В. Меметика как инструмент современного информационного противоборства / А. В. Виловатых // Проблемы нац. стратегии. – 2018. – № 5 (50). – С. 141–154.
8. Канашина, С. В. Интернет-мем как современный медиадискурс / С. В. Канашина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Филол. науки. – 2018. – № 8. – С. 125–129.
9. Артамонов, Д. С. Меминг в политике памяти России / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. «Социология. Политология». – 2018. – Т. 18, вып. 4. – С. 450–456.
10. Шомова, С. А. Мемы как они есть / С. А. Шомова. – М. : Аспект Пресс, 2018. – 136 с.
11. Канашина, С. В. Интернет-мем как медиатекст / С. В. Канашина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. «Филология. Журналистика». – 2019. – Т. 19, вып. 1. – С. 107–112.
12. Есиев, Э. Т. Интернет-технологии политической мобилизации в белорусских протестах на предвыборном этапе [Электронный ресурс] / Э. Т. Есиев // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2021. – № 2. – Режим доступа: <https://evestnik-mgou.ru/ru>. – Дата доступа: 20.03.2022.
13. Посталовский, А. В. Социально-демографический портрет аудитории мессенджера Telegram / А. В. Посталовский // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2021. – № 1. – С. 122–127.
14. Кутузова, А. А. Интернет-мемы как индикатор общественной реакции и инструмент обратной связи в период пандемии / А. А. Кутузова, Е. М. Шульман // ПРАΞИМА. – 2022. – № 2 (32). – С. 46–67.

REFERENCES

1. Romaschkina, N. P. Mieżhdunarodnaja biezopasnost', stratiegichieskaja stabil'nost' i informacionnyje tiekhnologii / N. P. Romaschkina, A. S. Markov, D. V. Stiefanovich. – M. : IMEMO RAN, 2020. – 98 s.
2. Yezhov, D. A. Politichieskaja siemantika internet-miema / D. A. Yezhov // Vlast'. – 2019. – № 3. – S. 68–73.
3. Ob utvierzhdenii Konceptii nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' [Eliكتروнный riesurs] : Ukaz Priezidenta Riesp. Bielarus', 9 nojab. 2010 g., № 575 : v ried. ot 24.01.2014, № 49 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.
4. O Konceptii informacionnoj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' [Eliكتروнный riesurs] : postanovlienije Sovieta Biezopasnosti Riesp. Bielarus', 18 marta 2019 g., № 1 // ETALON. Zakonodatiel'stvo Riespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2022.

5. Schlupner, M. Sila miemov. Pochiemu gosudarstva – chlieny NATO dolzhny osvoit' etot moshchnyj cifrovoy instrumentarij / M. Schlupner // *Per Concordiam*. – 2020. – T. 10, № 2. – S. 22–25.
6. Korovin, V. Rossija i Zapad v miemietichieskoj vojnie / V. Korovin // *Izborskij klub*. – 2018. – № 4 (60). – S. 60–67.
7. Vilovatykh, A. V. Miemietika kak instrument sovriemiennogo informacionnogo protivoborstva / A. V. Vilovatykh // *Problemy nacional'noj strategii*. – 2018. – № 5 (50). – S. 141–154.
8. Kanashina, S. V. Internet-miem kak sovriemiennyj miediadiskurs / S. V. Kanashina // *Izv. Volgogr. gos. pied. un-ta. Filol. nauki*. – 2018. – № 8. – S. 125–129.
9. Artamonov, D. S. Mieming v politieke pamiati Rossii / D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. sier. Sier. «Sociologija. Politologija»*. – 2018. – T. 18, vyp. 4. – S. 450–456.
10. Schomova, S. A. Miemy kak oni jest' / S. A. Schomova. – M. : Aspekt Press, 2018. – 136 s.
11. Kanashina, S. V. Internet-miem kak miediatiekst / S. V. Kanashina // *Izv. Sarat. un-ta. Nov. sier. Sier. «Filologija. Zhurnalistika»*. – 2019. – T. 19, vyp. 1. – S. 107–112.
12. Yesijev, Ye. T. Internet-tiekhnologii politichieskoj mobilizacii v bieloruskikh protiestah na priedvybornom etapie [Elektronnyj riesurs] / Ye. T. Yesijev // *Viestn. Mosk. gos. obl. un-ta*. – 2021. – № 2. – Riezhim dostupa: <https://vestnik-mgou.ru/ru>. – Data dostupa: 20.03.2022.
13. Postalovskij, A. V. Social'no-diemografichieskij portriet auditorii messendzhera Tieliegram / A. V. Postalovskij // *Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija*. – 2021. – № 1. – S. 122–127.
14. Kutuzova, A. A. Internet-miemy kak indicator obschiestviennej rieakcii i instrument obratnoj sviazi v pieriod pandemii / A. A. Kutuzova, Ye. M. Schulman // *ППАЭНМА*. – 2022. – № 2 (32). – S. 46–67.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.04.2022

УДК 323.2

Валентин Николаевич Невар

аспирант 2-го года обучения каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Valentin NevarPost-Graduate Student of the 2th Year of Study of the Department of Political Science
of the Belarus State Economic Universitye-mail: nevar.vl@mail.ru**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ИНФОРМАЦИЕЙ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ**

На основе теорий политизации и медиатизации предпринята попытка построения теории адаптации бюрократии к изменениям коммуникативных условий, связанных с ростом влияния социальных сетей. Рассмотрены стимулы ключевых участников политического процесса, заинтересованных в принуждении бюрократии к использованию современных инструментов коммуникации. Транспарентность и увеличение контроля над информацией выделены в качестве основных стратегий бюрократии по минимизации издержек и адаптации к деятельности в сфере социальных сетей. Проанализировано использование мессенджеров и соцсетей разными функциональными типами министерств Республики Беларусь.

Ключевые слова: бюрократия, социальные сети, информация, транспарентность, контроль, адаптация.

Transparency and Bureaucratic Control over Information in Government Management Structures

Based on the theories of politicization and mediatization, an attempt is made to build a theory of adaptation of bureaucracy to changes in communicative conditions associated with the growing influence of social networks service. The incentives of key participants in the political process interested in forcing the bureaucracy to use modern communication tools are considered. Transparency and increased control over information are highlighted as the main strategies of the bureaucracy to minimize costs and adapt to activities in the field of social networks service. The use of messengers and social networks service by different functional types of ministries of the Republic of Belarus is analyzed.

Key words: bureaucracy, social networking service, information, transparency, control, adaptation.

Введение

Использование политиками социальных сетей как инструмента коммуникации является системообразующим элементом коммуникативных стратегий, позволяющим значительно расширять аудиторию сообщений и избегать временных и организационно-технических издержек, характерных для иных способов взаимодействия с избирателями. Однако в условиях трансформации медиасферы тренд использования социальных сетей охватывает и бюрократию разных уровней.

Мы предпринимаем попытку анализа поведения бюрократии в современных коммуникативных условиях. Актуальность исследования обусловлена становлением в

Республике Беларусь информационного общества, а также интенсивным развитием мессенджеров и социальных сетей в качестве каналов массовой коммуникации. Хронологические рамки исследования очерчиваются началом XXI в. и современностью. Установление нижней границы связано с началом распространения в Республике Беларусь новых медиа и социальных сетей.

Цель статьи – определить специфику адаптации бюрократии к расширению взаимодействия посредством социальных сетей с акторами, не входящими непосредственно в иерархическую структуру принятия и реализации политико-управленческих решений.

Наиболее близкими к нашему исследованию являются изыскания по вопросам политизации бюрократии и соотношения политики и управления К. Столберга [1], Д. Льюиса [2] и Й. Кристенсена [3], а также работы К. Торбьенсруд [4] и Т. У. Фигеншоу [5], посвященные проблемам медиатизации бюрократии (отметим, что далее тер-

Научный руководитель – Ольга Александровна Посталовская, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

мины «бюрократ» и «государственный служащий», а также производные от них употребляются как синонимы).

Теории политизации и медиатизации бюрократии

Теории политизации и медиатизации описывают рост внешнего влияния на деятельность бюрократии: теория политизации – со стороны политиков, теория медиатизации – со стороны СМИ. Ставя под сомнение идеи М. Вебера об автономии политики и работы бюрократии как служению безличной функции [6, с. 32], теория политизации указывает на рост участия государственных служащих в принятии политических решений, увеличение контроля политиков над назначениями бюрократов [7, с. 769], а также политическую и идеологическую обусловленность их карьерных траекторий [8, с. 311]. Процесс политизации детерминруется увеличением сложности организации административных систем, специализацией и расширением объема их задач, что усиливает информационную асимметрию между политиками и бюрократами. Следствием этого становится рост влияния и участия бюрократии в принятии политических решений, увеличение объема ее дискреционных полномочий [1, с. 363], что, в свою очередь, создает для политиков стимулы к усилению контроля над бюрократией и поиску новых инструментов влияния на нее.

Политизация, являясь глобальной тенденцией, имеет вариации, связанные с политическим режимом и формой правления. Так, в спектре возможных политических режимов по мере их рассмотрения от демократии к авторитаризму такие ее признаки, как увеличение контроля и приоритет лояльности перед компетентностью при принятии решений о назначении бюрократа на должность, будут приобретать все большее значение [9]. Что касается изменчивости в связи с формой правления, следует отметить закономерность большей политизации парламентских форм, что объясняется ростом влияния партийных интересов на принятие решений относительно бюрократии.

Теория медиатизации предполагает, что бюрократия усваивает важность новостной повестки и деятельности СМИ в целом. Новости становятся жизненно важной информацией для бюрократии, посредством

их она получает сигналы о ключевых тенденциях в принятии решений, положении групп интересов, общем «политическом климате» [10, с. 17; 5, с. 410]. Следствием процесса медиатизации являются попытки адаптации бюрократии к деятельности СМИ: государственные служащие начинают считать стратегически важным присутствие в позитивной новостной повестке сообщений о деятельности организации, ее руководителе и др. [5, с. 410]. В итоге бюрократия создает комплексные стратегии, направленные на обслуживание прессы, а также разнообразные виды контроля над информацией [4, с. 179].

Теоретические аспекты исследования

Далее мы предпримем попытку построения теории поведения бюрократии в условиях изменений коммуникативной среды, связанных с использованием социальных сетей. Теория будет структурирована следующим образом:

- 1) исходные характеристики акторов и важные для дальнейшего анализа отношения между ними;
- 2) принятие решения;
- 3) обновление стратегий акторов в соответствии с принятым решением.

Характеристика акторов

Бюрократия. У бюрократии в ситуации медиатизации, роста репутационных рисков [12] и увеличения влияния социальных сетей возникают стимулы к использованию данных инструментов для демонстрации своей открытости, эффективности и положительной повестки деятельности организации в целом. Однако для начала работы бюрократии в социальных сетях необходимо внешнее побуждение, поскольку этот вид деятельности не является для нее традиционным и несет дополнительные издержки, в некоторых случаях достаточно серьезные, такие как поиск компетентного специалиста.

СМИ. В условия медиации политики в целом и бюрократии в частности значительно возрастает роль СМИ как площадок политической и бюрократической транспарентности и подотчетности. Рассмотрим СМИ как организации, сокращающие издержки граждан на поиск, оценку и обработку информации. В целях упрощения теоретической модели мы исключаем из рас-

смотрения фактор заинтересованности СМИ в предвзятом преподнесении информации, а также фактор влияния политиков, групп интересов и иных акторов на деятельность медиа. Также мы не разделяем СМИ на государственные, негосударственные и иностранные. Все вышеперечисленные допущения не оказывают сколько-нибудь значительного влияния на анализ, поскольку СМИ важны для нашего исследования исключительно в качестве организаций, опосредующих передачу информации и ее распространяющих.

Граждане. Граждане вступают во взаимодействие с бюрократией для решения своих повседневных задач, а также часто видят высшую бюрократию среди лиц, принимающих решения, что формирует их заинтересованность в ее эффективной работе, контроле и получении своевременной информации о ее деятельности. Более того, отдавая свой голос за политика, избиратель принимает в расчет его предвыборную программу относительно функционирования государственных органов.

Политики. Политики стремятся максимизировать свой контроль над деятельностью бюрократии в попытке сократить потери и риски, связанные с реализацией своих политических решений. Контроль устанавливается и реализуется посредством различных инструментов: распределение бюджета, надзор, формирование повестки дня [11, с. 118] и др. При этом с ростом политизации качество работы бюрократии становится и важным электоральным фактором, поскольку демонстрирует гражданам эффективность кадровых решений политиков.

Описанные характеристики акторов приводят к заключению о формировании ситуации множественного принципала: граждан и политиков, заинтересованных в контроле над деятельностью агента – бюрократии.

Принятие решения

Совпадение интересов двух принципалов относительно контроля и прозрачности деятельности агента создает стимулы к принятию мер по развитию инструментов взаимодействия бюрократии с гражданами и СМИ, в частности созданию аккаунтов в социальных сетях.

Отметим, что мы не можем однозначно объяснить, почему бюрократия начинает

использовать социальные сети. Как мы уже отмечали, это может быть связано с политическими инициативами, что является наиболее распространенной точкой зрения в политической науке [4, с. 181]. Однако можно предложить и ряд альтернативных гипотез: начало использования социальных сетей может быть реакцией на происшедшие или актуальные политические события, или, что менее всего вероятно по причинам, изложенным выше, представлять самостоятельное решение некоторых бюро в целях адаптации к условиям медиатизации и политизации с последующим институциональным изоморфизмом других бюро.

В пользу первой и против последней гипотезы говорят и используемые нами данные: распределение количества аккаунтов министерств Республики Беларусь по годам регистрации (рисунок 1), в котором явно выделяются пики с приоритетом определенным социальным сетям (к примеру, в 2015 г. 12 министерств зарегистрировали свои аккаунты в Facebook). По этим причинам далее мы будем исходить из гипотезы политического решения о начале деятельности бюрократии в социальных сетях.

Адаптация бюрократии

Для бюрократии исполнение вышеописанного решения связано с рядом порой значительных издержек от когнитивных до кадровых и репутационных. В таких условиях начинается процесс адаптации и минимизации издержек бюрократии, в котором необходимо выделить следующие элементы:

- 1) замена коммуникативных стратегий деятельности в социальных сетях на стратегии транспарентности;
- 2) использование социальных сетей как инструмента упреждения интересов СМИ;
- 3) установление при помощи социальных сетей контроля над информацией о деятельности определенной структуры.

Начнем с замены функций коммуникации посредством социальных сетей на функции транспарентности. Эксплицировать понятие политической коммуникации достаточно сложно, однако можно назвать такие ее наиболее распространенные признаки, как обмен сообщениями; коммуникации по вопросам, представляющим общественный интерес; дискуссии по вопросам, вызывающим различные и противоречивые взгляды и позиции [13, с. 1960–1961].

Деятельность госструктур в социальных сетях не соответствует двум из названных признаков: она не предполагает обмена сообщениями, а используются в целях информирования о своей деятельности; содержание сообщений не предполагает альтернативности взглядов относительно предмета сообщения, произошедшего события или принятого решения. Таким образом, бюрократия исключает коммуникативный компонент при использовании социальных сетей, сокращая тем самым свои издержки и переходя к более экономной стратегии транспарентности – информированию о своей деятельности по вопросам, представляющим общественный интерес [14].

Бюрократия использует социальные сети для сокращения издержек, связанных с взаимодействием со СМИ. Упреждая запросы СМИ, чиновники самостоятельно формируют содержание сообщения о принятом решении или произошедшем событии, тем самым значительно сужая количество информационных поводов для обращения СМИ непосредственно в учреждение или его представителю за необходимой информацией.

Следствием двух вышеуказанных элементов адаптации является установление бюрократического контроля над информацией о деятельности организации. Бюрократия начинает контролировать содержание, время, форму сообщения и создает собственную медийную повестку. Исходя из стимула формирования собственного положительного имиджа и пользуясь асимметрией информации относительно своей деятельности, бюрократия заполняет созданную медийную повестку положительными сообщениями о работе организации и государственных служащих. Пользуясь контролируемой транспарентностью, она получает возможность демонстрировать свою эффективность и соответствие обоим принципам, а в условиях высокой политизации еще и свою лояльность политикам, при этом сокращая возможности надзора, в частности со стороны СМИ.

Из сформированных положений можно выдвинуть две гипотезы.

Гипотеза 1. Министерства, в функции которых входит обеспечение безопасности, более активно используют потенциал социальных сетей. Мы предполагаем, что более закрытые министерства, связан-

ные, как правило, с обеспечением безопасности государства и граждан, стремятся установить больший контроль над информацией о своей деятельности и активно используют для этого социальные сети.

Гипотеза 2. Министерства, обеспечивающие безопасность, активнее взаимодействуют со СМИ в пространстве социальных сетей. Это предполагает более тесное взаимодействие со СМИ. Министерства, обеспечивающие безопасность, стремятся к большему контролю над информацией о своей деятельности в СМИ, что дает стимул для упреждающего взаимодействия с ними посредством социальных сетей.

Проверку гипотез мы предпримем на основе данных о работе министерств Республики Беларусь в социальных сетях.

Деятельность высших учреждений Республики Беларусь в социальных сетях

Важность принципа открытости во взаимодействии государственных органов и общества впервые отмечается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [15]. Значительно расширены положения, относящиеся к транспарентности государственных органов и их взаимодействию с иными акторами политического процесса, были в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. Среди приоритетных задач в Стратегии называется обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственного управления посредством развития технологии обратной связи, системы общественного мониторинга и совершенствования механизмов взаимодействия с обществом и бизнесом на основе информационных технологий [16].

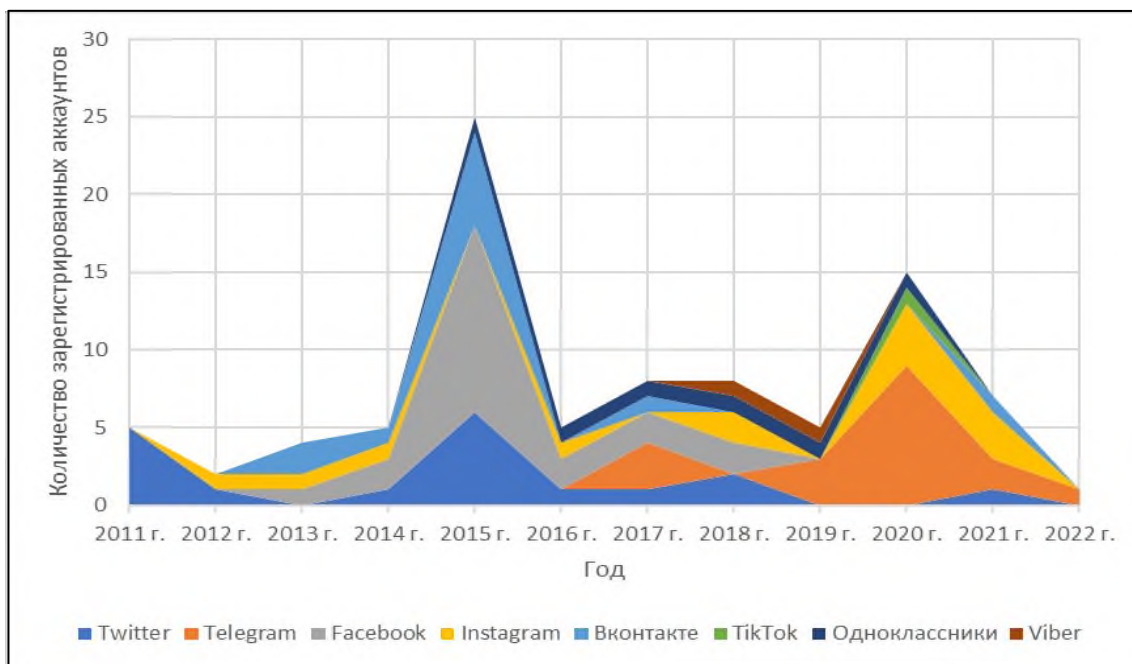
Начало активной деятельности министерств Республики Беларусь в сфере социальных сетей приходится на 2011 г., когда пять министерств зарегистрировали свои аккаунты в сети Twitter. Это происходило на фоне динамичного роста числа организаций, получающих информацию о деятельности государственных органов при помощи сети Интернет (в 2011 г. этот показатель составил в Республике Беларусь 68,8 %, а в Минске достиг 76,5 % [17, с. 92]). Также важное влияние оказало расширение досту-

па населення к высокоскоростному інтэрнэту і ўзнікновене фэномена Twitter-рэвалюцый.

Дынаміка рэгістрацыі ў сацыяльных сетках міністэрстваў Рэспублікі Беларусь дасягнула піка ў 2015 г., а прыярытэт быў аддан сацыяльнай сетцы Facebook, у якой было зарэгістравана 12 акаўнтаў, таксама 6 акаўнтаў было зарэгістравана ў сацыяльнай сетцы Twitter і столькі ж у сетцы ВКонтакте (рысунак 1). К 2015 г. колькасць арганізацый, атрымліваючых інфармацыю аб дзейнасці дзяржаўных органаў праз сетку Інтэрнэт, вырасло да 83,1 % па Рэспубліцы Беларусь і 89,6 % па г. Мінску [18, с. 88].

Второй пік рэгістрацый акаўнтаў міністэрстваў прыйшоў на 2020 г., і звязан ён быў як з дзейнасцю бюракратыі па

мінімізацыі масавай сацыяльнай дынамікі, так і з ростам папулярнасці месенджэра Telegram, заняўшага другую пазіцыю па вострабаваннасці сярод населення Рэспублікі Беларусь (29,2 %) [19, с. 124], асабліва ў ўзроставай групе 18–29 лет (57,4 %) [19, с. 124], у т. ч. як крыніца атрымання інфармацыі (65,6 %) [19, с. 126]. У 2020 г. дзевяць міністэрстваў Рэспублікі Беларусь зарэгістравалі Telegram-каналы і 6 міністэрстваў акаўнты ў Instagram (рысунак 1), а колькасць арганізацый, атрымліваючых інфармацыю аб дзейнасці дзяржаўных органаў праз сетку Інтэрнэт дасягнула 88,9 % [20]. На пачатку 2022 г. агульнае колькасць акаўнтаў міністэрстваў Рэспублікі Беларусь у васьмі сацыяльных сетках, складае 90 (рысунак 1).

Рысунак 1. – Дынаміка рэгістрацыі акаўнтаў міністэрстваў Рэспублікі Беларусь у сацыяльных сетках

Такім образом, дынаміка рэгістрацыі акаўнтаў міністэрстваў Рэспублікі Беларусь у сацыяльных сетках (рысунак 1) з двума ярка выражэннымі пікамі, хоць і не аднозначна, але гаворыць у палзу гіпотэзы аб стварэнні імпульсаў для дзейнасці бюракратыі ў сацыяльных сетках са староны прынцыпалаў – палітыкаў і грамадзян.

Рассмотрев общую ситуацию деятельности высшей бюракратыі Рэспублікі Беларусь у сацыяльных сетках, обратимся к проверке выдвинутых нами гіпотез. Для проверки

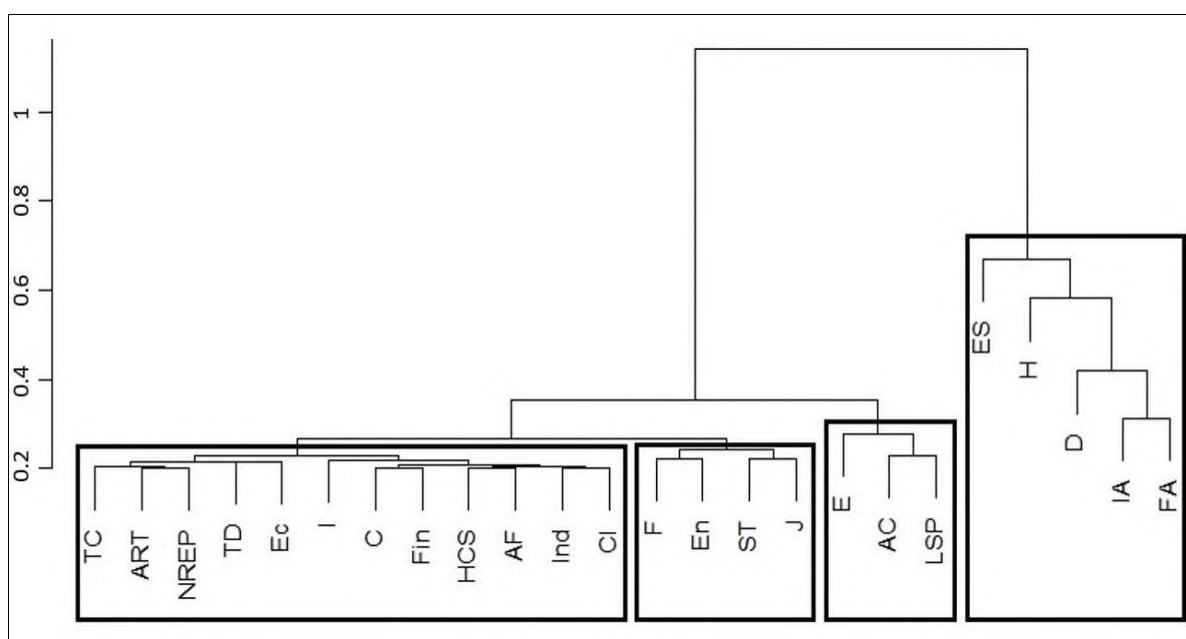
первой гіпотэзы і выяўлення міністэрстваў, больш актыўна дзействующих у прастранстве сацыяльных сетак, нами прыменен метод іерархічнай кластэрызацыі, які дазваляе упарадкаваць і раздзяліць даныя на групы, з'яўляецца сярнальна гібкім і эфектыўным у апрацоўцы невялікіх набораў даных.

Визуализация результатов іерархічнай кластэрызацыі ў выглядзе дендрограмы прыведзена на рысунку 2. Вынікам аналізу стала раздзяленне міністэрстваў на чатыры

кластера, и если четвертый и третий кластер практически не различаются между собой, а второй отличается незначительно, то первый кластер имеет значительные различия в сравнении с остальными. В состав первого кластера вошли МЧС, Министерство здравоохранения, Министерство обороны, МВД и МИД. Все «милитаризованные» министерства, непосредственно связанные с обеспечением безопасности государства и граждан, вошли в первый кластер со значительными отличиями от остальных. Еще два министерства, вошедшие в первый кластер, – это Министерство здраво-

охранения и МИД. Активную деятельность в социальных сетях Минздрава можно объяснить пандемией COVID-19, работа же МИД в сфере социальных сетей связана с необходимостью мониторинга международной повестки дня в условиях роста внешнеполитических вызовов.

Таким образом, министерства, в функции которых входит обеспечение безопасности, активнее остальных стремятся к установлению контроля над информацией о деятельности бюро посредством использования социальных сетей для создания собственной контролируемой повестки.

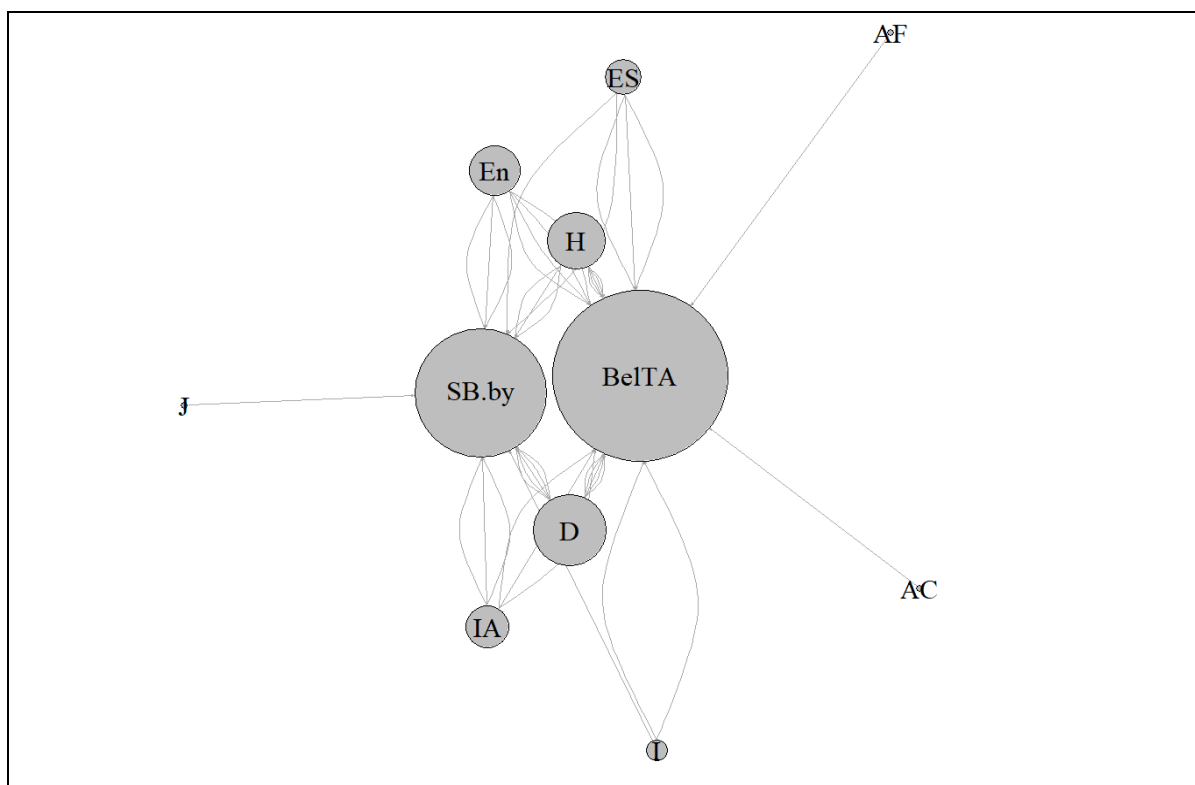

Примечания – 1) кластеризация основана на количестве аккаунтов в разных социальных сетях, количестве подписчиков, распределенное по аккаунтам и частоте публикаций; 2) список используемых сокращений приведен в таблице; 3) в тексте нумерация кластеров от 1 до 4 проходит справа налево; 4) в целях минимизации влияния выбросов на иерархическую кластеризацию для расчета расстояния была использована мера расстояний Manhattan (расстояние городских кварталов): $d(x, y) = \sum_i |x_i - y_i|$

Рисунок 2. – Дендрограмма иерархической кластеризации социальных сетей министерств Республики Беларусь

Обратимся к гипотезе о взаимодействии министерств со СМИ в пространстве социальных сетей. Для проверки гипотезы 2 нами был выбран мессенджер Telegram как наиболее динамично развивающаяся платформа. Мы проанализировали количество репостов и ссылок на Telegram-каналы министерств Республики Беларусь в Telegram-каналах двух СМИ – СБ. Беларусь Сегодня и БелТА. Результаты анализа полученных

данных представлены в виде графа на рисунке 3. На графе видно, что все министерства, обеспечивающие безопасность и ранее вошедшие в первый кластер (Министерство обороны, МВД и МЧС), имеют значительное количество связей (ребер) и располагаются достаточно близко к центральным вершинам графа, что отражает их активное взаимодействие со СМИ в мессенджере Telegram.

Примечания – 1) центральные вершины графа SB.by и BelTA – Telegram-каналы государственных СМИ – СБ. Беларусь Сегодня и БелТА; 2) сокращения, используемые для обозначения остальных вершин графа, приведены в таблице; 3) количество ребер (кратных ребер от 2 до 5) отражает количество репостов в Telegram-каналах СМИ публикаций из Telegram-каналов министерств за 2021 г.; 4) размеры вершин и близость их расположения по отношению к центральным вершинам отражает силу связей между Telegram-каналами СМИ и министерств, рассчитанную на основе количества репостов за 2021 г. и количества ссылок за 2021 г.

Рисунок 3. – Граф, отражающий связи между Telegram-каналами министерств Республики Беларусь и Telegram-каналами двух государственных СМИ – БелТА и СБ. Беларусь Сегодня

Таблица. – Список сокращений наименований министерств Республики Беларусь, использованных в рисунках 2 и 3

Министерство антимонопольного регулирования и торговли	ART	Министерство по чрезвычайным ситуациям	ES
Министерство архитектуры и строительства	AC	Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды	NREP
Министерство внутренних дел	IA	Министерство промышленности	Ind
Министерство жилищно-коммунального хозяйства	HCS	Министерство сельского хозяйства и продовольствия	AF
Министерство здравоохранения	H	Министерство связи и информатизации	CI
Министерство иностранных дел	FA	Министерство спорта и туризма	ST
Министерство информации	I	Министерство транспорта и коммуникаций	TC
Министерство культуры	C	Министерство труда и социальной защиты	LSP
Министерство лесного хозяйства	F	Министерство финансов	Fin
Министерство обороны	D	Министерство экономики	Ec
Министерство образования	E	Министерство энергетики	En
Министерство по налогам и сборам	TD	Министерство юстиции	J

Таким образом, министерства, функционал которых составляет обеспечение безопасности, более активно взаимодействуют со СМИ в социальных сетях, бюрократия в данном случае формирует и контролирует собственную новостную повестку о деятельности учреждения, тем самым сокращая издержки иных форм взаимодействия со СМИ.

Заклучение

1. В процессе адаптации к использованию социальных сетей бюрократия в целях сокращения издержек принимает стратегию транспарентности и исключает из своей деятельности в этой сфере коммуникативные компоненты.

2. Посредством социальных сетей бюрократия стремится установить собственный контроль над информацией о деятельности учреждения. Используя асимметрию

информации и контролируя транспарентность, бюрократия получает возможность продемонстрировать свою эффективность, а в условиях высокой политизации еще и свою лояльность политикам; при этом сокращается возможности надзора, в частности со стороны СМИ, и тем самым поддерживается асимметрия информации.

3. Национальные учреждения (министерства), в функции которых входит обеспечение безопасности, активнее остальных стремятся к установлению контроля над информацией о своей деятельности посредством использования социальных сетей. Также они активно взаимодействуют со СМИ в социальных сетях. В данном случае бюрократия формирует и контролирует собственную новостную повестку о деятельности учреждения, тем самым сокращая издержки иных форм взаимодействия со СМИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stahlberg, K. The Politicization of Public Administration: Notes on the Concept, Causes and Consequences of Politicization / K. Stahlberg // *International Review of Administrative Sciences*. – 1987. – № 3. – P. 363–382.
2. Lewis, D. The politics of presidential appointments. Political control and bureaucratic performance / D. Lewis. – New Jersey : Princeton University Press, 2008. – 293 p.
3. Christensen, J. G. Bureaucratic dilemmas: Civil servants between political responsiveness and normative constraints / J. G. Christensen, N. Opstrup // *Governance*. – 2017. – Vol. 31, № 3. – P. 481–498.
4. Thorbjørnsrud, K. Mediatization of Public Bureaucracies: Administrative versus Political Loyalty / K. Thorbjørnsrud // *Scandinavian Political Studies*. – 2015. – Vol. 38, № 2. – P. 179–197.
5. Figenschou, T. U. Mediatization of public bureaucracies / T. U. Figenschou, K. Thorbjørnsrud, O. Ihlen // *Mediatization of Communication* / K. Thorbjørnsrud [et al.] ; ed. K. Lundby. – Berlin ; Boston : De Gruyter GmbH, 2014. – P. 405–422.
6. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. – Т. 4. – 542 с.
7. Weingast, B. R. Bureaucratic Discretion or Congressional Control? Regulatory Policymaking by the Federal Trade Commission / B. R. Weingast, M. J. Moran // *Journal of Political Economy*. – 1983. – Vol. 91, № 5. – P. 765–800.
8. Rouban, L. Politicization of the Civil Service / L. Rouban // *Handbook of Public Administration*. – London : SAGE Publications, 2003. – P. 310–320.
9. Egorov, G. Dictators and their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off [Electronic resource] / G. Egorov, K. Sonin // *Journal of European Economic Association*. – 2011. – Vol. 9, № 5. – Mode of access: <https://harris.uchicago.edu/files/inline-files/Dictators%20%26%20Viziers.pdf>. – Date of access: 25.02.2022.
10. Schillemans, T. Mediatization of Public Services. How Organizations Adapt to News Media / T. Schillemans. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2012. – 176 p.
11. Borcharding, E. T. The contemporary political economy approach to bureaucracy / E. T. Borcharding, D. P. Besocke // *The Encyclopedia of Public Choice*. – New York : Kluwer Academic Publishers, 2004. – Vol. II. – P. 116–121.
12. Carpenter, D. P. Reputation and Public Administration [Electronic resource] / D. P. Carpenter, G. A. Krause // *Public Administration Review*. – 2012. – Vol. 72, nr 1. – Mode of access:

https://www.researchgate.net/publication/261974333_Reputation_and_Public_Administration. – Date of access: 26.02.2022.

13. Mancini, P. Political Communication / P. Mancini // *International Encyclopedia of Political Science* : in 8 vol. / ed.: B. Badie [et al.]. – London, 2011. – Vol. 6. – P. 1960–1967.

14. Erkkila, T. Transparency in Public Administration [Electronic resource] / T. Erkkila // *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. – Mode of access: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1404>. – Date of access: 24.02.2022.

15. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2020.pdf>. – Дата доступа: 28.03.2022.

16. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf>. – Дата доступа: 28.03.2022.

17. Информационное общество в Республике Беларусь / редкол.: В. А. Богуш [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – 126 с.

18. Информационное общество в Республике Беларусь / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 126 с.

19. Посталовский А. В. Социально-демографический портрет аудитории мессенджера Telegram / А. В. Посталовский // *Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. – 2021. – № 1. – С. 122–127.

20. Информационное общество в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf>. – Дата доступа: 23.02.2022.

REFERENCES

1. Stahlberg, K. The Politicization of Public Administration: Notes on the Concept, Causes and Consequences of Politicization / K. Stahlberg // *International Review of Administrative Sciences*. – 1987. – № 3. – P. 363–382.

2. Lewis, D. The politics of presidential appointments. Political control and bureaucratic performance / D. Lewis. – New Jersey : Princeton University Press, 2008. – 293 p.

3. Christensen, J. G. Bureaucratic dilemmas: Civil servants between political responsiveness and normative constraints / J. G. Christensen, N. Opstrup // *Governance*. – 2017. – Vol. 31, № 3. – P. 481–498.

4. Thorbjørnsrud, K. Mediatization of Public Bureaucracies: Administrative versus Political Loyalty / K. Thorbjørnsrud // *Scandinavian Political Studies*. – 2015. – Vol. 38, № 2. – P. 179–197.

5. Figenschou, T. U. Mediatization of public bureaucracies / T. U. Figenschou, K. Thorbjørnsrud, O. Ihlen // *Mediatization of Communication* / K. Thorbjørnsrud [et al.] ; ed. K. Lundby. – Berlin ; Boston : De Gruyter GmbH, 2014. – P. 405–422.

6. Veber, M. Hoziastvo i obschiestvo: ochierki ponimajushchiej sociologii : v 4 t. / M. Veber ; sost., obsch. ried. i priedisl. L. G. Ionina. – M. : Izd. dom VSHE, 2019. – T. 4. – 542 s.

7. Weingast, B. R. Bureaucratic Discretion or Congressional Control? Regulatory Policymaking by the Federal Trade Commission / B. R. Weingast, M. J. Moran // *Journal of Political Economy*. – 1983. – Vol. 91, № 5. – P. 765–800.

8. Rouban, L. Politicization of the Civil Service / L. Rouban // *Handbook of Public Administration*. – London : SAGE Publications, 2003. – P. 310–320.

9. Egorov, G. Dictators and their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off [Electronic resource] / G. Egorov, K. Sonin // *Journal of European Economic Association*. – 2011. – Vol. 9, № 5. – Mode of access: <https://harris.uchicago.edu/files/inline-files/Dictators%20%26%20Viziers.pdf>. – Date of access: 25.02.2022.

10. Schillemans, T. Mediatization of Public Services. How Organizations Adapt to News Media / T. Schillemans. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2012. – 176 p.

11. Borcharding, E. T. The contemporary political economy approach to bureaucracy / E. T. Borcharding, D. P. Besocke // The Encyclopedia of Public Choice. – New York : Kluwer Academic Publishers, 2004. – Vol. II. – P. 116–121.
12. Carpenter, D. P. Reputation and Public Administration [Electronic resource] / D. P. Carpenter, G. A. Krause // Public Administration Review. – 2012. – Vol. 72, nr 1. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/261974333_Reputation_and_Public_Administration. – Date of access: 26.02.2022.
13. Mancini, P. Political Communication / P. Mancini // International Encyclopedia of Political Science : in 8 vol. / ed.: B. Badie [et al.]. – London, 2011. – Vol. 6. – P. 1960–1967.
14. Erkkila, T. Transparency in Public Administration [Electronic resource] / T. Erkkila // Oxford Research Encyclopedia of Politics. – Mode of access: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1404>. – Date of access: 24.02.2022.
15. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-ekonomichieskogo razvitija Rjespubliki Bielarus' na pieriod do 2020 g. [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2020.pdf>. – Data dostupa: 28.03.2022.
16. Nacional'naja strategija ustojchivogo social'no-ekonomichieskogo razvitija Rjespubliki Bielarus' na pieriod do 2030 g. [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf>. – Data dostupa: 28.03.2022.
17. Informacionnoje obshchiestvo v Rjespublikie Bielarus' / riedkol.: V. A. Bogush [i dr.]. – Minsk : Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus', 2012. – 126 s.
18. Informacionnoje obshchiestvo v Rjespublikie Bielarus' / riedkol.: I. V. Miedviedieva [i dr.]. – Minsk : Nac. stat. kom. Rjesp. Bielarus', 2015. – 126 s.
19. Postalovskij, A. V. Social'no-diemografichieskij portriet auditorii messendzhera Telegram / A. V. Postalovskij // Viesn. Bresc. un-ta. Ser. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2021. – № 1. – S. 122–127.
20. Informacionnoje obshchiestvo v Rjespublikie Bielarus' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/719/7199f71a6c5b80265d51141c9bbeaf39.pdf>. – Data dostupa: 23.02.2022.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 25.03.2022

УДК 323.172 (449.45)

Людмила Владимировна Слуцкая
канд. ист. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета

Liudmila Slutskaya
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Belarusian State University
e-mail: slutskayalv@bsu.by

КОНТРОВЕРЗЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КОРСИКИ)*

Статья посвящена противоречиям идентичности в современном мире. Выделены типы идентичности в современном дискурсе социально-гуманитарных наук. На примере событий на Корсике весной 2022 г. раскрыты контroversии в понимании национально-государственной идентичности Франции.

Ключевые слова: идентичность, типы идентичности, автономизм, сепаратизм, регионализм, Франция, Корсика, мультикультурализм.

Controverses of Identity in the Modern World (by the Example of Corsica)

The article is devoted to the contradictions of identity in the modern world. The types of identity in the modern discourse of the social sciences and humanities are distinguished. On the example of the events in Corsica in the spring of 2022, controversies in the understanding of the national-state identity of France are revealed.

Key words: identity, identity types, autonomism, separatism, France, Corsica, multiculturalism.

Введение

Современные политические процессы, как внутренние, так и внешние, характеризуются высокой степенью напряженности и конфликтогенности. И особую актуальность приобретают вопросы идентичности, поскольку в условиях глобализации, миграционных потоков и турбулентности мировых политических процессов, с одной стороны, она подвержена политизации под влиянием различных групп и размыванию традиционной системы ценностей, а с другой стороны, именно идентичность способна консолидировать общество, укрепить его и обеспечить устойчивое развитие государства.

Говоря об идентичности, следует осознавать ее многомерность и противоречивость тех явлений, которые она призвана зафиксировать. Поэтому неслучайно в названии статьи мы используем понятие «контroversы» (лат. controversio) – разногласие в

суждениях и мнениях; спорный вопрос, по которому возникает полемика философского толка; прения.

Цель статьи состоит в выявлении основных противоречий в оценке западноевропейскими государствами контrovers национально-государственной идентичности (на примере Корсики).

О типах идентичности в современном дискурсе социально-гуманитарных наук

«Идентичность» – понятие междисциплинарное, а потому в зависимости от контекста и исследовательского поля оно может трактоваться по-разному. Так, Р. Бруннер предлагает несколько определений данной категории:

1) основание (базис) социального или политического действия;

2) коллективный феномен, основополагающее и значимое «тождество» членов группы;

3) ключевой аспект (индивидуальной и коллективной) «самости» или основное условие социального бытия;

4) продукт социальных или политических действий;

5) хрупкий продукт разнообразных конкурирующих дискурсов [1, с. 74–78].

*Статья подготовлена в рамках ГПНИ «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № госрегистрации 20211919 от 02.06.2021.

В настоящее время понятие «идентичность» употребляются в различных измерениях:

1) *социокультурном* (культурная, цивилизационная, религиозная и конфессиональная);

2) *пространственном и территориальном* (территориальная, региональная, локальная, городская, приграничная, сетевая);

3) *социальном* (классовая, гендерная, поколенческая, возрастная, семейная, профессиональная, корпоративная и идентичность потребителя);

4) *политическом* (гражданская, политическая, имперская (пост-, неоимперская), макрополитическая, панидентичность, гибридная, идейно-политическая и партийно-политическая);

5) *национальном и этнополитическом* (национальная и этническая) [2].

На наш взгляд, политическое измерение идентичности следует дополнить *национально-государственной* идентичностью, которая отражает целенаправленный процесс по формированию представлений о государственном устройстве, ценностных ориентирах, политических притязаниях.

Такая контроверзность «идентичности» показывает всю сложность и разнородность и научного понятия, и социального феномена, его отражающего. Ведь человек может идентифицировать себя одновременно с социальной группой, с определенной культурой или цивилизацией или даже с городом, а может и с нацией и государством. Для государственной политики основополагающим является понимание идентичности в национальном и этнополитическом измерении. По определению российского исследователя В. А. Ачкасова, «национальная идентичность не менее, а зачастую даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты» [3, с. 75]. По нашему мнению, более точным является понятие «национально-государственная идентичность», поскольку термин «национальный» некоторыми исследователями и политиками используется в качестве синонима слову «этнический». Развитая форма национально-государственной идентичности пересекается с гражданской идентичностью.

Считаем, что наиболее емким является определение *политической идентичности*, предложенное И. С. Семеновым: ком-

плекс «идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом» [4, с. 349].

Наиболее «узким» является определение *локальной идентичности*, основанное на понятии «малая родина» и трактуемое как «совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место» [5, с. 512].

В данной статье мы употребляем категорию «идентичность» как политическую. Конструирование политической идентичности – процесс многоакторный, включающий усилия разных субъектов по формированию представлений о государстве и его институтах, ценностных ориентирах, политических притязаниях, которые осуществляются в публичном пространстве. «Очевиден факт, – утверждает Л. А. Фадеева, – что ключевым игроком выступает государство, которое в проведении политики идентичности использует символическую политику, политику памяти, языковую политику» [6, с. 171]. В этом смысле политическая идентичность выступает как национально-государственная.

Проблематике идентичности уделяется достаточное внимание в исследованиях всех представителей социальных наук. Контроверзность «идентичности» связана со сложностью генезиса данной категории, которая рассматривается в разных аспектах: психологическом (З. Фрейд, Э. Эриксон, И. Гофман); философском (Т. Адорно, П. Рикер, Ж.-П. Сартр, Ж. Деррида), социологическом (А. Бергер, Т. Лукман, К. Дюбар); историческом (Ф. Бродель, П. Нора, Ж. Нуарель) и др. Концептуализации «идентичности» способствовали Б. Андерсон, Э. Гидденс, П. Бурдьё, С. Холл. Значимый вклад в развитие проблематики идентичности внесли российские ученые В. А. Ачкасов, И. С. Семенов, В. А. Тишков, Л. А. Фадеева, белорусские Н. А. Антанович, Л. Е. Земляков, В. А. Шерис, В. В. Шимов, К. М. Бондаренко, М. Г. Жилинский, А. А. Коваленя, В. В. Данилович. Проблема исторического процесса становления и развития белорусского этноса и формирования его государственности рассматривались в статьях белорусских ис-

ториков А. Ковалени, В. Арчакова, В. Даниловича, А. Баньковского [7].

Следует отметить издания ИМЭМО РАН под редакцией И. С. Семененко, в которых анализируется трансформация идентичности в современном мире, когнитивный потенциал концепта идентичности, обосновываются теоретические подходы, рассматриваются примеры локальной и региональной идентичности в системе социально-политической идентификации.

Вопросы сепаратизма, автономизма и этнополитической динамики европейских стран рассматривают П. В. Осколков, С. М. Хенкин, А. И. Тэвдой-Бурмули, И. С. Семененко, В. В. Лапкин и др. Однако проблеме контрверзности автономизма и национально-государственной идентичности в современных государствах не уделяется должного внимания.

Национально-государственная идентичность vs локальная идентичность: столкновение интересов

Различные страны мира по сей день сталкиваются с проявлениями этнического, культурного, религиозного, языкового сепаратизма, что подрывает государственные устои и несет в себе угрозу национальной безопасности. В рамках государств эти отличия, как правило, характерны для определенной территории, которая может иметь культурные, языковые, исторические, этнические, бытовые отличия от центра, что может послужить толчком к проявлению автономизма, регионализма, сепаратизма. Основания для сепаратизма как материального, так и духовно-культурного характера связаны с кризисом гражданско-государственной идентичности и расколами иных типов идентичности. По замечанию И. С. Семененко, «в условиях растущей культурной разнородности ни политика ассимиляции в теле политической нации, пытавшаяся, как во Франции, перечеркнуть культурные различия ее граждан, ни американская модель “плавильного котла”, ни опиравшаяся на мультикультурализм идея “единства в разнообразии”, которая осуществлялась на уровне социальных практик в Великобритании, не смогли обеспечить нужный уровень консолидации общества» [8, с. 87]. Несмотря на это, западноевропейские страны стремились всячески поддерживать сепара-

тистские настроения в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, но при этом оказались не готовы мириться с автономистскими проявлениями в своих государствах и не разделяют порывов коренных этнических меньшинств к самоопределению.

Ярким примером нежелания мириться с сепаратистскими устремлениями является Франция, которая подчеркивает свою уникальную национальную идентичность, сложившуюся еще после Великой французской революции. В соответствии со ст. 3 Основного закона «национальный суверенитет принадлежит народу» и «никакая часть народа и никакое отдельное лицо не могут присвоить себе его осуществление» [9]. Все граждане Франции, включая население территорий с особым статусом и заморских территорий, признаются французами. Более того, официальная этническая статистика во Франции не ведется, а «непринятие во внимание расовых, этнических или конфессиональных отличий среди французских граждан, остается негласным правилом для всех государственных учреждений и органов власти» [10, с. 90]. Попытка не принимать во внимание этнических особенностей на фоне массовой миграции, политики мультикультурализма и экономических проблем влечет за собой очевидные риски единства Франции, учитывая, что коренное население страны достаточно неоднородно: эльзасцы, бретонцы, корсиканцы, баски, фламандцы.

Масштабные политические процессы начинаются с 2010-х гг., когда во многих европейских странах наблюдался резкий рост активности правых партий и движений («Альтернатива для Германии», «ФИДЕС», «Австрийская народная партия», «Национальный фронт», «Золотая заря»), что связано с наплывом мигрантов. Другой тенденцией являются автономистские и сепаратистские настроения разной степени интенсивности (Бавария и Гессен, Шотландия, Каталония, Страна Басков, Ломбардия, Бретань и Корсика, Фландрия), которые в условиях миграционного кризиса несколько снизили свой накал, но сохраняют стремление к автономизму и даже сепаратизму.

Так, проблемным регионом Франции с точки зрения национального единства остается Корсика. На острове очень сильны проявления автономизма, с 1919 г. действу-

ет сепаратистская организация «Фронт национального освобождения Корсики» («Фронт»), которая ставит своей целью борьбу за независимость или расширение прав автономии и признание властями «корсиканцев» как самостоятельной народности. В своей борьбе организация использует вооруженные методы против полиции и французской государственной инфраструктуры. Несмотря на то что «Фронт» так и не смог добиться поставленных целей, в мае 1991 г. в соответствии с Постановлением Конституционного Совета Франции регион Корсика был провозглашен самоуправляемой территорией под названием (Collectivité Territoriale de Corse) «Территориальная общность Корсика» [11]. При этом Конституционный Совет запретил использовать формулировку «корсиканский народ – составная часть французского народа» как противоречащую Конституции [11].

Следует отметить, что относительное затишье насильственных антиправительственных действий наступило в 2014 г., когда сепаратисты объявили о переходе от вооруженной борьбы к легальным формам действий. Однако 2 марта 2022 г. в центральной тюрьме Арля на корсиканского националиста Ивана Колонну, приговоренного к пожизненному заключению за убийство префекта в 1998 г., напал его сокамерник джихадист Элонг Абе. Это нападение, приведшее к смерти Колонны 21 марта 2022 г., буквально «взорвало» остров. Тысячи корсиканцев вышли на улицу под лозунгом «Statu francese assassinu» («Французское государство – убийца») с требованием «независимого расследования убийства Колонны» и предоставления более широкой автономии Корсике. Для многих корсиканцев И. Колонна являлся «символом борьбы за независимость Корсики» [12], и его смерть стала триггером витка вооруженной «борьбы за независимость». Ситуация для французских властей усугубилась тем, что волнения начались незадолго до выборов президента Франции. В этих условиях министр внутренних дел Франции Ж. Дарманен заявил, что «готов обсудить автономию Корсики», но только когда утихнут насильственные демонстрации [13]. Противники Э. Макрона выступили с критикой такой позиции. Так, кандидат от Республиканской партии В. Пекресс осудила стремление пойти на

диалог с жителями Корсики: «Очень тревожно иметь президента, который систематически уступает улице, уступает требованиям толпы». Она заявила, что нельзя дать «автономию под угрозой».

Данная проблема в последнее время стала одной из самых обсуждаемых в прессе. В интервью газете «Le Figaro», вышедшем с заголовком «Вместо автономии Корсике прежде всего нужно сильное государство», обозреватель Поль Франсуа Паоли высказал убеждение, что «националисты должны признать французскую идентичность Корсики и отказаться от присущей им двойственности. Франция состоит из группы регионов, которые не имеют одинаковой истории, но общим для них является французский язык» [12]. Анализируя социально-экономическую и политическую ситуацию на Корсике, П. Ф. Паоли говорит, что большинство корсиканцев живут на континенте, французское государство является основным работодателем на острове: «На 1 000 жителей на Корсике приходится в среднем больше государственных служащих, чем на континенте» [12]. Сами корсиканцы не верят в обоснованность националистического проекта, тем более что на острове сильно влияние мафиозных кланов, с которыми борется государство. В этих условиях «автономия – действительно опасная идея, если ею манипулируют люди, которые не считают себя французами как на Корсике, так и в Эльзасе», – заключает Паоли [12].

Французский политолог Фонда Жана Жореса, советник премьер-министра с 2012 по 2017 г. Хлоя Морэн акцентировала внимание на том, что игнорирование и недопонимание корсиканской проблемы «усугубляет экономические, культурные и социальные противоречия, что может привести только к худшему», поскольку «чувство унижения, гнева и беспомощности – лучшее политическое топливо» [14]. Говоря о возможной дискуссии государства с корсиканскими националистами относительно автономии, она подчеркивает, что в туманном дискурсе действующих лидеров автономистов редко можно получить ответ на ключевой, но простой вопрос: «Что даст автономия, если значительные полномочия уже были предоставлены корсиканскому сообществу? Автономия – это средство, а не цель» [14].

Из-за непрекращающихся столкновений переговоры об автономии оказались отложены на неопределенное время. Но независимо от результата переговоров расширение автономии будет касаться экономической, социальной политики и политики в области здравоохранения, но за Парижем останутся такие суверенные функции, как внутренняя безопасность, оборона, правосудие.

Похожая ситуация в Каталонии, которая не добилась суверенитета от Испании, несмотря на результаты референдума 2017 г., когда более 90 % населения региона проголосовали за его независимость. Это еще раз подтверждает тезис о том, что западноевропейские власти не готовы мириться с автономистскими проявлениями и идти на уступки регионам: «Дезинтеграция национальных государств, входящих в ЕС, практически нереализуема благодаря артикулированному нежеланию Союза расширяться за счет внутреннего дробления, жесткой позиции самих национальных государств и мотивированных опасений потенциально сепаратистских регионов» [15, с. 68].

Таким образом, европейские государства стремятся сохранить свою национально-государственную идентичность не только на европейском континенте, но даже в провинциях, находящихся за его пределами. Несмотря на однозначную позицию в отношении проявлений автономизма и регионализма, западноевропейские государства активно поддерживали сепаратистские проявления в бывшей Югославии (Косово), России (Северный Кавказ) и сейчас выступают за право наций на самоопределение, но только вне Западной Европы.

Заключение

Идентичность как понятие рассматривается в различных контекстах, но, когда мы говорим о прочности политических систем и государственных институтов, на первый план выходит национально-государственная идентичность. В статье выявлены основные противоречия (контроверзы) в оценке западноевропейскими государствами национально-государственной идентичности и конфликтов, возникающих на основе «расколов» идентичности: готовность рекомендовать автономию вплоть до получе-

ния суверенитета другим государствам и жесткая реакция на любые сепаратистские устремления внутри своих стран. Политика ЕС в отношении регионов не предполагает предоставления им широкой автономии и уж тем более сецессии части территорий государств.

Корсиканская проблема – пример того, что основанием для конфликтов могут быть не только разломы внутри политической (национально-государственной) идентичности, но и акцентирование этнокультурной и локальной идентичности. Пример Корсики показывает, что Французская республика сохраняет свое территориальное единство. Однако попытка французских властей не замечать стремления корсиканцев к признанию этнокультурной идентичности лишь увеличивает недопонимание сторон и усугубляет экономическую, культурную и политическую ситуацию в регионе. Вместе с тем отметим, что этнические компоненты политической национально-государственной идентичности не всегда влекут за собой конфликтогенность, которая возникает под влиянием их политизации со стороны этнических элит.

Под влиянием миграции, глобализации и усиления индивидуализма размывается идентичность, в т. ч. национальная и даже гражданская, которые обеспечивают прочность государственных институтов.

Примеры Корсики и Каталонии демонстрируют нежелание западноевропейских государств мириться с любыми проявлениями сепаратизма и регионализма в своих странах. Не допускается и расширение автономии, потому что, как говорит Анн-Мари Ле Пурье, профессор конституционного права Реннского университета 1, «все меньшинства нагрянут из засады».

Сторонники «дифференциализма» пользуются мощными ретрансляторами в международных организациях от ООН до Совета Европы [16]. Политические декларации («Мы поддерживаем право народов на самоопределение, самостоятельность») и практика принятия решений, требующая сохранения управляемости страной, явно не совпадают («Автономия, сепаратизм? Пожалуйста, только не в наших странах»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 408 с.
2. Идентичность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Весь мир, 2017. – 992 с.
3. Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире / В. А. Ачкасов // Вестн. СПбГУ. – Сер. 6. – 2013. – Вып. 4. – С. 71–77.
4. Семененко, И. С. Политическая идентичность / И. С. Семененко // Идентичность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Весь мир, 2017. – С. 349–354.
5. Назукина, М. В. Локальная идентичность / М. В. Назукина // Идентичность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : Весь мир, 2017. – С. 512–516.
6. Фадеева, Л. А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал / Л. А. Фадеева // Полит. науки. – 2016. – № 2. – С. 164–178.
7. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // Беларус. думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
8. Семененко, И. С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа / И. С. Семененко // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф., Москва, 21–22 окт. 2010 г. / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – С. 86–101.
9. Constitution de la république française. La Constitution du 4 octobre 1958 à jour de la révision du 23 juillet 2008 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution/le-contenu-de-la-constitution-du-4-octobre-1958>. – Date of access: 18.03.2022.
10. Дьяконов, К. Б. Особенности интеграции этнических и конфессиональных меньшинств во Франции / К. Б. Дьяконов // Социол. исслед. – 2008. – № 11. – С. 83–91.
11. Décision no 91-290 DC du 9 mai 1991. Loi portant statut de la collectivité territoriale de Corse [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1991/91290DC.htm>. – Date of access: 18.03.2022.
12. Planchon, R. Plutôt que l'autonomie, la Corse a avant tout besoin d'un État fort / R. Planchon [Electronic resource] // Figaro. – 2022. – 22 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/plutot-que-l-autonomie-la-corse-a-avant-tout-besoin-d-un-etat-fort-20220322>. – Date of access: 23.03.2022.
13. Thubault, N. Autonomie de la Corse: de quoi parle-t-on? [Electronic resource] / N. Thubault // RTL. – 2022. – 16 mars. – Mode of access: <https://www.rtl.fr/actu/politique/autonomie-de-la-corse-de-quoi-parle-t-on-7900134654>. – Date of access: 05.04.2022.
14. Morin, Ch. Autonomie de la Corse: «L'État a-t-il péché par excès de rigidité ou par faiblesse?» [Electronic resource] / Ch. Morin // Figaro. – 2022. – 22 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/autonomie-de-la-corse-l-etat-a-t-il-peche-par-exces-de-rigidite-ou-par-faiblesse-20220322>. – Date of access: 23.03.2022.
15. Осколков, П. В. Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? / П. В. Осколков // Междунар. аналитика. – 2021. – Т. 12 (3). – С. 59–71.
16. Gonzalès, P. Autonomie de la Corse: Alsace, Bretagne... Vers une «République à la carte»? [Electronic resource] / P. Gonzalès // Figaro. – 2022. – 17 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/autonomie-de-la-corse-alsace-bretagne-vers-une-republique-a-la-carte-20220317>. – Date of access: 18.03.2022.

REFERENCES

1. Brubejkier, R. Etnichnost' biez grupp / R. Brubejkier : pier. s angl. I. Borisovoj. – М. : Изд. дом Vyssh. shk. ekonomiki, 2012. – 408 s.
2. Identichnost', obshchestvo, politika : encikl. izd. / otv. ried. I. S. Siemienienko. – М. : Vies' mir, 2017. – 992 s.
3. Achkasov, V. A. Politika identichnosti v sovriemiennom mire / V. A. Achkasov // Viestn. SPbGU. – Sier. 6. – 2013. – Vyp. 4. – S. 71–77.

4. Siemienienko, I. S. Politichieskaja identichnost' / I. S. Siemienienko // Identichnost', obshchiestvo, politika : encikl. izd. / otv. ried. I. S. Siemienienko. – M. : Vies' mir. – S. 349–354.
5. Nazukina, M. V. Lokal'naja identichnost' / M. V. Nazukina // Identichnost', obshchiestvo, politika : encikl. izd. / otv. ried. I. S. Siemienienko. – M. : Vies' mir. – S. 512–516.
6. Fadiejeva, L. A. Identichnost' kak katiegorija politichieskoj nauki: issliedovatiel'skoje polie i kognitivnyj potencial / L. A. Fadiejeva // Polit. nauki. – 2016. – № 2. – S. 164–178.
7. K voprosu ob istorichieskoj politikie / A. Kovalienia [i dr.] // Bielarus. dumka. – 2019. – № 8. – S. 3–11.
8. Siemienienko, I. S. Nacional'nyje praktiki formirovanija grazhdanskoj identichnosti: opyt sravnitiel'nogo analiza / I. S. Siemienienko // Identichnost' kak priedmiot politichieskogo analiza : sb. st. po itogam Vsieros. nauch. konf., Moskva, 21–22 okt. 2010 g. / riedkol.: I. S. Siemienienko (otv. ried.) [i dr.]. – M. : IMEMO RAN, 2011. – S. 86–101.
9. Constitution de la république française. La Constitution du 4 octobre 1958 à jour de la révision du 23 juillet 2008 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/la-constitution/le-contenu-de-la-constitution-du-4-octobre-1958>. – Date of access: 18.03.2022.
10. D'jakonov, K. B. Osobiennosti integracii etnichieskikh i konfiessional'nykh mien'shinstv vo Francii / K. B. D'jakonov // Sociol. isslied. – 2008. – № 11. – S. 83–91.
11. Décision no 91-290 DC du 9 mai 1991. Loi portant statut de la collectivité territoriale de Corse [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1991/91290DC.htm>. – Date of access: 18.03.2022.
12. Planchon, R. Plutôt que l'autonomie, la Corse a avant tout besoin d'un État fort / R. Planchon [Electronic resource] // Figaro. – 2022. – 22 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/plutot-que-l-autonomie-la-corse-a-avant-tout-besoin-d-un-etat-fort-20220322>. – Date of access: 23.03.2022.
13. Thubault, N. Autonomie de la Corse: de quoi parle-t-on? [Electronic resource] / N. Thubault // RTL. – 2022. – 16 mars. – Mode of access: <https://www.rtl.fr/actu/politique/autonomie-de-la-corse-de-quoi-parle-t-on-7900134654>. – Date of access: 05.04.2022.
14. Morin, Ch. Autonomie de la Corse: «L'État a-t-il péché par excès de rigidité ou par faiblesse?» [Electronic resource] / Ch. Morin // Figaro. – 2022. – 22 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/autonomie-de-la-corse-l-etat-a-t-il-peche-par-exces-de-rigidite-ou-par-faiblesse-20220322>. – Date of access: 23.03.2022.
15. Oskolkov, P. V. Etnoriegional'nyj sieparatizm v Jevropie: dezintegracija protiv integracii? / P. V. Oskolkov // Miezhdunar. analitika. – 2021. – T. 12 (3). – S. 59–71.
16. Gonzalès, P. Autonomie de la Corse: Alsace, Bretagne... Vers une «République à la carte»? [Electronic resource] / P. Gonzalès // Figaro. – 2022. – 17 mars. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/autonomie-de-la-corse-alsace-bretagne-vers-une-republique-a-la-carte-20220317>. – Date of access: 18.03.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.04.2022

УДК 327

Хван Джон Хва

аспірант 3-го года обучения каф. міжнародных отношений
Белорусского государственного университета

Hwang John Hwa

Post-Graduate Student of the 3th Year of Study of International Relations Department
of the Belarusian State University
e-mail: belarustimothy@mail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА РО МУ ХЕНА (2003–2008 гг.)

Рассмотрены характерные черты внешней политики Республики Корея в первом десятилетии XXI в. Установлена роль белорусского вектора в геостратегии «Новая северная политика». Показана специфика развития белорусско-корейских отношений как в рамках двустороннего взаимодействия, так и в международных организациях. Конкретизирована роль политических элит в интенсификации контактов в экономической, культурной и гуманитарной сферах. Определены перспективные направления сотрудничества между белорусскими и корейскими партнерами.

Ключевые слова: сотрудничество, внешняя политика, дипломатические отношения, президент, Республика Корея, Республика Беларусь, политические взаимоотношения, торгово-экономические отношения.

Political Relations of the Republic of Korea with the Republic of Belarus During Roh Moo Hyun's Presidency (2003–2008)

The article examines the characteristic features of the foreign policy of the Republic of Korea in the first decade of the XXI century. The role of the Belarusian vector in the geostrategy of the «New Northern Policy» is established. The specifics of the development of Belarusian-Korean relations, both within the framework of bilateral cooperation and in international organizations, are shown. The role of political elites in the intensification of contacts in the economic, cultural and humanitarian spheres is specified. Promising areas of cooperation between Belarusian and Korean partners have been identified.

Key words: cooperation, foreign policy, diplomatic relations, president, Republic of Korea, Republic of Belarus, political relations, trade and economic relations.

Введение

25 февраля 2003 г. пост президента Республики Корея занял Но Му Хен, представитель Демократической партии нового тысячелетия. Он находился в этой должности до 24 февраля 2008 г. В период президентства Но Му Хена (2004–2008) наметились тенденции, которые продолжали оказывать влияние на корейскую политику в отношении Республики Беларусь и во втором десятилетии XXI в. В этот период Южная Корея имела серьезные интересы в европейском регионе: активное налаживание связей с Европой приобрело особое, символическое значение в контексте рассмот-

рения системы международных отношений с точки зрения геоэкономики, т. е. во главе угла стояли императивы не политического и военного характера, а экономические, торговые интересы.

Отношения с Беларусью Южная Корея развивала в рамках европейского направления «Северная политика», которая начала реализовываться с 1990-х гг. после распада Советского Союза и социалистического лагеря. В основе расширения сферы корейской (здесь и далее эпитет «корейский» используется для характеристики политики Республики Корея) внешней политики, в т. ч. на Беларусь, лежало желание лидеров Южной Кореи извлечь выгоду из идентичности страны как «средней державы». Эта идентичность отчасти зависела от относительного размера и географического положения, но в равной степени была связана с более абстрактными проблемами не-

Научный руководитель – Александр Мухтарович Байчоров, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

присоединения и желанием корейцев исторически избежать попадания в ловушку соперничества великих держав. Такая политика помогала Республике Корея расширять географию своих внешнеполитических и внешнеэкономических отношений.

В статье предпринята попытка обосновать гипотезу о том, что в период президентства Но Му Хена были закреплены равные, равноправные взаимоотношения между Кореей и Беларусью, ставшие политическим фундаментом для налаживания двустороннего взаимодействия в различных сферах.

Источники и историография исследования

К началу третьего десятилетия XXI в. ни в корейской, ни в белорусской историографии нет обобщающих научных исследований, посвященных анализу взаимоотношений между Кореей и Беларусью первого десятилетия XXI в.

В процессе написания статьи был исследован комплекс источников.

Первая группа источников – это официальные международные договоры, регулирующие корейско-белорусские отношения. Прежде всего следует упомянуть «Соглашение об экономическом, научном и технологическом сотрудничестве» 2004 г. [1], «Торговое соглашение» 2004 г. [2], «Культурное соглашение» 2007 г., заключенные при Но Му Хене. Внешняя политика Республики Беларусь основывалась на Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [3].

Вторая группа источников – это документы и заявления внешнеполитических ведомств двух стран. Министерство иностранных дел Республики Корея (МИД РК) является крупным информационным ресурсом (www.mofa.go.kr), где собраны ключевые документы и заявления относительно корейско-белорусских отношений. Сайт МИД РК – единственная информационная площадка, где содержится подробная информация о заседаниях двусторонних комиссий и комитетов. Например, представлена информация о деятельности Совместного комитета по науке и технологиям [4], Совместного комитета Республика Корея – Беларусь по экономике [5], Совместной Бе-

лорусско-Корейской рабочей группы по науке и технологиям [6], Ассоциации парламентской дружбы Корея – Беларусь и др. В материалах внешнеполитических ведомств двух стран регулярно размещалась информация об официальных встречах представителей ведомств двух стран, в т. ч. на международных площадках [7]. Пресс-релизы МИД двух стран содержали информацию о важнейших событиях развития двусторонних отношений, например, о достижениях, связанных с двусторонней торговлей и инвестиционным сотрудничеством [8].

В корейской науке международные отношения традиционно рассматривались в тесной связи с их национальной спецификой. В корейских исследованиях международные отношения – это подраздел политической науки, который анализирует взаимодействие между государствами и другими участниками международного сообщества. Международные отношения в Республике Корея были впервые признаны независимой областью исследований после окончания второй мировой войны. Корейские исследования международных отношений имеют следующие специфические характеристики: эпистемологический плюрализм, либеральный конструктивизм, признание важности альтернатив, плюрализм теорий международных отношений [9, с. 45–68].

В корейских взглядах на систему международных отношений конкурируют два подхода: первый ориентирован на универсальность, второй – на конкретность. Оба они вместе с тем по-своему универсальны, т. к. опираются на западные академические концепции. Эти два подхода предполагают две стратегии достижения универсальности. Одна из них связана с получением Республикой Корея международного признания у Запада в качестве равноправного партнера; другая нацелена на экспорт теории международных отношений, сформулированной в Корее, как для западной, так и для восточной аудитории [10].

Корейская теория международных отношений тесно связана с таким универсальным подходом к исследованию мировой политики, как реализм. В ней большое внимание уделяется государствам как основным игрокам в международной системе и балансу сил как главной теме международной политики. Корейские исследователи

признают наличие теоретической конкуренции между реализмом и либерализмом (идеализмом) в системе международных отношений. Признается, что любые, даже весьма конкретные подходы к анализу международных событий должны сначала иметь дело с допущениями, принципами и концепциями, вытекающими из двух основных парадигм.

Глобализация вызвала в корейской науке новый устойчивый интерес к ряду транснациональных проблем. Глобализация также заставила корейских ученых переосмыслить, кто является ключевыми игроками в международных отношениях. Традиционно внимание было сосредоточено исключительно на государствах, но сегодня международные организации, неправительственные организации (НПО) и транснациональные корпорации (ТНК) считаются важными участниками системы международных отношений в корейской науке [11, с. 207–231].

Научный сотрудник Корейского фонда Кореи и старший научный сотрудник по Северо-Восточной Азии в Азиатско-Тихоокеанской программе в Chatham House Дж. Райт и старший научный сотрудник Chatham House по Китаю в Азиатско-Тихоокеанской программе Ю. Джи исследовали новшества внешней политики Республики Корея и обращали внимание на то, что корейские политики стремились извлечь выгоду из идентичности страны как «средней державы». Эта идентичность отчасти зависит от относительного размера и географического положения, но в равной степени связана с более абстрактными проблемами неприсоединения и желанием корейцев избежать попадания в ловушку соперничества великих держав. Базовыми принципами корейской внешней политики стали балансирование, или хеджирование, в попытке защититься от непредсказуемого стратегического будущего [12].

В южнокорейских исследованиях развитию отношений с Республикой Беларусь пока не уделяется большого внимания. Наличие или отсутствие таких работ важно для понимания приоритетов внешней политики Республики Корея и определения в ней места отношений с Беларусью. В ряде случаев корейская политика в отношении Республики Беларусь рассматривалась как часть более общей стратегии выстраивания

отношений с Российской Федерацией и постсоветскими государствами евразийского пространства.

Научный сотрудник Национального бюро азиатских исследований (г. Сеул) Ли Жеон Гхе, определяя приоритеты внешней политики Республики Корея, отмечал, что Сеул стремился пересмотреть свою собственную региональную роль в качестве средней державы. Идентичность Кореи как средней державы традиционно рассматривалась в рамках восточноазиатского регионализма. Если Сеул хочет усилить свой голос в качестве средней державы, то как прогрессивным, так и консервативным политикам необходимо будет, по мнению Ли Жеон Гхе, позиционировать «Новую северную политику» как часть более широкой стратегии Южной Кореи, а не только как основу для функционального сотрудничества с развивающимися странами «третьего мира». Внутренние и стратегические ограничения внешнеполитического курса Сеула в таком случае могут помочь уменьшить потенциальные трения в продвижении отношений с новыми внешнеполитическими партнерами Южной Кореи [13].

Особенности внешней политики Республики Корея при Но Му Хене

К числу важнейших особенностей рассматриваемого периода прежде всего следует отнести тот факт, что военное партнерство Кореи и США перестало являться доминирующим в их двусторонних отношениях. Пожалуй, самым значимым событием для альянса Республика Корея и США стало заключение Соглашения о свободной торговле 2007 г. Соглашение стало самым большим торговым соглашением, заключенным США в тот период. Президент Но Му Хен также стал первым из корейских президентов, кто серьезно поднял вопрос о передаче операционного контроля в военное время от США Южной Кореи. Южная Корея переставала быть только объектом охраны и потребителем международных ресурсов безопасности. США возвращали себе позиции ведущего торгового партнера Республики Корея, что подчеркивало эффективность развития двусторонних отношений [14].

После первого визита в Японию вступившего в должность президента Но Му

Хена наметились определенные сдвиги в корейско-японских отношениях. К таковым можно отнести принятие Японией решения об отмене визового режима для корейских студентов, а также открытие постоянного воздушного сообщения между японским аэропортом Ханеда и корейским Кимпхо. Но все же территориальный спор относительно острова Токто (яп. Такэсима) мешал строительству продуктивных политических отношений между Кореей и Японией. Но Му Хен не раз давал понять японской стороне, что его правительство будет жестко противостоять попыткам Японии нарушить территориальную целостность Республики Корея.

Одним из успехов Но Му Хена стало улучшение отношений с Китаем, который в 2003 г. потеснил США и стал крупнейшим рынком сбыта корейских товаров, а в 2004 г. – крупнейшим торговым партнером Южной Кореи [14].

Как отмечалось, отношения с Беларусью рассматривались Сеулом в рамках европейского направления «Северной политики» Южной Кореи, которая начала реализовываться с 1990-х гг. после распада Советского Союза и социалистического лагеря [14]. В середине 1990-х гг., после вступления Республики Кореи в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), корейская стратегия «глобализации», или «сегехва», очень четко обозначила стремление повысить авторитет и статус страны на международном и особенно региональном уровнях. В рамках реализации этой политики следует рассматривать установление и развитие внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с Беларусью.

Профессор, декан факультета международных исследований Университета Ханьян Ом Гу Хо выделил основные характеристики «Новой северной политики» Республики Корея:

1) идея связать Республику Корея с Евразийским экономическим союзом через КНДР, т. е. через ЕАЭС (что дает возможность активизации белорусско-корейского сотрудничества);

2) «Новая северная политика» предполагает развитие сотрудничества в разных сферах, например, предполагается создание площадок для финансового сотрудничества;

Республика Корея предлагает создание регионального Банка развития, прежде всего ориентированного на Евразийское пространство.

Одним из направлений «Новой северной политики» Кореи является Северное экономическое сотрудничество, в рамках которого также рассматривались приоритеты взаимодействия с Беларусью. В частности, корейская сторона в числе приоритетов корейско-белорусских связей называла сферы торговли, инвестиций, науки и технологий, IT-сектора, цифровой экономики, транспорта [15].

В своей инаугурационной речи 25 февраля 2003 г. Но Му Хен заявил, что «эпоха Северо-Восточной Азии быстро приближается». Корейский полуостров должен соединить евразийскую сушу с Тихим океаном и привести к «эпохе Северо-Восточной Азии» в XXI в. В новой международной ситуации после окончания холодной войны северная Евразия может снова стать связующим звеном между Северо-Восточной Азией (северной частью Тихого океана) и Европой (ЕС) через обширный Евразийский сухопутный мост. «Корейский полуостров должен возродиться как Восточные Азиатские ворота мира, соединяющие евразийскую сушу с Тихим океаном» [16].

Становление и развитие корейско-белорусских связей

Факторами, способствующими развитию сотрудничества Республики Корея с Беларусью, стали выгодное географическое расположение каждой из сторон; стабильность как политической системы, так и политического режима; открытость сторон для сотрудничества с внешним миром, а также менталитет и традиции обществ в этих странах; растущая экономика и большая емкость рынков сбыта; заинтересованность в разработке новых технологий и наличие ресурсов для инвестирования.

Однако существовали и факторы, которые сдерживали развитие корейско-белорусских отношений: удаленность стран друг от друга; определенная пассивность внешнеполитических ведомств стран; низкая информированность партнеров друг о друге; неприоритетное место Республики Беларусь во внешнеполитических интересах Республики Корея; отсутствие комп-

лексной стратегии и последовательности в расширении белорусского присутствия на рынках региона Северо-Восточной Азии.

Тем не менее развитие взаимоотношений с Республикой Беларусь в период президентства Но Му Хена было поступательным, что подтверждается рядом дипломатических действий.

1. В 2007 г., в период президентства Но Му Хена, было открыто посольство Кореи в Минске.

2. Между государствами осуществлялся более интенсивный обмен официальными делегациями на высоком уровне, например, состоялся визит в Беларусь корейского министра торговли, промышленности и энергетики Ким Чен Гапа (апрель 2004 г.); визиты в Южную Корею заместителя министра иностранных дел Беларуси В. А. Гайсенка (февраль 2007 г.); министра по чрезвычайным ситуациям Э. Р. Бариева (сентябрь 2007 г.); заместителя министра иностранных дел В. А. Гайсенка (октябрь 2007 г.); премьер-министра С. С. Сидорского (ноябрь 2007 г.). К визитам, как правило, приурочивались подписания межгосударственных и межправительственных соглашений, официальный запуск совместных производств и проектов, открытие выставок товаров, культурных мероприятий и т. д.

3. Дипломатические визиты широко освещались в СМИ обоих государств. Официальные сообщения и комментарии носили преимущественно позитивный характер, отмечались перспективы белорусско-корейского сотрудничества.

4. Активно создавались двусторонние структуры, работающие на постоянной основе и призванные активизировать двустороннее сотрудничество. В рамках межправительственных комиссий в зависимости от амбициозности планов создавались рабочие группы по ключевым направлениям двустороннего сотрудничества. 17 мая 2004 г. было заключено торговое соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Корея, в соответствии с которым стороны договорились, что примут все необходимые меры в рамках соответствующего законодательства каждого из государств в целях поощрения и содействия экономического, научного и технического сотрудничества между двумя странами. На основе положений данного

соглашения был сформирован Совместный комитет Республики Беларусь и Республики Корея. Этот Комитет был призван выполнять следующие функции:

а) рассматривать вопросы, касающиеся выполнения межправительственного Соглашения от 17 мая 2004 г.;

б) изучать возможности расширения и диверсификации экономического, научного и технического сотрудничества между двумя странами, а также определять при необходимости конкретные программы и проекты для этих целей;

в) изучать и вносить предложения в целях принятия двумя странами мер по расширению экономического, научного и технического сотрудничества.

Первое заседание Совместного комитета состоялось в г. Сеуле 8 февраля 2007 г., второе заседание прошло в г. Минске 15 октября 2008 г.

5. Внешнеэкономический контекст двустороннего сотрудничества дополнялся более тесными контактами внешнеполитических ведомств, связями в сфере гуманитарного сотрудничества.

В рассматриваемый период Беларусь активизировала свою внешнюю политику в широком спектре направлений, и Восточная Азия стала одним из них (политика многовекторности). Минск пытался балансировать между европейским и евразийским политическим, экономическим и военным пространством, стремясь сформировать «пояс добрососедства» в Европе, наращивать сотрудничество со странами Востока и Юга. Отношения с Республикой Корея в этот период активизировались, однако все еще не рассматривались в Минском как приоритетные [17].

В 2000-е гг. многовекторная внешняя политика Республики Беларусь имела комплекс географических приоритетов. В первую группу географических приоритетов входили Россия и страны постсоветского пространства. Во вторую группу по приоритетности МИД Беларуси относил Европейский союз вместе с другими развитыми странами «глобального Севера» (США, Канада, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и некоторые другие). В научной литературе данная группа партнеров Беларуси получила название «коллективный Запад». Третью группу состави-

ли страны т. н. «дальней дуги» белорусской внешней политики, под которой в Минске подразумевали государства, условно говоря, «третьего мира», т. е. не относящиеся ни к постсоветскому пространству, ни к Западу в широком смысле. Следует указать, что в некоторых белорусских исследованиях Республику Корея также относили к «дальней дуге» [18].

Активно о концепции «дальней дуги» в Беларуси стали говорить в начале 2000-х гг., хотя контуры «третьего измерения» внешней политики Беларуси проявились еще в конце 1990-х гг., особенно после резкого ухудшения отношений официального Минска со странами Запада и их союзниками.

Преобладающим интересом Минска в развитии белорусско-корейских отношений в рассматриваемый период являлся экономический, направленный на расширение торгового, инвестиционного и научно-технического взаимодействия, поиск взаимовыгодных форм сотрудничества. Межправительственное корейско-белорусское сотрудничество позволило заложить фундамент взаимодействия в научно-технической сфере, расширивший возможности для увеличения количества совместных проектов и их коммерциализации на рынке стран ЕАЭС. Во внешнеполитической сфере страны не имели острых конфликтных тем и потенциала для конфронтации.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Отношения с Беларусью рассматривались в рамках европейского направления «Северной политики» Южной Кореи, которая начала реализовываться с 1990-х гг. после распада Советского Союза и социалистического лагеря. «Новая северная политика» Сеула была лишена геополитических

ограничений, пыталась избегать конфликтов, которые прямо не затрагивали национальные интересы Южной Кореи. В этом плане конфронтация Минска и западного блока существенно не повлияла на позицию Сеула в отношении развития корейско-белорусских отношений.

Одним из направлений «Новой северной политики» Кореи стало Северное экономическое сотрудничество, в рамках которого рассматривались приоритеты взаимодействия с Беларусью.

Развитие отношений с Республикой Беларусь в период президентства Но Му Хена было поступательным, что следует из анализа ряда дипломатических шагов:

- 1) 17 мая 2004 г. было заключено межправительственное торговое соглашение;
- 2) в 2007 г. было открыто посольство Кореи в Минске;
- 3) между государствами осуществлялся более интенсивный обмен официальными делегациями на высшем и высоком уровнях;
- 4) активно создавались двусторонние структуры, работающие на постоянной основе и призванные активизировать двустороннее сотрудничество.

Преобладающим интересом в развитии корейско-белорусских отношений в рассматриваемый период была экономическая составляющая: правительство Республики Корея стремилось расширять торговые, инвестиционные и научно-технические взаимодействия, вело поиск взаимовыгодных форм сотрудничества.

Таким образом, можно обоснованно заявить, что в период президентства Но Му Хена были закреплены равные, равноправные взаимоотношения между Кореей и Беларусью, ставшие политическим фундаментом для построения двустороннего взаимодействия в различных сферах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Корея об экономическом, научном и техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 сент. 2004 г., № 1062. – Режим доступа: https://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Совета_Министров_РБ/-2004/79-866. – Дата доступа: 02.09.2021.

2. Торговое Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Корея [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. –

№ 174. – 2/1069. – Режим доступа: <http://kaznachey.com/doc/0mruzskJPen/>. – Дата доступа: 02.09.2021.

3. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З : в ред. от 10 июня 2015 г., № 2/2273. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060>. – Дата доступа: 02.09.2021.

4. ROK and Belarus Hold their 8-th Policy Consultation [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=314851. – Date of access: 20.10.2021.

5. Outcome of the 4-th Meeting of the ROK-Belarus Joint Committee on Economy, Science and Technology [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=316570. – Date of access: 20.10.2021.

6. Деловое соглашение между Национальной службой судебных экспертиз и Белорусским комитетом судебно-медицинских экспертиз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mois.go.kr/frt/bbs/type010/commonSelectBoardArticle.do?bbsId=BBSMSTR_0000000-00008&nttId=69655. – Дата доступа: 20.10.2021 (на кор. яз.).

7. Leaders of ROK and Belarus Exchange Celebratory Messages to Mark 25th Anniversary of Diplomatic Relations [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=318098. – Date of access: 20.10.2021.

8. Korea – Belarus Trade Promotion Partners Expect Active Support for Bilateral Trade Cooperation and Organizing KOIMA Import Delegation to Belarus [Electronic resource] // Посольство Респ. Беларусь в Респ. Корея. – Mode of access: <https://korea.mfa.gov.by/uploademb/korea/News%20New/belkortpp.pdf>. – Date of access: 20.10.2021.

9. Chung-in Moon. International relations studies in South Korea / Chung-in Moon, Taehwan Kim // Journal of East Asian Studies. 2002. – Vol. 2, nr 1. – P. 45–68.

10. Jungmin Seo. The emergence and evolution of International Relations studies in postcolonial South Korea [Electronic resource] / Jungmin Seo, Young Chul Cho // The British International Studies Association. – Mode of access: <https://www.bisa.ac.uk/articles/emergence-and-evolution-international-relations-studies-postcolonial-south-korea>. – Date of access: 20.10.2021.

11. Ihn-hwi Park. Korea's National Interests and Security Conditions in the Age of Globalization / Ihn-hwi Park // The Korean Journal of International Studies. – 2011. – Nr 9-2. – P. 207–231.

12. Nilson-Wright, J. South Korean foreign policy innovation amid Sino – US rivalry. Strategic partnerships and managed ambiguity [Electronic resource] / J. Nilson-Wright, Yu Jie // Chatham House. – Mode of access: <https://www.chathamhouse.org/2021/07/south-korean-foreign-policy-innovation-amid-sino-us-rivalry>. – Date of access: 20.10.2021.

13. Lee Jeonghee. Foreign Policymaking in South Korea [Electronic resource] / Lee Jeonghee // The National Bureau of Asian Research. – Mode of access: <https://www.nbr.org/publication/foreign-policymaking-in-south-korea/>. – Date of access: 20.10.2021.

14. Бочарникова, М. В. Администрация Но Му Хёна: новый взгляд на развитие альянса Республика Корея – США в 2003–2008 гг. [Электронный ресурс] / М. В. Бочарникова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/administratsiya-no-mu-hyona-novyuy-vzglyad-na-razvitiie-alyansa-rk-ssha-v-2003-2008-gg>. – Дата доступа: 20.10.2021.

15. Содействие расширению научно-технического сотрудничества со странами Восточной Европы [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и технологий Республики Корея. – Режим доступа: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/filePreView.do?seq=df9c227-ed041ee8300f68ea969-eb2ceb>. – Дата доступа: 20.10.2021 (на кор. яз.).

16. Институт национального объединения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://repo.kinu.or.kr/bitstream/2015.oak/8883/1/0001477237.pdf>. – Дата доступа: 20.10.2021 (на кор. яз.).

17. Залесский, Б. Международные отношения и медиа. Взгляд из Беларуси / Б. Залесский. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2014. – 675 с.

18. Шадурский, В. Г. Сотрудничество Беларуси со странами «дальней дуги»: достижения и проблемы / В. Г. Шадурский // Беларусь в меняющемся мире: история и современность : ма-

териалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: М. Э. Чесновский [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 58–67.

REFERENCES

1. Ob utvierzhdienii Soglashenija miezhdu Pravitel'stvom Riespubliki Bielarus' i Pravitel'stvom Riespubliki Korieja ob ekonomichieskom, nauchnom i tiekhnichieskom sotrudnichiestvie [Eliكتروнный ресурс] : postanovlieniye Sovieta Ministrov Riesp. Bielarus', 1 sient. 2004 g., № 1062. – Riezhim dostupa: https://belzakon.net/Zakonodatel'stvo/Postanovlenie_Soveta_Ministrov_RB/2004/-79866. – Data dostupa: 02.09.2021.
2. Torgovoje Soglasheniye miezhdu Pravitel'stvom Riespubliki Bielarus' i Pravitel'stvom Riespubliki Korieja [Eliكتروнный ресурс] // Nac. riejeestr pravovykh aktov Riesp. Bielarus'. – 2004. – № 174. – 2/1069. – Riezhim dostupa: <http://kaznachey.com/doc/0mruzskJPen/>. – Data dostupa: 2.09.2021.
3. Ob utvierzhdienii Osnovnykh napravlieniij vnutrienniej i vnieshniej politiki Riespubliki Bielarus' [Eliكتروнный ресурс] : Zakon Riesp. Bielarus', 14 nojab. 2005 g., № 60-3 : v ried. ot 10 ijunia 2015 g., № 2/2273. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060>. – Data dostupa: 2.09.2021.
4. ROK and Belarus Hold their 8-th Policy Consultation [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=314851. – Date of access: 20.10.2021.
5. Outcome of the 4-th Meeting of the ROK-Belarus Joint Committee on Economy, Science and Technology [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=316570. – Date of access: 20.10.2021.
6. Dielovoje soglasheniye miezhdu Nacional'noj sluzhboj sudiebnykh ekspiertiz i Bielorusskim komitetom sudiebno-miedicinskikh ekspiertiz [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: https://www.mois.go.kr/frt/bbs/type010/commonSelectBoardArticle.do?bbsId=BBSMSTR_0000000-00008&nttId=69655. – Data dostupa: 20.10.2021 (na kor. jaz.).
7. Leaders of ROK and Belarus Exchange Celebratory Messages to Mark 25th Anniversary of Diplomatic Relations [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. – Mode of access: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=318098. – Date of access: 20.10.2021.
8. Korea – Belarus Trade Promotion Partners Expect Active Support for Bilateral Trade Cooperation and Organizing KOIMA Import Delegation to Belarus [Electronic resource] // Posol'stvo Riesp. Bielarus' v Riesp. Koreja. – Mode of access: <https://korea.mfa.gov.by/uploademb/korea/News%20-New/belkortpp.pdf>. – Date of access: 20.10.2021.
9. Chung-in Moon. International relations studies in South Korea / Chung-in Moon, Taehwan Kim // Journal of East Asian Studies. 2002. – Vol. 2, nr 1. – P. 45–68.
10. Jungmin Seo. The emergence and evolution of International Relations studies in postcolonial South Korea [Electronic resource] / Jungmin Seo, Young Chul Cho // The British International Studies Association. – Mode of access: <https://www.bisa.ac.uk/articles/emergence-and-evolution-international-relations-studies-postcolonial-south-korea>. – Date of access: 20.10.2021.
11. Ihn-hwi Park. Korea's National Interests and Security Conditions in the Age of Globalization / Ihn-hwi Park // The Korean Journal of International Studies. – 2011. – Nr 9-2. – P. 207–231.
12. Nilson-Wright, J. South Korean foreign policy innovation amid Sino – US rivalry. Strategic partnerships and managed ambiguity [Electronic resource] / J. Nilson-Wright, Yu Jie // Chatham House. – Mode of access: <https://www.chathamhouse.org/2021/07/south-korean-foreign-policy-innovation-amid-sino-us-rivalry>. – Date of access: 20.10.2021.
13. Lee Jeonghee. Foreign Policymaking in South Korea [Electronic resource] / Lee Jeonghee // The National Bureau of Asian Research. – Mode of access: <https://www.nbr.org/publication/foreign-policymaking-in-south-korea/>. – Date of access: 20.10.2021.
14. Bocharnikova, M. V. Administracija No Mu Khiona: novyj vzgliad na razvitije al'jansa Riespublika Korieja – SShA v 2003–2008 gg. [Eliكتروнный ресурс] / M. V. Bocharnikova. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/administratsiya-no-mu-hyona-novyy-vzglyad-na-razvitie-alyansa-rk-ssha-v-2003-2008-gg>. – Data dostupa: 20.10.2021.

15. Sodiejstvije rasshirieniju nauchno-tiekhnichieskogo sotrudnichiestva so stranami Vostochnoj Jevropy [Elektronnyj riesurs] // Miniesterstvo obrazovanija, nauki i tiekhnologij Rjespubliki Korieja. – Riezhim dostupa: <https://www.moe.go.kr/boardCnts/filePreView.do?seq=df9c227ed041ee8300f68ea969eb2ce6>. – Data dostupa: 20.10.2021 (na kor. jaz.).

16. Institut nacional'nogo objedinienija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://repositoriu.or.kr/bitstream/2015.oak/8883/1/0001477237.pdf>. – Data dostupa: 20.10.2021 (na kor. jaz.).

17. Zaliesskij, B. Miezhdunarodnyje odnoszenija i media. Vzgliad iz Bielarusi / B. Zaliesskij. – Saarbrucken : Palmarium Academic Publishing, 2014. – 675 s.

18. Shadurskij, V. G. Sotrudnichiestvo Bielarusi so stranami «dal'nej dugi»: dostizhenija i problemi / V. G. Shadurskij // Bielarus' v mienajushchiemsia mirie: istorija i sovriemiennost' : materialy Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 22 fevr. 2019 g. / Bielorus. gos. un-t ; riedkol.: M. E. Chiesnovskij [i dr.]. – Minsk : BGU, 2019. – S. 58–67.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.02.2022

УДК 323.1

Андрей Валерьевич Худяков

канд. полит. наук, гл. специалист Научно-практического центра
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Andrei Khudyakov

Candidate of Political Sciences, Chief Specialist of the Scientific and Practical Center
Problems of Strengthening Law and Order
of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus
e-mail: ternovnik2008@bk.ru

ЦИКЛИЧНОСТЬ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ В НАСЛЕДИИ ФИЛОСОФОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Рассматривается наследие крупнейших мыслителей Древней Греции, заложивших основы циклических концепций изучения процессов в природе и обществе. Проанализировано творческое наследие Анаксимандра, Анаксимена, Аристотеля, Гераклита, Гесиода, Зенона Китийского, Ксенофана, Платона, Полибия, Фалеса, Эмпедокла и пифагорейцев. В рамках простейших циклических концепций древнегреческие мыслители стремились не только объяснить происходящие в природе явления, но и применить свои знания для исследования событий в обществе. Труды Аристотеля, Платона и Полибия представляют собой примеры применения циклических моделей в анализе изменений форм государственного правления в античных государственных образованиях. Линейные модели не получили широкого распространения и были представлены немногочисленными вариациями модели Гераклита.

Ключевые слова: цикл, вечное возвращение, «золотой век», поступательно-циклическое развитие, циклическая концепция, линейная концепция.

Cycle in Nature and Society in the Heritage of the Philosophers of Ancient Greece

The article examines the works of the greatest thinkers of Ancient Greece, who laid the foundations of cyclic methods for studying processes in nature and society. The analysis involves the creative heritage of Anaximander, Anaximenes, Aristotle, Heraclitus, Hesiod, Zeno of Kitia, Xenophanes, Plato, Polybius, Thales, Empedocles and the Pythagoreans. Within the framework of the simplest cyclic concepts, thinkers sought not only to explain the phenomena occurring in nature, but also to apply their knowledge to the study of events in society. The works of Aristotle, Plato and Polybius are examples of the use of cyclic models in the analysis of changes in the forms of government in ancient state formations. Linear models were not widely used and were represented by a few variations of the Heraclitus model.

Key words: cycle, eternal return, golden age, progressive and development cyclical, cyclic concept, linear concept.

Введение

Циклическая интерпретация процессов, происходящих в природе и обществе, является одним из древнейших способов восприятия человеком действительности. Чередование разного рода состояний окружающего мира представляло интерес не только для древних мыслителей, но и мыслителей разных эпох, не исключая современных исследователей. Известно, что периодические повторения событий и явлений являются одной из основ прогнозирования. К настоящему времени в некоторых отраслях социально-гуманитарного знания, таких как философия, история и экономика, проведены исследования, охватывающие теоретические и методологические основы цик-

лической динамики. Между тем возможность применения новейших научных достижений для изучения циклической динамики в политической сфере не привела к появлению исследовательских работ, может быть, за исключением [1–3], в которых анализируются взгляды античных философов на циклические процессы в обществе. Устранение этого пробела в научном осмыслении циклическости позволит установить основные подходы к пониманию циклическости древними мыслителями на примере древнегреческой философии, охарактеризовать основные циклические концепции, применяемые для анализа процессов в обществе.

Цель статьи заключается в том, чтобы произвести реконструкцию основных поло-

жений циклических концепций, сложившихся в философии Древней Греции, и показать их значимость для формирования теоретико-методологических основ циклической теории в политической сфере.

Основная часть

Эмпирический циклизм предполагает описание конкретных событий и явлений, укладываемых в рамки естественных циклов. Его представителями были Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, занимавшиеся натурфилософскими проблемами. Спекулятивный циклизм предполагает интерпретацию событий и явлений, нередко с использованием мистического начала. Его можно встретить в трудах Гесиода, Гераклита, Эмпедокла и др. Циклизм в неспекулятивных формах является системой простейших знаний, выводимых из событий. Его представителями были Аристотель, Платон, Полибий и др.

В Древней Греции в широком понимании циклическая концепция до своего логического завершения была доведена стоиками, но фиксированные основы начала своего формирования она получила у Фалеса. Он заложил основы знаний о циклических процессах на уровне отдельных элементов, характеризующих природу и космос в их проявлениях в отношении к человеку. «Фалес Милетский открыл величайшие вещи: круговорот времен года, ветров дуновения. Движение звезд, громов громахания и планет извилистые пути, Солнца годичные повороты, нарождающейся Луны пребывание, стареющей – убывание, затмевающейся – преграды» [4, с. 112–113].

Интерес к цикличности встречается у Анаксимандра. «Возникновение и развитие мира он считал периодически повторяющимся процессом: через определенные промежутки времени мир снова поглощается окружающим его беспредельным началом» [4, с. 131]. В основе данного процесса ученик Фалеса видел циклическую смену времен года. Анаксимандр считал, что началом всего сущего является бесконечная природа, ею же все и уничтожается.

В философской мысли Античной Греции непрерывное движение традиционно описывалось как непрерывное движение по кругу. Круг, будучи «бесконечным», не имеет ни начала, ни конца. В той форме, в

которой данная идея получила развитие у Анаксимандра, она была новой. В ней изначально содержалось противоречие, послужившее основой для ее дальнейшего развития: «Если движение мира осуществляется через цикл вечно повторяющихся изменений, в таком случае можно утверждать, что всякое “начало” есть в то же время и “конец”; нет абсолютного “начала” и, отсюда, нет и развития» [4, с. 152].

В трудах мыслителя сильно влияние персидских космологических построений: борьбы двух начал (светлого и темного), цикличности характера процесса мироздания.

Анаксимен в отличие от Фалеса первопричину мира видел не в воде, а в воздухе. В своем учении он пошел дальше своих предшественников. Мыслитель сумел объединить воедино переход количественного состояния воздуха в новое качество. Анаксимен полагал, что воздух является движущей силой вечно движения, которое определяет изменение вещей в мире.

Если последователей Фалеса Милетского занимал вопрос о первооснове мира, соотношении единого и многого, то Пифагор в своих рассуждениях пошел дальше. Руководствуясь принципами гармонии и математической строгости, он пришел к выводу, что в основе мира лежит определенная числовая закономерность. Исходя из этого, Пифагор и его последователи и занимались процессом познания. Они обосновали роль числовых законов в регулировании циклов биологического развития.

Тема цикличности нашла отражение и в религиозных воззрениях Пифагора: «Душа бессмертна, но переходит из тела в тело живых существ; далее все происходящее в мире повторяется через определенные промежутки времени, но что нового вообще не происходит» [5, с. 162]. Приведенные свидетельства показывают, что он воспринял идею цикличности, характерную для мировоззрения многих античных мыслителей. Посмертное переселение душ у него являлось только частным случаем цикличности.

Пифагорейцы занимались разработкой теории Вечного возвращения. Они считали, что космос, однажды созданный, неуничтожим. Для учения пифагорейцев о Вечном возвращении характерна особенность: «Существует различие между просто

повторением, как оно есть, и повторением фактически индивидуальных событий, т. е. таким повторением, при котором в абсолютном смысле ничего нового не происходит» [5, с. 281].

В своих учениях последователи Пифагора объединили в единую концепцию идеи о Вечном космосе и Вечном возвращении, что позволило исключить из нее тему мировых катастроф. В дальнейшем тема Вечного возвращения в различных интерпретациях будет встречаться у Аристотеля, Гераклита, Диогена и других мыслителей.

В рамках материалистического объяснения явлений окружающего мира древнегреческий философ Ксенофана сумел сделать важное научное открытие. Из факта нахождения в разных геологических породах окаменелых останков древних представителей морской фауны он пришел к выводу о наличии некоей повторяемости подобного явления в развитии Земли. «Люди погибнут, когда вся земля, погруженная под воду, превратится в грязь; а затем снова начнется рождение (животных из грязи); такова судьба каждого нового Мира», – отмечает мыслитель [4, с. 269].

В легенде о «Пяти веках» Гесиода встречаются положения одной из ранних концепций циклизма. В поэме «Труды и дни» он описал свое видение идеального общества: «Создали Боги, прежде всего, поколение людей золотое. Жили те люди, со спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов. Печальная старость к ним не могла приближаться» [6, с. 90].

Мыслитель детально описывает каждый последующий век: серебряный, медный, героический, железный. Переход между фазами цикла сопровождается пересмотром жизненных ценностей, хаосом. Гесиод так описывает завершение циклического процесса: «Земля, жизнь дающая, растрескалась от огня, вся земля и воды океана кипели, казалось даже, будто Земля и бескрайнее Небо сомкнулись; и такой мощный удар произошел, словно Землю раскололи, а Небо обрушилось на нее» [6, с. 102]. Анализ содержания трактата свидетельствует о влиянии на его автора более ранних источников: индоевропейских о «золотом веке» и вавилонском о конце света.

Гесиод, акцентировав внимание на повторяемости событий, тем не менее, оста-

вил без объяснения содержание механизмов цикличности, что говорит о созерцательном и умозрительном характере его концепции.

Дальнейшее развитие учение Гесиода о цикличности получило у Гераклита. Мыслитель говорит о мире, закономерно угасающем и закономерно возгорающемся. В концовке трактата «О природе» содержится описание данного процесса: «Он состоит из движений, которые называются “путь вниз” и “путь вверх”. Это движение как ход маятника, который двигается между максимумом и минимумом» [7, с. 26].

У Гераклита каждый цикл развития общества заканчивается кризисом: мир периодически возникает, развивается, погибает в мировом пожаре [7, с. 35].

Более определенно по данному поводу высказывался Эмпедокл. В поэме «О природе» он описал модель поступательно-циклического развития общества, в основе которого заложено последовательное чередование двух больших циклов. «Мнится: как были они искони, так и впредь они будут. Будут оба они наполнять несказанное время. Речь моя будет двойной: ибо – то прорастает Единством Многость, то вновь разделяется рост Единства на Многость. Сей непрерывный размен никак не прекратится» [8, с. 185].

В природе поочередно источниками движения выступают две силы: Любовь – воплощение добра и единства, и Раздор – зла и множества. Через единство и борьбу противоположностей Эмпедокл описал динамическое изменение их внутреннего содержания. Новое качество не появляется одновременно: «После того как Раздор отошел в глубочайшие недра Вихря, и стала Любовь средоточием круговращения, в ней сливается все воедино, однако не разом, но постепенно, оттолкнувшись и отсели добровольно сближаясь» [8, с. 188].

В космологии Эмпедокла можно выделить четыре фазы мирового цикла: две – предельные (полное господство Любви или Вражды), две – переходы к ним. Между тем представляется проблематичным включить все стадии в целостную, логически обоснованную картину эволюционного процесса. В критических точках отсутствует какое-либо упорядоченное развитие: в апогее Любви все слито, Вражды – до основания разъединено.

Труды Гераклита, Гесиода и Эмпедокла, основу которых составляли мифы, практически не затрагивали тему властных отношений. Между тем идеи, изложенные в них, послужили основой циклических методов изучения процессов в обществе.

Платону принадлежит попытка наделять самостоятельностью социум и его отдельные сферы, рассмотреть их развитие через призму учения о космическом движении. Философ подробно описывает правильные и попятные круговые движения Вселенной, периодически происходящие природные катастрофы, влияющие на существование всего человечества и судьбы отдельных людей.

Взяв за основу идею Гесиода о том, что при смене эпох у людей происходит ослабление добродетельного начала, он классифицировал формы правления: от аристократии к тирании. Платон полагал, что идеальное правление – аристократическое – имело место в прошлом, «золотом веке» и не могло быть осуществимо в его время. «Рассматривая чередование форм правления по схеме аристократия – тимократия – олигархия – демократия – тирания, он не только констатирует регрессивную линию политического процесса, но и пытается определить его внутренние механизмы. В качестве базового механизма регрессивной цикличности Платон рассматривает нравственную деграцию поколений, сменяющих друг друга, что ведет к появлению неправильных видов правления» [8, с. 36].

Платон полагал, что любой народ проходит через последовательные стадии: появление, развитие, утончение, вершины развития, упадок и гибель. На фоне смены форм государственного правления он отмечал малые циклы, но механизм их повторяемости не обосновал.

На основании наблюдений за природными процессами в диалоге «Государство» философ подошел к определению цикла. «Однако всему, что возникает, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означает это следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, – на души и тела, всякий раз, как круговращение приводит к завершению определенного цик-

ла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных – наоборот» [9, с. 272].

В учении Платона о цикличности, с одной стороны, прослеживается влияние идей более ранних античных мыслителей; с другой стороны, он, несомненно, создал концепцию, которая отличается от предыдущих учений. Развитие идей Платона происходило под влиянием учений Гесиода, Гераклита, Эмпедокла. Философ, во многом разделяя взгляды своих предшественников, стремился объяснить причины цикличности, в то время как досократики ограничивались разработкой теорий, призванных объяснить процесс зарождения Вселенной и движения планет.

В тексте космологического трактата «Тимей» Платона встречаются темы, сходные с теми, которые содержатся в текстах Гераклита. «Учение о Великом Годе, связанное с цикличностью, характерной для досократиков, соединено в «Тимее» с учением Гераклита о гибели людей вследствие природных катастроф. В «Государстве», «Политике», «Законах», где Платоном тщательно обсуждается тема государственного и космического устройства, присутствуют представления о «золотом веке», впервые описанные Гесиодом» [10, с. 14].

Темой цикличности пронизаны труды Аристотеля. Рассуждения о цикле, постоянном повторении и кругообороте, встречаются во многих его трактатах. В «Метеорологии» он описывает девкалионовый потоп, после которого получил дальнейшее развитие кругооборот моря и суши, влажности и сухости. «На всей Земле моря и суша не остаются сами собою, но со временем одно превращается в другое» [11, с. 474]. В этом трактате слышны отголоски шумерского мифа Утнапиштира о всемирном потопе.

Тема цикличности встречается и в трактате «Политика»: «Не остался бы неизвестным такой порядок, если бы он был прекрасным. Ведь чуть ли не все уже давным-давно придумано» [12, с. 412].

В трактате «О возникновении и уничтожении» Аристотель рассматривая проблемы общефилософского плана, определил, что в природе процессы возникновения и уничтожения носят непрерывный и циклический характер. «Бог завершил мировое целое тем способом, который оставался: он сделал возникновение безостановочным.

Всякий раз, когда из воды возникает воздух, из воздуха – огонь, а из огня – снова вода, мы говорим, что возникновение совершило свой круг, потому что вернулось к исходной точке. Поэтому прямолинейное перемещение, подражающее круговому, также непрерывно» [11, с. 436].

Взяв за основу циклическую методологию, Аристотель описал и обосновал механизм чередования форм правления. «Отклонение от монархии дает тиранию, отклонение от аристократии – олигархию, отклонение от политики – демократию, отклонение от демократии – охлократию» [12, с. 398]. Причину чередования политических форм мыслитель видел в изменении в социальной структуре общества числа богатых и бедных.

Аристотель и Платон были первыми мыслителями, кто применил к процессу изучения форм правления циклические концепции. Между тем их концепции в целом развивались в русле античных представлений о Вечном круговороте.

В Древней Греции наряду с платонической концепцией существовала еще одна влиятельная концепция вечного возвращения – стоическая. Основное ее содержание сводится к следующему: «Космос представляет собой неразрывное единство. Он прекрасен, не имеет ни начала, ни конца, но циклическую последовательность. Цепь причинностей в конечном счете приводит ко всеобщему пожару мира, дающему одновременно начало новому циклу. Каждый цикл абсолютно идентичен всем прочим» [13, с. 11].

Стойки разные по содержанию исторические эпохи рассматривали как идентичные: от деталей и подробностей до конкретных личностей и индивидуальных судеб людей. Зенон Китийский учил о полной повторяемости мировых процессов и тождестве миров, сменяющих друг друга: «После воспламенения те же самые люди возникнут для того же самого» [13, с. 75]. Философ полагал: «Поскольку все повторится вновь, то вновь будут обвинять Сократа, вновь Геракл свершит свои подвиги, а Бусирис – свои преступления» [13, с. 78]. Свое учение о цикличности мировых процессов он противопоставлял мнению о вечности и неизменности мира, которое восходило еще к Аристотелю.

Подобное представление о циклах сохранялось на протяжении всей истории данной философской школы.

В трудах Полибия просматривается стремление понять причинно-следственную связь в смене государственных феноменов в контексте упорядоченности во времени. Формирование событийного рисунка он рассматривал как результат действия совокупной воли людей, а не фатума. Гармоничное сочетание усилий множества людей и неизбежных влияний Рока определяют логику формирования политических режимов и хода исторических событий. Значительное внимание он уделил детерминантам исторической событийности, что ставит его в один ряд с Фукидидом.

Полибий, опираясь на циклические концепции развития общества Платона, Аристотеля и Гесиода, разработал свое учение о смешанной форме правления. Три формы государственной власти: царскую власть, аристократию и демократию – историк дополнил тремя испорченными вариантами: тиранией, олигархией и охлократией. Признаки, которые отличают эти две группы, находятся в морально-этической плоскости, а не социальной.

Сменяя друг друга, формы государственной власти образуют следующий цикл: царская власть – тирания – аристократия – олигархия – демократия – охлократия. С возникновением охлократии между лидерами разворачивается борьба за неограниченную власть, результатом которой является установление монархического правления и замыкание цикла.

Полибий полагал, что неиспорченные формы государственной власти несут в себе элементы распада. Внутреннее развитие каждой формы проходит следующие стадии: зарождение, возрастание, расцвет, изменение, завершение.

Наилучшей формой государственной власти историк считал объединение царской власти, аристократии и демократии. Подобный подход обеспечивает взаимный контроль этих составляющих власти, не позволяет им развиваться сверх меры, а также дает возможность освободиться от законов цикла и обрести стабильность.

В трудах Полибия цикличность форм государственной власти является доминантной. В этом убеждают слова мыслителя:

«Таков круговорот государственного общежития, порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются» [14, с. 150]. Противоречивость же политической теории Полибия заключается в том, что его представление об устойчивости смешанной формы государственной власти не соответствовало глубокому кризису в современной ему Римской империи, которую мыслитель относил к смешанной политике.

Заключение

Таким образом, циклическая интерпретация процессов, происходящих в природе и обществе, является одним из древних способов восприятия человеком окружающей действительности. Изначальные представления античных философов о циклических процессах развивались в рамках мифологического сознания с дальнейшей его рационализацией и появлением натурфилософских концепций.

Возрастание интереса к циклическим процессам происходило при прохождении государственными образованиями в своем развитии переломных этапов, когда появлялась необходимость в формировании методологической опоры для выработки мер по преодолению неопределенностей и прогнозирования дальнейшего развития.

На ранних этапах в циклических концепциях просматривается четкая взаимосвязь общественно-политических процессов и природных циклов. В дальнейшем произойдет отход от подобной практики. Построение циклических концепций, описывающих политические процессы, будет происходить в контексте исторической событийности.

Формирование циклической парадигмы в трудах древнегреческих философов шло в русле космологических представлений о «вечном круговороте» и нашло воплощение в модели в форме «круг генезиса и трагического упадка».

Циклическая интерпретация природных и общественно-политических процессов, нашла отражение и в трудах отдельных мыслителей и ряда философских школ. При доминировании циклических воззрений для античных авторов были характерны и линейные мотивы. Они не сформировались в целостные концепции, а были представлены как оценочные суждения о прошлых или будущих событиях.

Разделение мыслителей Древней Греции на приверженцев циклической и линейной концепции является условным, потому что в их трудах одновременно могли присутствовать элементы каждой из них.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунский, Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти / Д. В. Драгунский // Полис. – 1992. – № 1. – С. 17–22.
2. Логинов, А. В. Концепции политического цикла: методология их изучения и научного применения : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / А. В. Логинов. – Саратов, 2015. – 382 л.
3. Розов, Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? / Н. С. Розов // Полис. – 2006. – № 2. – С. 8–28.
4. Фрагменты ранних греческих философов : перевод : в 2 ч. / изд. подгот. А. В. Лебедев. – М. : Наука, 1989. – Ч. 1 : От эпических неокосмогоний до возникновения атомистики. – 576 с.
5. Guthrie, W. A. History of Greek philosophy : in 7 vols. / W. A. Guthrie. – New York : Cambridge Univ. Press, 1962. – Vol. 1 : The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. – 539 p.
6. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. – М. : Лабиринт, 2001. – 254 с.
7. Гераклит Эфесский. Фрагменты / Гераклит Ефесский ; пер. В. Нилендера. – М. : Мусагет, 1910. – VIII, 88 с.
8. Эллинические поэты VIII–III веков до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Ладомир, 1999. – 515 с.
9. Платон. Государство / Платон ; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2015. – 397 с.
10. Грановская, М. В. Космология Платона : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / М. В. Грановская ; Моск. гос. унт-т. – М., 2008. – 21 с.

11. Аристотель. О возникновении и уничтожении / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 379–440.
12. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–644.
13. Эпиктет. Беседы / Эпиктет ; пер. с древнегреч. и прим. Г. А. Тароняна. – М. : Ладомир, 1997. – 312 с.
14. Полибий. Всеобщая история : в 3 т. / Полибий ; пер. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисл., примеч., указ., картами ; отв. ред., авт. вступ. ст. А. Я. Тыжов. – СПб. : Наука : Ювента, 1994–1995. – Т. 2 (кн. VI–XXV). – 420 с.

REFERENCES

1. Dragunskij, D. V. Dlinnyje volny istorii i dinamika politichieskoj vlasti / D. V. Dragunskij // Polis. – 1992. – № 1. – S. 17–22.
2. Loginov, A. V. Konceptii politichieskogo cikla: mietodologija ikh izuchienija i nauchnogo primienienija : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.01 / A.V. Loginov. – Saratov, 2015. – 382 l.
3. Rozov, N. S. Ciklichnost' rossijskoj politichieskoj istorii kak boliezn': vozmozhno li vyzdovrovljenije? / N. S. Rozov // Polis. – 2006. – № 2. – S. 8–28.
4. Fragmienty rannikh griechieskikh filosofov : pierievod : v 2 ch. / izd. podgot. A. V. Liebiediev. – M. : Nauka, 1989. – Ch. 1 : Ot epichieskirh nieokosmogonij do vzniknovienija atomistiki. – 576 s.
5. Guthrie, W. A. History of Greek philosophy : in 7 vols. / W. A. Guthrie. – New York : Cambridge Univ. Press, 1962. – Vol. 1 : The Earlier Presocratics and the Pythagoreans. – 539 p.
6. Giesiod. Polnoje sobranije tiekstov / Giesiod. – M. : Labirint, 2001. – 254 s.
7. Gieraklit Efiesskij. Fragmienty / Gieraklit Efiesskij ; pier. V. Nilendera. – M. : Musagiet, 1910. – VIII, 88 s.
8. Ellinskije poety VIII–III vekov do n. e. Epos. Eliegija. Jamby. Mielika / Otv. ried. M. L. Gasparov. – M. : Ladomir, 1999. – 515 s.
9. Platon. Gosudarstvo / Platon ; pier. s drevniegriech. A. N. Yegunova. – 2-e izd. – M. : Akadem. projekt, 2015. – 397 s.
10. Granovskaja, M. V. Kosmologija Platona : avtorief. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.03 / M. V. Granovskaja ; Mosk. gos. unt-t. – M., 2008. – 21 s.
11. Aristotiel'. O vzniknovienii i unichtozhenii / Aristotiel' // Soch. : v 4 t. – M. : Mysl', 1981. – Т. 3. – S. 379–440.
12. Aristotiel'. Politika / Aristotiel' // Soch. : v 4 t. – M. : Mysl', 1984. – Т. 4. – S. 375–644.
13. Epiktiet. Biesiedy / Epiktiet ; pier. s drevniegriech. i prim. G. A. Taronjana. – M. : Ladomir, 1997. – 312 s.
14. Polibij. Vsieobshchaja istorija : v 3 t. / pier. s griech. F. G. Mishchienko s jego priedisl., primiech., ukaz., kartami ; отв. ried., avt. vstup. st. A. Ya. Tyzhov. – SPb. : Nauka : Juvienta, 1994–1995. – Т. 2 (кн. VI–XXV). – 420 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.01.2022

УДК: 328.182

Павел Васильевич Юсупов

аспірант 1-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного университета

Pavel Yusupov

Post-Graduate Student of the 1th Year of Study of Department of Political Science
of the Belarusian State University
e-mail: usic.lapusic@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МЕТОДОВ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ США)

Соединенные Штаты Америки являются родиной такого понятия, как лоббизм, из которого развились различные модели взаимодействия государства и бизнеса. Критическое изучение развития, законодательного регулирования и методов лоббизма в США дает возможность понять опыт построения системы взаимодействия государства и бизнеса, выявлять одностороннее влияние корпоративных групп на политику, выстраивать эффективную практику государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: лоббизм, взаимодействие государства и бизнеса, корпоративные интересы, бизнес, группы интересов, влияние на государственную политику.

Establishment of Legal Regulation and Methods of Lobbying (Critical Analysis on the Example of the United States of America)

The United States of America is the birthplace of such a concept as lobbying, from which various models of interaction between the state and business later developed. Studying the development, legislative regulation and methods of lobbying in the United States makes it possible to avoid many mistakes in building a system of interaction between the state and business, avoid the unilateral influence of corporate groups on politics and build an effective practice of public-private partnership.

Key words: lobbying, interaction between the state and business, corporate interests, business, interest groups, influence on public policy.

Введение

Динамика развития бизнеса в условиях рыночной экономики заставляет многие компании бороться между собой за принятие выгодных им решений. В связи с этим деятельность лоббистов получает широкий размах в либерально-капиталистических экономиках. Лоббизм играет важную роль в современных Соединенных Штатах Америки. Лоббизм связан и со злоупотреблениями во взаимодействии бизнеса и власти. США ежегодно сотрясают коррупционные скандалы (можно привести пример скандала вокруг лоббиста и бывшего советника Президента США Пола Манафорта, обвиненного в отмывании денег в 2017 г.). Крайне важно формировать законодательство, чтобы исключить смешение лоббизма и коррупции.

Научный руководитель – Нина Арсеньевна Антанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного университета

Начало лоббизму было положено с принятием 15 декабря 1791 г. американского Билля о правах, который давал право обращаться с петициями к законодателю, и как следствие, воздействовать на власть. Непосредственное начало регламентации лоббизма можно отсчитывать с 1852 г., когда Палата представителей приняла резолюцию о запрете допуска в помещение Конгресса нанятых для влияния агентов. В 1876 г. была принята новая резолюция, согласно которой на нанятых агентов ложилась обязанность сообщать клерку Палаты представителей Конгресса имена и полномочия нанятого лоббиста.

В условиях капитализма и высоко конкурентной рыночной экономики бизнес стремится защищать свои интересы от вмешательства государства. В таких условиях лоббизм развит во множестве сфер. На этом фоне государственное регулирование необходимо в вопросах образования, медицины, промышленности, однако и в этих сферах

есть прямые интересы бизнес-структур. Бизнес заинтересован в наименьшем государственном вмешательстве и выгодных для себя правилах игры. Для оказания давления на органы государственной власти и используются лоббисты.

Целью статьи является критический анализ опыта нормативного регулирования лоббизма и методов лоббистской деятельности в США.

Основная часть

Первые попытки регулирования лоббистской деятельности на федеральном уровне предпринимались в 1852 и 1876 гг. резолюциями Палаты представителей. Но о законодательном регулировании речь зашла лишь в начале XX в.: в 1913 г. «чрезмерные старания» лоббистов в борьбе с проектом тарифов Андервуда (Revenue Act of 1913) вызвали реакцию президента США В. Вильсона, что в итоге выразилось в резолюции Сената, призывающей к расследованию лоббирования. В результате тарифы для промышленности были снижены, но подоходный налог был повышен [1, с. 30]. Частично затронули деятельность лоббистов в США Закон о компаниях коммунального обслуживания (Public Utilities Holding Company Act) 1935 г. [2] и Закон о морской торговле (Merchant Marine Act) 1936 г. [3]. Первый устанавливал, что все лоббисты холдинговых компаний, оказывающие влияние на Конгресс, Комиссию по ценным бумагам, Федеральную комиссию по энергетике США, должны пройти процедуру регистрации и отчитываться в Комиссии по ценным бумагам. Второй акт обязывал судостроительные верфи, рассчитывающие на государственное финансирование, указывать свои доходы, расходы и интересы. И этот случай был связан со скандалом по поводу влияния на распределение субсидий.

Активная деятельность лоббистов иностранных государств (иностраных агентов) и их влияние на политику США повлекли за собой принятие в 1938 г. Закона о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act). Закон определял иностранного агента как «любое лицо, действующее в качестве лоббиста, представителя или защитника интересов иностранного принципала или любой оте-

чественной организации, финансируемой иностранным принципалом» [4].

Закон о регулировании лоббистской деятельности 1946 г. (Federal Regulation of Lobbying Act) установил государственное регулирование лоббистской деятельности в целом [1, с. 32]. Закон определял, кто должен проходить регистрацию: «Нанимаются за плату или иное вознаграждение для оказания влияния на принятие или отклонение любого законопроекта Конгрессом США». Каждый лоббист предоставлял информацию о нанимателе, защищаемых интересах, вознаграждении и расходах на лоббирование. Лоббисты ежеквартально отчитывались о том, «за» или «против» каких законопроектов они выступали. Тем не менее закон не содержал внятного механизма применения, т. к. фактическая обязанность следить за соблюдением закона ни на кого не возлагалась. Закон был сложным и непрозрачным, в связи с этим возникали проблемы с его применением (примером являются: дело «США против Харриса»; дело «Национальная ассоциация промышленников против Макграса»). В первые 20 лет существования закона его конституционность ставилась под сомнение.

В 1953 г. судьи Верховного суда США поставили вопрос о соответствии акта Конституции (в связи с вышеупомянутыми делами). Вопросы у судей вызывали разделы 305, 307 и 308 в связи с расплывчатостью формулировок; нарушением гарантированного первой поправкой Конституции права на обращение с петициями (раздел 310 b). Судьи проголосовали 5 против 3 за сохранение закона в силе, но было принято решение усовершенствовать акт таким образом, чтобы не возникало вопросов о его конституционности. Были внесены изменения. Для разъяснения раздела 307 регламентировались признаки лица, подпадающего под его действие:

1) лицо просит, получает или собирает взносы;

2) одной из основных целей лица, либо его жертвователя должно являться влияние на Конгресс;

3) для этой цели должны применяться методы прямого обращения к конгрессменам [4].

Изменения нанесли серьезный удар по закону: появились нормы регулирования

прямого лоббизма, без внимания остались косвенные формы лоббизма.

Ситуацию удалось изменить в 1995 г. с принятием Закона «О раскрытии лоббистской деятельности» (Lobbying Disclosure Act) [4, с. 163]. Закон раскрывал понятие «лоббист». Под ним понималось «лицо, которое имеет намерения оказывать влияние на Конгресс, сотрудников Конгресса и чиновников, представляющих исполнительную власть и занимающихся вопросами нормативного регулирования, включая Президента и высших чиновников Белого дома, глав органов исполнительной власти, их заместителей и помощников» [4, с. 163] (сфера понятия значительно расширилась по отношению к акту 1946 г.). К лоббистам относились те, кто заключил хотя бы один контракт в защиту чьих-то интересов и чье вознаграждение по лоббированию превышало 20 % от оплачиваемого времени работы за период трех месяцев. По сути закон подразумевал под лоббизмом устное или письменное общение лица, представляющего интересы (лоббиста), с чиновниками с целью влияния на принятие тех или иных решений [5, с. 290].

Правила регистрации отдельных консультантов отличаются от правил регистрации компаний, осуществляющих лоббистскую деятельность. Отдельный консультант должен осуществлять данную процедуру по отношению к каждому новому клиенту, в то время как компании регистрируются однократно. Вводились ограничения на подарки конгрессменам и другим представителям законодательной власти. Так, сумма подар-

ка не могла превышать \$50. Лоббистам запрещалось оплачивать поездки конгрессменов, если только таковые не являются рабочими [4, с. 164].

Регулируются и связанные с лоббизмом аспекты. В 2007 г. был принят Закон об открытом ведении дел и об открытом правительстве (Honest Leadership and Open Government Act), который установил запрет для ряда госслужащих заниматься лоббизмом в течение двух лет после увольнения со службы, ввел новые правила выделения пожертвований и более подробно регламентировал ответственность [4, с. 164].

Опираясь на данные исследований Открытого центра за ответственную политику (крупнейшая в США организация, осуществляющая анализ лоббистской деятельности), можно констатировать, что с 1998 по 2008 г. наблюдался рост трат на лоббирование в США с \$1,45 млрд в 1998 г. до \$3,5 млрд в 2010 г. Период с 2010 по 2016 г. характеризовался стабилизацией и спадом уровня трат до \$3,16 млрд. С 2017 г. траты на лоббирование росли и в 2021 г. составили рекордные \$3,73 млрд. С учетом инфляции данный показатель является рекордным за последние 10 лет. При этом в период с 1998 по 2007 г. число лоббистов выросло с 10 404 до 14 826. С 2008 до 2016 г. наблюдалось снижение общего числа лоббистов. На 2021 г. число активных лоббистов составило 12 136 человека (таблица 1) [6]. Наибольшая доля трат приходится на долю корпораций, или отраслевых ассоциаций (таблица 2) [6].

Таблица 1. – Динамика изменения затрат на лоббирование и количества лоббистов

Год	Общие затраты, \$млрд	Число лоббистов, человек
2017	3,38	11,555
2018	3,46	11,648
2019	3,51	11,891
2020	3,53	11,533
2021	3,73	12,136

Таблица 2. – Крупнейшие клиенты лоббистских компаний

Клиент	Сумма вложенных средств, \$млн
Торгово-промышленная палата США	66,390,000
Национальная ассоциация риелторов	44,004,025
Ассоциация фармацевтических производителей США	30,377,000
Круглый стол бизнеса	29,120,000
Ассоциация Голубого Креста и Щита	25,176,306

Окончание таблицы 2

Ассоциация американских госпиталей	25,130,934
Мета	20,070,000
Американская медицинская ассоциация	19,490,000
Амазон	19,390,000
Американский химический совет	16,640,000

В редких случаях корпорации не прибегают к найму профессиональных лоббистов, а осуществляют лоббистскую деятельность самостоятельно, но чаще они обращаются к профессиональным лоббистам (лоббистским фирмам), таким как Браунштейн, Хаятт (доход в 2021 г. – \$55,640,000), Акин, Гамп (доход – \$53,320,000), Краеугольный камень взаимодействия с правительством (доход – \$34,380,000). Лоббисты в США могут действовать индивидуально, в составе лоббистских компаний и как отделы юридических фирм. Существует также тенденция поглощения некоторых лоббистских фирм рекламными концернами [7].

Лоббистская деятельность осуществляется в тех отраслях, где присутствуют значимые интересы бизнеса. Наибольшие суммы заключенных контрактов были в таких сферах, как здравоохранение; финансы, страхование, недвижимость; сложносоставной бизнес; коммуникации, электроника [6; 8]. Стоит заметить, что лоббисты осуществляют лоббирование и в собственных интересах, зачастую не получая за это платы. Наиболее дорогим контрактом с лоббистскими фирмами стал контракт компании Qualcomm Inc.

Таким образом, компании и ассоциации тратят на лоббизм огромные средства. Лидируют сферы здравоохранения, финансов, страхования и недвижимости, коммуникаций, электроники, транспорта [6].

В ходе длительного развития лоббизма в США развивались и его методы. До середины XX в. лоббисты действовали довольно грубо, вплоть до коррупции. Изначально наиболее распространенным методом влияния был подкуп. В начале своего существования подкупом решалось довольно много вопросов. Доходило до того, что сенаторы просили заинтересованных лиц выплатить им их гонорар в обмен на решение тех или иных вопросов. Иногда подкуп принимал характер игры на слабостях человека и дальнейшего шантажа. К примеру, приобрел известность случай, когда сенато-

ры, задолжавшие за карточным столом, «отрабатывали» свой долг, оказывая влияние на принятие тех или иных решений [9, с. 54]. Получил распространение метод «лоббирования за ужином»: человек, проводя время за хорошим столом, не настроен спорить или торговаться. Он более расположен к собеседнику, который к тому же еще скорее всего и платит за еду (метод применяется до сих пор).

Во второй половине XX в. лоббистские методы совершенствовались: все большее предпочтение отдается не личным встречам с представителями власти, а написанию писем, петиций. Лоббисты, объединяясь в группы, глубоко прорабатывали стратегию влияния. В это время в качестве лоббистов начинают действовать директора корпораций, но под контролем профессиональных лоббистов из Вашингтона. Активно вело себя и иностранное лобби. За счет усложнения экономических связей все чаще пересекались интересы различных групп, вовлеченных в экономические цепочки поставок, производства, продажи [10, с. 72].

Некоторые ученые считают, что лоббизмом в наше время стоит считать именно корпоративный лоббизм (поскольку все остальные группы малозначительны) [11, с. 77]. По нашему мнению, нельзя исключать из понятия лоббизма иностранные национальные лобби, а также общественное мнение в целом.

В 1970–80-е гг. в банковском лоббизме появляется такой прием, как «добавление в Билль» на последних минутах принятия дополнительного ассигнования, называемого «Клеймо» (earmark), или метод «заклейменных ассигнований» [11, с. 77]. Это позволяет конгрессменам направлять финансовые средства на решение частных вопросов, выполнение избирательных обещаний и др. Лоббисты в данном случае указывают конгрессменам, что именно стоит финансировать. Есть также метод «лоббирования исключений» (carve-outs) [11, с. 77; 12, с. 24].

Лоббирование исполнительной и судебной власти в США распространено меньше. В Госдепартаменте лоббируют свои интересы как американские компании, стремящиеся работать в других странах, так и иностранные лоббисты. Лоббирование судебной власти распространено в штатах, где судьи избираются населением. Имеет место оно и при вынесении судебных решений и постановлений. Как пример – давление лоббистов на судей Верховного суда в 1953 г. при рассмотрении вопроса о соответствии Конституции Закона о регулировании лоббистской деятельности 1946 г. [11, с. 78].

Особую роль играет метод финансирования избирательных кампаний. Он применяется крупными корпорациями и ассоциациями бизнеса. Для целей финансирования избирательных кампаний многими корпорациями создаются «комитеты политических действий». В среднем общая сумма пожертвований в избирательных фондах составляет \$500 млн. В силу высокой политизированности американского общества скорость мобилизации общественного мнения весьма высока (на это даже не нужно затрачивать денежные средства). Также существует проблема возврата денежных трат: при проигрыше политика вместе с ним проигрывают и заинтересованные группы [11, с. 78; 13, с. 73].

Однако более эффективным для лоббистов является нахождение с политиком общих интересов, целей, связей. Связи могут быть разного рода: географические, профессиональные, идеологические и др. Многие государственные служащие по окончании службы уходят в лоббистские фирмы (revolving door). Они используют свои личные связи с бывшими коллегами, знание работы органа. Лоббисты также стремятся действовать по принципу минимакса, находя минимально необходимое число ключевых фигур для принятия решения. В свою очередь, эти ключевые фигуры убеждают других конгрессменов проголосовать за проект. Этот метод называют внутрипарламентским лоббизмом (member-to-member lobbying) [11, с. 79; 14, с. 79].

Всем вышеописанным методам внутреннего лоббизма противопоставляются методы внешнего лоббирования, или грассрутс-лоббирование. Методы внешнего лоббирования апеллируют к общественному мнени-

нию в США, точнее раздельности во мнениях по разным вопросам. Демократическая и Республиканская партии разнятся по электорату и позициям. При голосовании в Конгрессе многие позиции становятся для партий принципиальными, а от победы позиции той или иной партии зависит дальнейшая поддержка. Грассрутс-методы опираются на ответственность политиков перед электоратом: политикам ясно дают понять, что возможность их переизбрания прямо зависит от общественного мнения, которым лоббисты хорошо манипулируют. Для манипулирования общественным мнением они используют профсоюзы, общественные организации, которые разом могут поднять большие массы населения (такие как профсоюз работников грузового транспорта, учителей и др.). При этом лоббисты вызывают к чувствам избирателей, патриотизму. Грассрутс-лоббизм достаточно молод и на федеральном уровне не регулируется, но регулируется на уровне 36 штатов. Методу «грассрутс» противостоит «астротурф», который применяют при больших финансовых вливаниях и малой общественной поддержке (поддержка имитируется). Применяется корпорациями, которые слабо поддерживаются обществом, но имеют солидные денежные средства [11, с. 81].

Важно обозначать взаимную заинтересованность политика и группы интересов, т. к. это позволит добиться наибольшей эффективности решений. Методы внутреннего лоббирования дорогостоящи (финансирование избирательных кампаний) и применяются корпорациями либо крупными ассоциациями. Порядок применения методов следующий: 1) используют методы внутреннего лоббирования; 2) если внутреннее лоббирование не дало результатов, применяются грассрутс-лоббирование и «астротурф».

Таким образом, в США до середины XIX в. отсутствовало какое-либо регулирование деятельности лоббистов. В то время в ход шли всевозможные методы, в т. ч. преступного характера. Резолюции Палаты представителей 1852 и 1876 гг. положили начало нормативному регулированию лоббизма. Нормативное регулирование лоббизма в США проходило на почве коррупционных скандалов и судебных процессов. Актами, действительно ограничившими лоббистов, стали Закон о компаниях комму-

нального обслуживания 1935 г. и Закон о морской торговле 1936 г., но они являлись узкоспециализированными и ограничивали лоббистов лишь в сферах своего действия. Принятие в 1938 г. Закона о регистрации иностранных агентов помогло снизить давление агентов иностранных государств. Прорывом стало принятие в 1946 г. Закона о регулировании лоббистской деятельности. Закон закреплял понятия лоббиста и лоббистской деятельности, процедуру регистрации. Тем не менее он был сложен и плох в применении. Толкование данного закона Верховным судом уточнило его, но сузило круг его действия, что сделало закон недостаточным. Ситуацию удалось изменить в 1995 г. с принятием закона «О раскрытии лоббистской деятельности», который ввел точные критерии лоббизма, требования к регистрации, требования к нанимателям лоббистов и др.

Отметим, что самой дотируемой сферой стало здравоохранение. В связи с пандемией COVID-19 вопросы медицинского страхования, фармакологии активно обсуждаются в Конгрессе, а вместе тем растут цифры лоббистских контрактов в этой сфере. При этом лоббисты не всегда работают за деньги, отстаивая свои личные интересы.

Заключение

Изначально методы лоббистов применялись на грани с коррупцией и шантажом. Коренной поворот происходит в середине XX в. Подкуп был популярен, а шантаж долгами стал малоэффективен. Лоббирование

«за ужином» применяется до сих пор. Современные методы лоббистской деятельности сформировались во второй половине XX в. Лоббисты переходят от устного общения к написанию писем и петиций. Лоббисты стараются найти взаимные интересы с политиками, а не заставить их работать «силой». Развиваются методы бюджетного лоббирования, корпоративный лоббизм.

Многие методы внутреннего лоббирования требуют больших финансовых вливаний (финансирование избирательных кампаний и др.). Методы внешнего лоббизма, такие как «грассрутс» и «астротурф» пользуются общественным мнением для давления на конгрессменов. «Астротурф» имитирует реальное общественное мнение, но требует для этого больших затрат.

Развиваясь в США, лоббизм приобрел черты и характеристики, свойственные данной политической системе. Считаем, что для Республики Беларусь большей перспективностью обладают методы организации отношений бизнеса с органами государственной власти (GR).

Лоббизм, в отличие от организации отношений бизнеса с органами государственной власти, предусматривает получение выгоды только одной стороной без учета интересов другой. Компромисс в условиях применения лоббизма возможен лишь как побочный результат, что не способствует построению эффективной системы государственно-частного партнерства, основным принципом которого является учет взаимных интересов общества и бизнеса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фалькина, Т. Ю. К вопросу об истории правовой институционализации лоббизма в США / Т. Ю. Фалькина, И. О. Агапов // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 29–35.
2. United States Code: Merchant Marine Act, 1936, 46 U.S.C. § 1241a (Suppl. 1 1970) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/item/uscode1970-016046027/>. – Date of access: 02.04.2022.
3. United States Code: Monopolies and Combinations in Restraint of Trade, 15 U.S.C. §§ 1-21a (Suppl. 3 1934) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/item/uscode1934-004015001/>. – Date of access: 02.04.2022.
4. Кремьянская, Е. А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах Америки и Канаде / Е. А. Кремьянская // Вестн. МГИМО-Ун-та. – 2014. – № 2 (35). – С. 161–168.
5. Сергунин, А. А. Особенности современного предпринимательского лоббизма в США / А. А. Сергунин // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2008. – № 29 (65). – С. 289–292.
6. Opensecrets.org Centerfor Responsive Politics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.opensecrets.org/lobby/index.php>. – Date of access: 02.04.2022.

7. Corporate lobbying is a very exclusive club [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/blogs/ezra-klein/post/corporate-lobbying-is-a-very-exclusive-club/-2011/11/08/gIQAPLln0M_blog.html?utm_term=.ee5e0b597bd1. – Date of access: 02.04.2022.
8. Where Have All the Lobbyists Gone? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thenation.com/article/shadow-lobbying-complex/>. – Date of access: 02.04.2022.
9. Галстян, А. С. Особенности регулирования лоббизма на региональном уровне в США / А. С. Галстян // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2015. – № 1. – С. 54–57.
10. Белоусов, А. Б. Современная практика лоббизма в США / А. Б. Белоусов // Науч. ежегод. Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. – 2013. – Т. 13, № 2. – С. 69–86.
11. Руденкин, В. Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США / В. Н. Руденкин // Вестн. Урал. ин-та экономики, управления и права. – 2008. – № 4 (5). – С. 76–92.
12. Сучкова, А. А. Лоббизм: основные подходы к пониманию [Электронный ресурс] / А. А. Сучкова // Изв. ТулГУ. Гуманитар. науки. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-osnovnye-podhody-k-ponimaniyu>. – Дата доступа: 02.04.2022.
13. Демидова, Е. Н. Лоббизм как механизм политической коррупции [Электронный ресурс] / Е. Н. Демидова, А. Ю. Мохорова // Евраз. интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 2 (32). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-kak-mehanizm-politicheskoy-korrupsii>. – Дата доступа 02.04.2022.
14. Бекмурадов, К. А. Лоббизм как основной фактор воздействия на процесс развития парламентских согласительных процедур [Электронный ресурс] / К. А. Бекмурадов // Актуал. проблемы рос. права. – 2019. – № 8 (105). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-kak-osnovnoy-faktor-vozdeystviya-na-protsess-razvitiya-parlamentskih-soglasitelnyh-protsedur>. – Дата доступа 02.04.2022.

REFERENCES

1. Fal'kina, T. Yu. K voprosu ob istorii pravovoj institucionalizacii lobbizma v SShA / T. Yu. Fal'kina, I. O. Agapov // Viestn. Ural. jurid. in-ta MVD Rossii. – 2015. – № 1. – S. 29–35.
2. United States Code: Merchant Marine Act, 1936, 46 U.S.C. § 1241a (Suppl. 1 1970) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/item/uscode1970-016046027/>. – Date of access: 02.04.2022.
3. United States Code: Monopolies and Combinations in Restraint of Trade, 15 U.S.C. §§ 1-21a (Suppl. 3 1934) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.loc.gov/item/uscode1934-004015001/>. – Date of access: 02.04.2022.
4. Kriemianskaja, Ye. A. Pravovyje aspekty riegulirovanija lobbizma v Sojedinionnykh Shtatakh Amieriki i Kanadie / Ye. A. Kriemianskaja // Viestn. MGIMO-Un-ta. – 2014. – № 2 (35). – S. 161–168.
5. Siergunin, A. A. Osobiennosti sovremennogo priedprinimatel'skogo lobbizma v SShA / A. A. Siergunin // Izv. Ros. gos. pied. un-ta im. A. I. Giercena. – 2008. – № 29 (65). – S. 289–292.
6. Opensecrets.org Centerfor Responsive Politics [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.opensecrets.org/lobby/index.php>. – Date of access: 02.04.2022.
7. Corporate lobbying is a very exclusive club [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/blogs/ezra-klein/post/corporate-lobbying-is-a-very-exclusive-club/-2011/11/08/gIQAPLln0M_blog.html?utm_term=.ee5e0b597bd1. – Date of access: 02.04.2022.
8. Where Have All the Lobbyists Gone? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thenation.com/article/shadow-lobbying-complex/>. – Date of access: 02.04.2022.
9. Galstian, A. S. Osobiennosti riegulirovanija lobbizma na riegional'nom urovnie v SShA / A. S. Galstian // Viestn. Tom. gos. un-ta. Istorija. – 2015. – № 1. – S. 54–57.
10. Bielousov, A. B. Sovremennaja praktika lobbizma v SShA / A. B. Bielousov // Nauch. jezhegod. In-ta filosofii i prava Ural. otd-nija RAN. – 2013. – Т. 13, № 2. – S. 69–86.
11. Rudienkin, V. N. Lobbizm, gruppy intieriesov i korrupcija v SShA / V. N. Rudienkin // Viestn. Ural. in-ta ekonomiki, upravlienija i prava. – 2008. – № 4 (5). – S. 76–92.

12. Suchkova, A. A. Lobbizm: osnovnyje podkhody k ponimaniyu [Elektronnyj riesurs] / A. A. Suchkova // Izv. TulGU. Gumanitar. nauki. – 2016. – № 1. – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-osnovnye-podhody-k-ponimaniyu>. – Data dostupa: 04.02.2022.

13. Diemidova, Ye. N. Lobbizm kak mekhanizm politichieskoj korrupcii [Elektronnyj riesurs] / Ye. N. Diemidova, A. Yu. Mokhorova // Jevraz. integracija: ekonomika, pravo, politika. – 2020. – № 2 (32). – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-kak-mehanizm-politicheskoy-korrupcii>. – Data dostupa: 04.02.2022.

14. Biekmuradov, K. A. Lobbizm kak osnovnoj faktor vozdeystvija na process razvitija parlamentskikh soglasitel'nykh procedur [Elektronnyj riesurs] / K. A. Biekmuradov // Aktual. problemi ros. prava. – 2019. – № 8 (105). – Riezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-kak-osnovnoy-faktor-vozdeystviya-na-protsess-razvitiya-parlamentskih-soglasitelnyh-protsedur>. – Data dostupa: 04.02.2022.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.04.2022

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК:101.8:316.3(043.3)

Юлія Леонідовна Баньковская

*канд. филол. наук, доц., доц. каф. сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта*

Yuliya Bankouskaya

*Phd in Philosophy, Associated Professor,
Associated Professor of Social and Humanitarian Sciences Disciplines Department
at the Belarusian State Agrarian Technical University*

e-mail: ulia_baank@tut.by

СОЦІАЛЬНЫ КАПІТАЛ ЯК ІНФОРМАЦЫЙНЫ РЕСУРС КОНФЛІКТНОГА ВЗАЙМОДЕЙСТВА СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

Указана, што даследаванне і разуменне амбівалентнай сутнасці сучасных тэхналагічных працэсаў, якіх адбываецца ў грамадстве, прыводзіць да неабходнасці прояснення сетевых працэсаў. Сацыяльныя сеткі становяцца паступенна не толькі тэарэтычным канструктам, але і эмпірычным аб'ектам, уключеным у сферу кожнадзённай жыццядзейнасці чалавека. Заўважана, што даследаванне сацыяльнага капіталу як асновага феномена, які вызначае спецыфіку ўзаемадзеяння сетевых структур, грунтуецца на тым, што гэты капітал з'яўляецца рэсурсам, які мае непасрэднае ўздзеянне на якасць сеткі, яе функцыянаванне і развіццё. На механізмах яго распаўсюду выяўляюцца ўстаноўкі, дзейнасць, мадэль паводзінаў людзей у сеткавым асяродку. Ён выступае ў якасці інфармацыйнага рэсурса, які ўплывае на прычыны узнікнення канфлікту, спецыфіку яго развіцця, разробку мер па ўрэгуляванню супярэчнасцяў.

Ключевыя словы: сетевыя структуры, сацыяльны капітал, канфлікт, ўзаемадзеянне, інфармацыя.

The Social Capital as an Information Resource of Network Structures Conflict Interaction

It is indicated, that the study and understanding of the ambivalent nature of modern technological processes taking place in society leads to the need to clarify network processes. Social networks are gradually becoming not only a theoretical construct, but also an empirical object included in the sphere of daily human activity. It is noted, that the study of social capital as a basic phenomenon that determines the specifics of network structures interaction is due to the fact, that this capital is a resource, which has a direct impact on the quality of the network, its functioning and development. The mechanisms of its distribution are used to build attitudes, activities, and a model of people's behavior in network education. It acts as an information resource that influences the causes of the conflict, the specifics of its deployment, and the development of measures to resolve contradictions.

Key words: network structures, social capital, conflict, interaction, information.

Введение

Становление и широкое распространение процессов сетевизации общества содействует трансформации социальной реальности. Увеличение информационных рисков, появление новых форм конфликтных противоборств актуализирует необходимость рассмотрения факторов, обуславливающих стабильность функционирования сети. Социальный капитал выступает в качестве значимого феномена, предопределяющего механизмы взаимодействия сетевых структур. Более того, сама сеть выступает как социальный капитал для ее участников, потому что в ней осуществляется обмен

материальными и нематериальными ресурсами, удовлетворяются их потребности.

Сетевые структуры нестабильны, находятся в постоянном изменении. С одной стороны, конфликтность является следствием конфигурации сетей, к которой принадлежат акторы. С другой стороны, сами акторы оказывают непосредственное влияние на стабильность функционирования сетевых структур. Выявление и понимание сущности символических сетевых связей осуществляется посредством коммуникативных практик. Имея информационный характер, сетевые конфликты проявляются в борьбе за социальный капитал. Ее следст-

вием является дезинтеграция внеинституциональных взаимосвязей между акторами. Таким образом, целью данной статьи является исследование социального капитала в качестве ресурса, воздействующего на дальнейшее функционирование сетевого образования.

Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи:

1) прояснена сущность социального капитала, выделены его разновидности;

2) выявлены структурное, реляционное, когнитивное и аксиологическое изменения социального капитала (его наличие предопределяет позицию актора, возможность оказания влияния на процесс взаимодействия сетевых структур и динамику разворачивания конфликта).

Изучение степени разработанности научной проблемы позволяет сделать вывод, что, с одной стороны, существует достаточное количество работ, посвященных исследованию феномена социального капитала, а с другой стороны, крайне мало исследований по анализу особенностей его воздействия на взаимодействие сетевых структур в ситуации конфликта. Его изучение позволяет раскрыть такие сущностные характеристики сетевых процессов, влияющие на динамику разворачивания конфликта, как децентрализация, превалирование горизонтальных связей над вертикальными, открытость, многоканальность.

Социальный капитал: его сущность, измерения и основание конфликтного взаимодействия сетевых структур

Понятие «социальный капитал» было разработано П. Бурдье. Он рассматривает социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания... с членством в группе» [1, с. 66]. Выступая посредником во взаимодействиях акторов, социальный капитал регулирует доступ к ресурсам, ибо на его основании осуществляется символический или материальный обмен.

Структурируя социальную действительность, люди осознают неравномерность распределения ресурсов, что служит причиной возникновения конфликта. Правила

взаимодействия участников конфликта формируются в рамках поля, представляющего собой арену борьбы, где используются экономические, культурные, социальные и символические капиталы. Структура поля обеспечивает сохранение и улучшение социальной позиции, определяемой количеством и относительным весом имеющегося капитала. «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала» [2, с. 43]. Источниками власти субъектов являются обладание экономическим или культурным капиталом, которые предоставляют человеку возможность доминирования над теми, у кого такого капитала меньше или кто вообще его лишен. «Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства» [3, с. 199]. П. Бурдье описывает культуру в качестве определенной модели рынка, на котором используется не экономический, а культурный капитал, включающий в себя различные легитимные знания. В социальном капитале находят свое отражение потенциальные возможности существующих неинституциональных связей. Не обращая непосредственно к проблеме сетевого взаимодействия, П. Бурдье выстраивает социальное пространство таким образом, что сетевые коммуникации становятся алгоритмом его существования. Сеть представляет собой один из способов структурирования позиций социального влияния акторов.

В основании социального капитала расположена совокупность ценностей и норм. По этой причине, по мнению М. Вулкока и Д. Нарояна, можно выделить такие две его разновидности, как связывающий и объединяющий капиталы. Объединяющий капитал проявляется в виде норм и правил поведения, характеризующих процесс взаимодействия акторов, форму реализации их интересов и способы достижения поставленных целей. Являясь результатом пред-

шествующего функционирования сети, элементы на основании имеющегося опыта, отражающего позитивные и негативные аспекты социального развития, вырабатывают наиболее продуктивные модели взаимодействия. Связывающий капитал проявляется в виде локальных групповых норм, основанных на личных взаимосвязях субъектов [4, с. 227–241].

Сетевой конфликт проявляется в форме информационного противоборства, осуществляемого в форме явного или скрытого коммуникативного воздействия на убеждения, ценности, ресурсы акторов, приводящих к дестабилизации сложившихся форм их взаимодействия. Акторы воздействуют на конфликтную ситуацию в соответствии с имеющимся у них в наличии социальным капиталом. Следовательно, выявление его структурного, реляционного, когнитивного и аксиологического измерения является необходимым условием прояснения процесса функционирования сетевого образования, механизмов взаимодействия акторов, возможностей их влияния на конфликт.

В рамках структурного измерения нами акцентируется внимание на слабые и сильные связи между акторами. Их выстраивание и функционирование влияет на специфику взаимодействия актора с другими сетевыми элементами, его позицию в структуре сети. Степень влияния актора на развертывание конфликтной ситуации зависит от его центральности, количества имеющихся связей с другими элементами, выстраиваемых на основании наличия у него социального капитала. Существует зависимость между тем, насколько являются сильными или слабыми сетевые связи и уровнем остроты конфликта, возможностью его образования, стремлением к урегулированию противоречий. Так, для сетей с сильными связями присуще большее стремление акторов к сглаживанию и разрешению возникших противоречий вследствие большей заинтересованности в дальнейшем стабильном функционировании сети. При наличии слабых связей акторы в значительно меньшей степени заинтересованы в сохранении данного сетевого образования. По этой причине возникший конфликт с большей вероятностью может привести к разрушению и изменению сложившихся взаимосвязей. Анализ позиции актора в сетевой структу-

ре, его роли в функционировании наиболее значимых узлов содействует выявлению его значения в определении уровня воздействия на конфликтную ситуацию. Необходимость исследования центральности позиции актора обусловлена наличием у него возможностей контроля за деятельностью сетевого образования. На это обращает внимание С. Кошаде: «Вместо формального лидера мы попытаемся обнаружить тех акторов, которые обладают уникальными особенностями, делающими их значительными в непрерывной деятельности группы. Такой участник, как правило, обладающий высоким уровнем центральности, во многих случаях ответственен за координирование действий группы, за вербовку участников и имеет возможность более свободно управлять потоками информации в пределах группы» [5, с. 565]. Обладание высоким уровнем центральности позволяет отдельным акторам получить доступ к социальному капиталу.

Структурное измерение капитала расположено в основании институционального аспекта коммуникации, направленного на формирование взаимосвязей между сетевыми элементами. Структура сети предопределяет эффективность коммуникации между акторами. От соотношения слабых и сильных связей и количества промежуточных звеньев зависит точность и своевременность передачи информации. Д. Рид полагает, что коммуникативная эффективность прямо пропорциональна возможности быстро и оперативно создавать новые сообщества и находится в экспоненциальной взаимосвязи от количества элементов [6, с. 96–97].

В реляционном измерении делается акцент на уровне доверия между сетевыми элементами. Его степень зависит от того, какие связи в ней преобладают: слабые или сильные. Доверие базируется на наличии общих интересов, ценностей, направленности на сотрудничество. Кроме того, актор в большей мере заинтересован в сохранении взаимоотношений с другими сетевыми элементами при возникновении конфликта, нацелен на стабилизацию сети и выработку эффективных способов урегулирования противоречий при преобладании сильных связей. Ф. Фукуяма полагал, что социальный капитал представляет собой «кредит доверия, которым можно распоряжаться как реальным ресурсом» [7, с. 47]. Определяя

его как «свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы» [8, с. 121], он связывает данный феномен с доверием, расположенным в основании взаимоотношений между людьми. Его потенциальные и реальные характеристики определяют форму их коммуникации.

В рамках когнитивного измерения социальный капитал нами рассматривается с точки зрения наличия общности мировоззренческих установок, однозначности интерпретации логико-понятийных конструкций всеми элементами сети. Особую значимость данное измерение приобретает при необходимости принятия решения в ситуации дестабилизации социальной системы вследствие возникновения конфликта. Его эффективность зависит от наличия взаимопонимания между акторами. Когнитивный капитал влияет на ценности, цели, мотивы взаимодействия акторов, на формирование смыслового контекста, лежащего в основании функционирования сети.

Спецификой распространения сетевого конфликта является создание возможностей для так называемого сетевого заражения, при котором происходит быстрое распространение информации о противоречиях, формируются возможности для присоединения к конфликтной ситуации все новых акторов. Данное обстоятельство продуцирует ситуацию, при которой происходит расширение сферы воздействия конфликта, создаются условия для его разрастания, и, как следствие, неконтролируемости. Сетевая коммуникация часто выступает в качестве средства информационного воздействия, содействующего манипулированию поступками и сознанием отдельных элементов вне непосредственного физического воздействия. При этом существует прямая зависимость между степенью погруженности актора в сеть, ее значимостью и наличными возможностями манипулирования его поведением.

В аксиологическом измерении социальный капитал исследуется с позиции ценностно-нормативных установок акторов. Их общность способствует формированию взаимопонимания между сетевыми элементами. Соблюдение социальных норм содействует стабилизации социальной системы, минимизации уровня негативных последствий развертывания конфликта. Коммуника-

тивный обмен информацией на основании наличных ценностно-нормативных стандартов обуславливает формы социальных взаимодействий и их специфику в сети. Тем самым сетевая коммуникация становится не только социальным капиталом, но и важным стратегическим ресурсом. Нарушение коммуникативного взаимодействия акторов продуцирует ситуацию сложного доступа к ресурсам.

М. Кастельс полагал, что наиболее значимую роль в функционировании современного общества играют взаимоотношения, возникающие между людьми в процессе производства и характеризующие сферу властных отношений. В сетевом обществе источником производительности становятся технологии генерирования знаний, продуцирования, обработки и использования информации. Результатом развития информационных технологий является формирование нового типа соотношений социальных процессов, в качестве которых выступают, с одной стороны, символы и знаки, а с другой – производство и распределение материальных благ. Различие в доступе к информационным ресурсам приводит к формированию социального неравенства. Создается так называемая «анормальная» власть, в рамках которой не человек контролирует власть, а, наоборот, она воздействует на людей. Средства массовой коммуникации становятся основной сферой разворачивания политического противоборства [9, с. 21–54].

Сетевая коммуникация способствует снижению уровня напряженности благодаря созданию возможности осуществления плодотворной дискуссии. Аргументированное обсуждение противоречия и выявление истинной сущности причины конфликта снижают возможности для манипулирования сознанием. Доступ к информации позволяет акторам донести до людей свое видение проблемы. Наличие информационного превосходства дает возможность предугадать действия конфликтующей стороны, предупредить дальнейшее деструктивное развертывание противоборства посредством быстрого принятия соответствующих решений. Таким образом, социальный капитал все чаще становится тем орудием, которым пользуются сетевые элементы в отстаивании своих интересов. Дж. Коулман харак-

теризует социальный капитал как «умение развивать сотрудничество в группах и в организациях в целях реализации общих интересов» [10, с. 97]. На его основании формируется взаимное доверие и взаимопомощь в межличностном взаимодействии.

Заключение

1. Социальный капитал является значимым ресурсом, дающим его обладателю преимущество в сетевой коммуникации при возникновении конфликта. Он оказывает существенное влияние на формирование взаимосвязей между элементами сети, определяя формы сетевой коммуникации, воздействуя на ее направленность. Его наличие создает возможности для оказания воздействия на политические, экономические и социальные процессы, происходящие в социальной системе. Тем самым сеть становится инструментом для осуществления финансового, информационного, управленческого, манипуляторного обеспечения жизнедеятельности определенных структур общества.

2. Исследование специфики конфликтного взаимодействия сетевых структур ориентировано на то, что в современном обществе сформированы новые социальные отношения, что приводит к необходимости теоретического осмысления конфликтов на новом уровне. Практическое отсутствие возможности уничтожения или упразднения сетевого образования вследствие нали-

чия у сети возможности замены отдельных узлов и ядер на другие элементы приводит к необходимости учета особенностей ее функционирования с целью предотвращения ее деструктивного воздействия на социальные процессы. Результатом использования социального капитала может выступать не только стабилизация социальной системы, но и нарушение ее адаптационных механизмов. Выявление структурного, реляционного, когнитивного и аксиологического измерения социального капитала способствует прояснению специфики взаимодействия акторов, исследованию уровня их воздействия на конфликтную ситуацию.

3. Исследование социального капитала позволяет прояснить особенности сетевых конфликтов, заключающиеся в их анонимности, открытости, сенсорной дистанцированности, отсутствии санкций и правовых последствий за нарушение социальных норм. Символическое информационное пространство в данном случае выступает в качестве основной сферы развертывания противоборства. Сетевые структуры являются субъектом символической власти, оказывающим значимое воздействие на протекание и функционирование процессов, происходящих в социальной реальности. Информационное превосходство, задающее специфику сетевого взаимодействия, создает благоприятные условия для конфликтующих сторон, использующих сети в качестве способа получения и передачи информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые, П. Формы капитала / П. Бурдые // Экон. социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М. : Socio-logos, 1993. – 335 с.
3. Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. – М. : Socio-logos, 1994. – 285 с.
4. Narayan, D. Social capital : implications for development theory, research and policy / D. Narayan, M. Woolcock // The world bank research observer. – 2000. – Vol. 15, nr 2. – P. 225–249.
5. Koschade, S. A. Social network analysis of Jemaah Islamiyah : The application to counterterrorism and intelligence / S. A. Koschade // Studies in conflict and terrorism. – 2006. – Nr 29 (6). – P. 559–575.
6. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : Фаир-пресс, 2006. – 415 с.
7. Меняшев, Р. Ш. Экономическое значение социального капитала / Р. Ш. Меняшев, Л. И. Полищук // Вопр. экономики. – 2011. – № 12. – С. 46–65.
8. Фукуяма, Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – С. 121–148.
9. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 564 с.

10. Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman // *The American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120.

REFERENCES

1. Burd'je, P. Formy kapitala / P. Burd'je // *Ekon. sociologija*. – 2002. – Т. 3, № 5. – S. 60–74.
2. Burd'je, P. Sociologija politiki / P. Burd'je. – М. : Socio-logos, 1993. – 335 s.
3. Burd'je, P. Nachala / P. Burd'je. – М. : Socio-logos, 1994. – 285 s.
4. Narayan, D. Social capital : implications for development theory, research and policy / D. Narayan, M. Woolcock // *The world bank research observer*. – 2000. – Vol. 15, nr 2. – P. 225–249.
5. Koschade, S. A. Social network analysis of Jemaah Islamiyah : The application to counterterrorism and intelligence / S. A. Koschade // *Studies in conflict and terrorism*. – 2006. – Nr 29 (6). – P. 559–575.
6. Reinhold, G. Umnaja tolpa: novaja social'naja rievoliucija / G. Reinhold. – М. : Fair-press, 2006. – 415 s.
7. Meniashev, R. S. Ekonomichieskoje znachienije socialnogo kapitala / R. S. Meniashev, L. I. Polishchuk // *Vopr. ekonomiki*. – 2011. – № 12. – S. 46–65.
8. Fukujama, F. Social'nyj capital / F. Fukujama // *Kul'tura imejet znachienie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshchestviennomu progressu*. – М. : Mosk. shk. polit. isslied., 2002. – S. 121–148.
9. Kastel's, M. Vlast' kommunikacii / M. Kastel's. – М. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2016. – 564 s.
10. Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman // *The American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.10.2021

УДК 172

Елена Валериевна Беляева*д-р филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***Elena Belyaeva***PhD-degree, Associate Professor Philosophy of Culture Department
at the Belarusian State University**e-mail: bksisa@rambler.ru*

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «КОМПЬЮТЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ***

Проведен анализ ответов студентов факультета радиофизики и компьютерных технологий Белорусского государственного университета на вопрос о проблемах нравственной ответственности, с которыми они сталкиваются в профессиональной деятельности и личном общении в Интернете. К профессиональным проблемам относятся кража программного кода, использование нелицензионного программного обеспечения, степень взаимопомощи программистов, доступ к чужим данным. Студенты выявили нравственно негативные явления в Интернете: оскорбления, мошенничество, кража, фейки и спам, анонимность и деанонимизация, нарушающие конфиденциальность общения. Студенты-программисты осознают свою профессиональную и личную ответственность, что свидетельствует об их моральной субъектности и потребности в освоении этического знания в контексте получаемой специальности.

Ключевые слова: ответственность, профессиональная ответственность, ответственность в интернете, ответственность студентов.

***Representations of Students of the Specialty «Computer Security»
on Professional and Personal Responsibility on the Internet***

The article is devoted to the analysis of the students's answers from the Faculty of Radiophysics and Computer Technologies of the Belarusian State University to the question about the problems of moral responsibility that they face in their professional activities and personal communication on the Internet. Professional problems include: theft of program code, use of unlicensed software, mutual assistance of programmers, access to other people's data. Students identified morally negative phenomena on the Internet: insults, fraud, theft, fakes and spam, anonymity and deanonymization that violate the confidentiality of communication. These are the forms of young people's awareness of their professional and personal responsibility, which testifies to their moral subjectivity and the need to master ethical knowledge in the context of the specialty they receive.

Key words: responsibility, professional responsibility, online responsibility, student responsibility.

Введение

Тематика ответственного поведения в самых разных областях человеческой деятельности приобрела особую актуальность в связи с глобализованным и рисковым характером современного общества. Так же, как и прочие важнейшие изобретения человечества, Интернет принес человеку невиданные прежде возможности и стал источником дополнительных опасностей. Поэтому конструктивное освоение этого инструмента всеми членами сообщества представляется важной нравственной задачей,

выполнение которой во многом зависит от подрастающего поколения. Ответственное поведение в цифровой среде осознается молодыми людьми как их собственная потребность, что проявляется как в понимании основных опасностей, с которыми сталкиваются пользователи сети, так и в формулировке норм и ценностей, на основе которых коммуникация в цифровой среде должна регулироваться. Особый интерес в этом плане представляют студенты, чье профессиональное будущее связано с решением проблем компьютерной безопасности.

Этические проблемы деятельности программиста уже получили определенную разработку. «Первичную ответственность инженер-программист несет за профессио-

**Статья подготовлена в рамках ГПНИ «Молодежь как субъект нравственной ответственности в цифровой среде», № госрегистрации 20212272.*

нальную правильную работу созданных разработок, оптимальное функционирование, надежные результаты. Инженер-программист должен учитывать не только технические цели и ценности, но и общие социальные, а также активно реализовывать их» [1, с. 144]. Понимание этого отражено в этическом кодексе, рекомендованном ключевыми международными ассоциациями ACM и IEEE-CS в качестве стандарта обучения и работы в области программной инженерии [2]. «Когда новички в данной профессиональной сфере знакомятся с кодексом этики или опытные профессионалы перечитывают кодекс, они начинают по-другому относиться к тем проблемам, серьезность которых ранее полностью не осознавали» [3, с. 119].

В ходе изучения дисциплины «Этика и этикет» на факультете радиофизики и компьютерных технологий Белорусского государственного университета студенты специальности «компьютерная безопасность» получили задание написать мини-эссе, в которых необходимо было отразить свои представления о профессиональной и личной ответственности в Интернете. В результате было получено 86 работ, качественный контент-анализ которых позволил сформулировать некоторые нормативно-ценностные установки, свидетельствующие о понимании авторами природы ответственного поведения в Интернете (высказывания студентов даны в тексте в кавычках курсивом без указания авторства).

Следует сказать, что написание этих эссе предшествует изучению профессиональной этики программиста, да и с практикой профессиональной деятельности на II курсе знакомы еще не все. Тем интереснее, что молодые люди совершенно самостоятельно обнаруживают те же сферы нравственной ответственности программиста, которые указаны в кодексе: перед обществом, перед работодателем, заказчиками, коллегами и профессией.

Профессиональная ответственность программиста

Наиболее часто упоминаемая нравственная проблема в профессиональной области – это кража программного кода, написание которого и является основной задачей программиста. Любая кража является по-

ступком предосудительным, но в данном случае она осложняется тем, что чаще всего это происходит при списывании чужих лабораторных и других учебных работ, которые становятся доступны через интернет даже без ведома их авторов. Такое поведение прямо влияет на отношения в группе, но отношение к такому небольшому повседневному заимствованию разное. Те, у кого украли их работу, такое поведение расценивают как наглое и возмутительное. Более приемлемой является помощь в обучении, обращение к старшекурсникам, когда чего-то не знаешь. Те же, кто заимствовал чужие достижения, расценивали это как «дружеский обмен». *«На первом курсе я часто списывал код программы у других одногруппников, выдавая его за свой, и очень часто наблюдал то же и со стороны одногруппников. Тогда я считал, что это взаимопомощь, вроде того что они помогают мне тут, а я им на другом предмете, например, на математике».* Однако те, кто так поступал, продолжали размышлять над собственным нравственным несовершенством, чувствовали необходимость оправдываться.

Как и большинство пользователей сети Интернет, проживающих на территории СНГ, студенты причастны к пиратству программного обеспечения. *«С начала учебы меня очень сильно задевает момент использования нелегального программного обеспечения. Пришло понимание того, какие усилия тратят разработчики на выпуск продукта, который может пользоваться спросом. Значит, они имеют право получать награду в виде денег за проделанную работу по выпуску и поддержанию эксплуатации этого продукта. Использование нелегального продукта – это неуважение к коллегам».*

Проблема авторского права в среде программистов достаточно сложна. *«Софт для разработки приложений чаще всего является платным, и использование его, даже с целью обучения, не является морально правильным, ведь есть разработчики, которые его делали и которые хотят получить оплату за свой труд».* Однако большинство профессиональных программистов делятся своим кодом бескорыстно, тем более что многие задачи уже решены и можно писать свой код на основе готовых идей. *«Все подходы к программированию есть в*

Сети, они обсуждаются профессионалами, это никого не смущает, есть даже термин, который это описывает, – best practices (формализация уникального успешного практического опыта)». Иногда раскрытие информации о новой технологии является специальным маркетингом и рекламой, т. к. «подогревает» публику к выходу нового продукта. Как настоящее преступление рассматривается раскрытие не технических, а бизнес-секретов, к которым программист поневоле получает доступ и дает подписку о неразглашении.

Проблема доступа и сбора чужих данных в Интернете весьма остра, и будущие программисты осознают ее как свою профессиональную проблему. Например, один из них является программистом, занимающимся машинным обучением и нейросетями. Программа умеет подбирать контекстную рекламу, но для этого ей требуется получить информацию о человеке и его предпочтениях: *«На помощь приходит не самый гуманный способ узнать все о человеке – подслушать и подсмотреть его телефон. Так работают почти все сервисы подбора рекламы. Это и является нравственной проблемой в моей деятельности».*

Другой студент сталкивался с проблемой морального выбора, когда в качестве обучения разрабатывал клон твиттера. *«Как разработчик я имел доступ к базе данных абсолютно любого пользователя, и соответственно я мог о ком угодно что угодно узнать. Данную моральную проблему я решил тем, что просто не дал приложение в пользование, им пользовался только я, и соответственно никто не пострадал».*

Еще один студент был участником службы поддержки, и ему для регуляции контента и обнаружения взломщиков был необходим доступ к чужим данным в социальной сети, что фактически нарушало их приватность. Так, администратор сайта может регулировать жизненный цикл других людей в киберсреде.

Нравственные отношения в команде программистов также регулируются определенными правилами этикета: чтобы работать в команде, необходимо подстраиваться к тому стилю написания кода, который принят в ней; следует проводить самостоятельное тестирование своего кода, а не оставлять это тестировщикам; не писать коммен-

тарии к коду без необходимости; не усложнять код, удалять фрагменты, утратившие актуальность.

Таким образом, уже минимальное знакомство с будущей профессиональной деятельностью побуждает студентов задумываться о тех нравственных проблемах, с которыми можно будет столкнуться, и о своей ответственности за их разрешение.

Ответственное поведение пользователя в Интернете

Независимо от профессии все молодые люди являются пользователями Интернета, без которого многообразные потребности современного человека просто не могут быть удовлетворены. Коммуникация в Сети требует ответственного поведения, как для собственной безопасности, так и для создания благоприятной среды общения, что в полной мере осознается студентами, которые в своих эссе рассказали о тех проявлениях безнравственности, с которыми они сами столкнулись.

Самым распространенным пороком в Сети является стремление оскорбить собеседника. Несмотря на то что анонимность, принятая при общении в Интернете, все более уходит в прошлое, наличие физической дистанции от других пользователей создает иллюзию собственной неуязвимости. То, что человек не позволил бы себе в отношении своего коллеги при личном общении, он позволяет себе в Сети, забывая о письменном характере большинства контактов, которые вечно сохраняются в Сети.

«Анонимность в Интернете создает впечатление, что всегда будешь оставаться без наказания, поэтому пользователи сетей позволяют себе многое, что не делали бы при личных встречах».

«В свой адрес слышал оскорбления на пустом месте, и никогда не понимал, почему некоторые неадекватные люди так поступают. Наверное, люди понимают, что им ничего за это не будет, поэтому пишут, что им вздумается».

«Люди чувствуют себя свободно в Интернете, часто не думают о том, что могут кого-то задеть, можно ведь написать гадость анонимно, потешить себя, а человек по другую сторону будет долго переживать и осмысливать. Честно говоря, я не знаю, можно ли решить эту проблему,

наверное, все дело в человеческой натуре и жестокости».

«Примером жестокости и эгоизма являются т. н. тролли. Люди, которые специально агрессивно действуют по отношению к другим. Думаю, это связано с тем, что, сидя дома за компьютером, они чувствуют свою безнаказанность».

«Есть люди, которые могут быть агрессивно настроены против тебя в Интернете, и они, уверенные в своей безнаказанности, начинают оскорблять тебя, твою семью или твою нацию».

В настоящее время ответственность за оскорбление, т. е. умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, предусмотрена ст. 10.2 КоАП Республики Беларусь [4]. Это касается любых публичных выступлений, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет. Между тем реальное применение данной статьи происходит только тогда, когда оскорбленное лицо занимает государственную должность. В остальном разнообразные оскорбительные проявления настолько широко распространены, что пострадавшие просто «банят», блокируют сообщения своих обидчиков и обращаются в правоохранительные органы только тогда, когда оскорбление получило широкий общественный резонанс и нарушило реальную жизнь человека.

Другое весьма распространенное в Сети преступление – это разные виды мошенничества. Это, например, могут быть нереалистичные предложения со стороны незнакомых лиц.

«Мне на почту писали мошенники-вымогатели, пытались применять социальную инженерию».

«Несколько раз писали незнакомые люди, якобы готовые помочь мне заработать денег. Но для этого я должен был скинуть им какую-то сумму – нашли дурачка».

«Недавно была попытка выпытать мой номер телефона путем привлечения меня к какому-то проекту, о котором мне не предоставляли никакой информации».

«Хотели выпытать мои паспортные данные путем сообщения того, что я выиграл какой-то приз, и чтобы проверить, не бот ли я, просили их предоставить».

«В Сети очень большое количество мошенников, которые предлагают купить

у них ваучер за сумму меньшую, чем покрывает ваучер. Люди отправляют свои средства и в ответ ничего не получают».

«В сообщениях иногда поступает много спама от людей, которые предлагают очень сомнительный заработок, однако я никогда не общалась с ними и не выясняла, что там они предлагают. Обычно я сразу же отправляю их в черный список».

Еще один вид деятельности, который был охарактеризован студентами как мошенничество, – это кража личных данных посредством взлома аккаунтов в социальной сети и других баз данных.

«У меня взломали несколько страниц в разных социальных сетях, и я считаю, что с этим сталкивались многие».

«Еще был случай не так давно, когда мошенники обманым путем узнали данные бабушкиного знакомого, и он перевел им свои сбережения».

«Я лично столкнулась с попыткой кражи личных данных: после покупки билета на концерт, я решила поделиться этим в одной из социальных сетей и на следующее утро обнаружила, что мою электронную почту, на которой хранился данный билет, взломали, но я вовремя это заметила и успела все сохранить и восстановить».

«Очень часто пытались украсть личные данные (просили перейти по ссылкам), познакомиться, очень странные люди. Также есть люди, которые пишут неприятные вещи. Мои друзья неоднократно встречались с кражей личных данных, а также фотографий, в том числе интимных, которые выставлялись на сайтах знакомств».

Так на личном опыте студенты сталкиваются с проблемой конфиденциальности в Интернете, из-за нарушения которой происходит множество негативных явлений.

По мнению студентов, анонимность в Интернете должна быть регулируемая.

«Конечно, свобода слова должна присутствовать, но хотелось бы иметь возможность знать, что это за человек, где живет, и в случае чего применить законные методы воздействия. Даже в соцсетях человек должен нести ответственность за свои деяния. В принципе для этого и существует наша специальность “Компьютерная безопасность”».

«У нас есть предмет “Основы информационной безопасности”, и там име-

ются прописанные законы по этой теме, которые влекут за собой административную и уголовную ответственность. Если бы они соблюдались, то не было бы нравственных проблем в Интернете».

В то же время наряду с анонимностью происходит и деанонимизация, которая ведет к проблемам другого рода.

«В Интернете осуществляется деанонимизация, притом принудительная, часто скрытая, и с ней ничего сделать нельзя. Очень грустно наблюдать, во что превращается величайшее творение рук человеческих – Интернет. Из прекрасной идеи свободной и доступной информации для всех, свободного обмена мнениями и общения мы получаем контролируемый государством и технологическими компаниями клон реального мира».

Наконец, весьма распространенной проблемой информационного общения являются фейки и спам. Если от спама могут помочь различные фильтры в настройках программ, то разоблачение фейков требует повышения информационной культуры, развития навыков факт-чекинга и критического мышления. Исследования, посвященные природе фейков, показывают их коммуникативную природу и указывают на то, что противопоставить фейкам необходимо не столько «разоблачение», сколько ответственное высказывание [5].

Таким образом, к числу нравственно негативных проявлений общения в Интернете студенты отнесли оскорбления, мошенничества и сопутствующие им кражи, нарушение конфиденциальности, фейки и спам. Естественно, никто из опрошенных не признается, что сам занимался подобными делами. Важно то, что молодые люди считают избегание этих проявлений сферой

своей ответственности. Чтобы не стать жертвой таких явлений, необходимо не только уличать и наказывать преступников, но и обучать пользователей не поддаваться на уловки, повышать информационную грамотность и цифровую культуру.

Заключение

Хотя в статье представлены мнения конкретного сообщества студентов, их суждения достаточно компетентно очерчивают сферу профессиональной и личной ответственности человека при работе в Интернете.

К профессиональным проблемам относятся кража программного кода, использование нелегального программного обеспечения, степень взаимопомощи программистов, доступа к чужим данным.

Студенты осуждают нравственно негативные явления в Интернете: оскорбления, мошенничество, кражи, фейки и спам, анонимность и деанонимизацию, нарушающие конфиденциальность общения.

Способность выявить ключевые нравственные проблемы в сфере своей деятельности свидетельствует об их моральной субъектности и потребности в использовании этического знания в контексте получаемой специальности. Ответственный специалист не только следует нормам этического кодекса, но способен самостоятельно обнаруживать нормативно-ценностные аспекты своей деятельности. Воспитание такой способности связано с этическим образованием [6, с. 28–31], поэтому во всех образовательных стандартах по техническим специальностям должны присутствовать требования к компетенции в сфере профессиональной этики как важной составляющей готовности специалиста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармин, А. В. Социальная ответственность инженера-программиста в современных условиях / А. В. Бармин, Е. В. Олешкевич // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 16–17 нояб. 2020 г. : в 2 т. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. – Т. 2. – С. 143–155.
2. Кодекс этики и профессиональной деятельности в области программной инженерии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://club.shelek.ru/viewart.php?id=277>. – Дата доступа: 07.03.2022.
3. Полянская, О. Ю. Кодексы профессиональной этики в сфере информационной безопасности / О. Ю. Полянская // Безопасность информ. технологий. – 2009. – Т. 16, № 3. – С. 119–124.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 91-З. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk210-0091>. – Дата доступа: 07.03.2022.

5. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / С. Т. Золян [и др.]. – СПб. : Алетея, 2021. – 288 с.

6. Цвык, И. В. Преподавание этики в технических вузах: проблемы и перспективы / И. В. Цвык // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Философия. – 2016. – № 3. – С. 26–33.

REFERENCES

1. Barmin, A. V. Social'naja otvietstviennost' inzhenera-programmista v sovremiennykh usloviyakh / A. V. Barmin, Ye. V. Olieshkievich // Ural industrial'nyj. Bakuninskije chtienija : materialy XIV Vsieros. nauch. konf., Jekatierinburg, 16–17 nojab. 2020 g. : v 2 t. – Jekatierinburg : Izd-vo UMTS UPI, 2020. – T. 2. – S. 143–155.

2. Кодекс этики и профессиональной деятельности в области программной инженерии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://club.shelek.ru/viewart.php?id=277>. – Дата доступа: 07.03.2022.

3. Polianskaja, O. Yu. Kodeksy professional'noj etiki v sfierie informacionnoj bezopasnosti / O. Yu. Polianskaja // Biezopasnost' inform. tiekhnologij. – 2009. – T. 16, № 3. – S. 119–124.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 оанвю 2021 г., № 91-З. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>. – Дата доступа: 07.03.2022.

5. Fejki: kommunikacija, smysly, otvietstviennost' / S. T. Zolian [i dr.]. – SPb. : Alietejja, 2021. – 288 s.

6. Cvyk, I. V. Priepodavanije etiki v tiekhnichieskikh vuzakh: problemi i pierspektivy / I. V. Cvyk // Viestn. Ros. un-ta družhby narodov. Sier. Filosofija. – 2016. – № 3. – S. 26–33.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.03.2022

УДК 316.356.2:173.0(476)

Наталья Александровна Сосновская

канд. социол. наук, зав. отделом социологии социальной сферы
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Natalya Sosnovskaya

*PhD of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology of the Social Sphere
of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: sosnovskaya.n@inbox.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

В современных социальных условиях содержание родительства связано с утверждением понятия «ответственное родительство». Приводятся результаты социологического опроса, раскрывающие представления молодежи об ответственной матери и ответственном отце. Показано, что, несмотря на то что концепция «ответственного родительства» предполагает высокую степень гендерного равенства и указывает на одинаковую вовлеченность мужчин и женщин в воспитание, стереотипные представления о мужских и женских ролях в семье сохраняются. Декларируя в качестве желаемого как на бытовом уровне, так и в официальной лексике государственной семейной политики изменение поведения мужчин в сторону большей вовлеченности в бытовые обязанности и заботу о детях, население демонстрирует приверженность традиционным социальным нормам.

Ключевые слова: семья, ответственность, ответственное родительство, молодежь, воспитание.

Young People's Ideas about Responsible Parenthood: a Sociological Analysis

In modern social conditions the content of parenthood is associated with the approval of the concept of «responsible parenthood». The results of a sociological survey revealing young people's ideas about responsible mother and responsible father are presented. It is shown that despite the fact that the concept of «responsible parenthood» implies a high degree of gender equality and points to the equal involvement of men and women in upbringing, stereotypical ideas about male and female roles in the family persist. By declaring as desirable both at the household level and in the official vocabulary of state family policy a change in men's behavior toward greater involvement in household duties and care for children, the population demonstrates adherence to traditional social norms.

Key words: family, responsibility, responsible parenthood, youth, parenting.

Введение

Семья как сложный социальный феномен определяется через систему взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, и в основе этих взаимоотношений находится не только эмоционально-личностная привязанность, но и конкретные обязательства по отношению друг к другу.

В 1970–80 гг. в научном дискурсе определение семьи конструировалось через институционально установленные отношения брака и взаимного родства. Для современных семей конституирующее отношение – это взаимные обязательства и ответственность, при этом социально желательным является стремление к равноправию и

симметричности в их распределении. Особое значение ответственности для современной семьи связано с утратой семей институциональных характеристик и жестких социальных норм и требований в противовес усилению процессов индивидуализации, когда в рамках каждой отдельной семьи самостоятельно вырабатывается определенный стиль жизни.

Основная часть

В социально-гуманитарном дискурсе под ответственностью понимается категория этики. Это «фиксирующая зависимость личности от социального окружения, общества, государства и обозначающая степень соответствия индивидуального поведения существующим нормативным образцам» [1]. Ее основная задача состоит в согласовании индивидуальных и коллективных интересов и ценностей. Ответственность указывает на

*Статья подготовлена в рамках ГПНИ «Молодежь как субъект нравственной ответственности в цифровой среде», № госрегистрации 20212272.

активную, сознательную позицию индивида в выборе поведения, осознании и принятии его последствий, которая проявляется в выполнении стоящих перед человеком требований и задач, способности осуществлять моральный выбор в контексте социальных норм, отражающих совершенные поступки через одобрение или осуждение, правоту или виновность. В качестве самостоятельного исследовательского направления развивается представление о нравственной ответственности как о неотъемлемом свойстве личности, определяющем социальную способность к саморегуляции. Понимаемая таким образом ответственность, с одной стороны, предполагает самостоятельность индивида в принятии решений, а с другой – задает четкие границы активности, основанные на понимании ее возможных негативных последствий [2].

Одной из важнейших сфер семейной жизнедеятельности, предполагающих высокую ответственность, является родительство. Внимание к особенностям и проблемам родительства обусловлено современными демографическими тенденциями. Низкая рождаемость способствовала росту ценности детей и усилению «качественного» аспекта родительской роли. Многократно возросла ответственность родителей не только за выживание и здоровье ребенка («накормить и одеть»), но и за его психологическое благополучие и развитие. От современных родителей, и прежде всего от матери, требуется обладание экспертным знанием в таких областях, как раннее развитие, диетология, детская психология, образование. Представления об ответственном родителе обусловлены переходом от «естественного» понимания родительства как «биологически детерминированной социальной практики», где основным средством воспитания являлась власть авторитета [3, с. 7], к его профессионализации, предполагающей комплекс медицинских, психологических и педагогических знаний, а также гуманизацию методов и подходов к воспитанию.

Родительство как отдельный феномен относительно недавно стал самостоятельным предметом научного анализа [4], ранее же речь шла о воспитательной функции семьи. Последние два десятилетия проблемы родительства привлекают внимание широкого круга социальных исследователей.

Оно рассматривается в разных перспективах: как комплексное надындивидуальное целое, предполагающее общность материнской и отцовской позиции в реализации родительского поведения (О. Н. Безрукова, Т. А. Гурко, З. Х. Саралиева и др.), как конкретизация материнской ответственности (Т. А. Гурко, Е. В. Шамарина и др.) и отцовской ответственности (И. Л. Сизова, А. В. Толстокорова и др.).

Представление об ответственном родителе изначально было связано исключительно с материальной ответственностью родителя, выплачивающего алименты на содержание детей [5]. В настоящее время понятие имеет комплексное содержание, определяемое через совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих родительских практик.

Выражение «ответственное родительство» включено в правовое пространство Республики Беларусь. Так, в Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг. среди ключевых направлений деятельности обосновывается необходимость содействия ответственному родителю [6, с. 6]. К сожалению, содержание данного понятия не раскрыто.

В качестве примера его институционализации можно привести Закон Республики Саха (Якутия) Российской Федерации «Об ответственном родителе». Под ответственным родителем тут понимается «реализация родителями своих прав и обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, сохранению здоровья ребенка исходя из его законных интересов и потребностей, создание условий, в которых ребенок может в полной мере развиваться» [7]. В данном определении артикулируются интересы и потребности ребенка, необходимость создания условий, в которых он может наиболее гармонично развиваться.

Для научного понимания «ответственного родительства» характерна прежде всего широкая интерпретация, охватывающая все проявления родительства, начиная с планирования зачатия, подготовки благоприятных, в т. ч. материальных, условий его рождения, и поведения во время беременности. В данном подходе родительство предстает как совокупность знаний, представлений и убеждений относительно роди-

тельской роли, что позволяет его считать осознанным, а ответственность, во-первых, выделять в качестве важнейшего компонента, а во-вторых, рассматривать как синоним осознанного родительства [8].

Другой подход фокусируется на интересах и потребностях ребенка, необходимости формирования родительского отношения с позиции поддержки и понимания. Российский исследователь Ю. В. Смык обратила внимание на необходимости выделять в феномене ответственного родительства внешнюю и внутреннюю составляющую. Внешняя составляющая обусловлена социальной ответственностью родителя перед обществом: ответственность за жизнь, здоровье, обеспечение условий жизни. Внутренняя составляющая связана с качеством отношения к ребенку, в основе которого должны находиться уважение и поддержка [9, с. 273].

О. Н. Безрукова выделяет целый ряд подходов к пониманию ответственного родительства, среди которых присутствуют как идеологические, так и прагматические. Например, рассмотрение ответственного родительства как «*культурного проекта*, определяющего распространение контента социальной ответственности родителей за рождение и воспитание детей; *нового гендерного контракта*, транслирующего нормы, социальные, репродуктивные, коммуникативные практики равной ответственности матери и отца за рождение и воспитание ребенка/детей; *индивидуальный, семейный и общественный социальный капитал* с неравномерным распределением ресурса ответственности в разных социальных группах родителей – благополучных и социально уязвимых; *совокупность ресурсов* усиления родительской роли, идентичности, компетенций» [10, с. 28].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии устоявшейся риторики ответственного родительства. В своей основе оно предполагает сбалансированность разных сторон воспитания, базирующегося на принципах уважения к личности ребенка и его интересам.

На практике родительское поведение реализуется с учетом индивидуальных представлений, конструируемых под воздействием доминирующих норм. Научные разра-

ботки частично отражают и частично оказывают влияние на формирование практик поведения и регулирующие их нормы, поэтому изучение представлений молодых людей об ответственном родчестве вносит вклад в развитие научной теории и расширяет понимание происходящих в данной сфере процессов.

Представления молодежи изучались в рамках исследования, проведенного в 2020 г. (молодежь до 31 года: $n = 438$, вся выборка $N = 1511$). Полученные данные показали, что ответственное родительство не рассматривается как единая воспитательная функция, выполняемая в равной степени и отцами, и матерями. Это разные проявления ответственности, обусловленные традиционными ролями мужчины и женщины в семье (рисунок 1).

По мнению молодых людей, ответственная мать в высокой степени вовлечена в процесс обеспечения повседневной жизнедеятельности ребенка (прививает навыки здорового образа жизни и заботится о здоровье ребенка, его режиме дня и питании; активно вовлечена в образовательный процесс. Также матери предписывается задача культурного развития ребенка (водить ребенка в театры, музеи и тому подобное).

Наиболее важным признаком ответственного отца является его способность материально обеспечивать семью. Кроме того, отец должен в большей степени, чем мать, проявлять заботу о физическом здоровье ребенка. Представления о степени ответственности матерей и отцов совпадают относительно необходимости заниматься с ребенком в свободное время, обучать его навыкам поведения в конфликтных ситуациях, проявлять интерес к его личной жизни.

По сравнению с остальными возрастными группами молодые люди чаще считают, что ответственное отцовство связано с занятиями с ребенком развивающими играми, обучением прикладным навыкам и передаче знаний (до 31 года – 46,5 %, 32–49 лет – 42 %, 50 лет и старше – 38,2 %). При этом все остальные возможные проявления ответственного отцовства, по мнению представителей данного поколения, менее значимы, чем считают представители других возрастных групп.

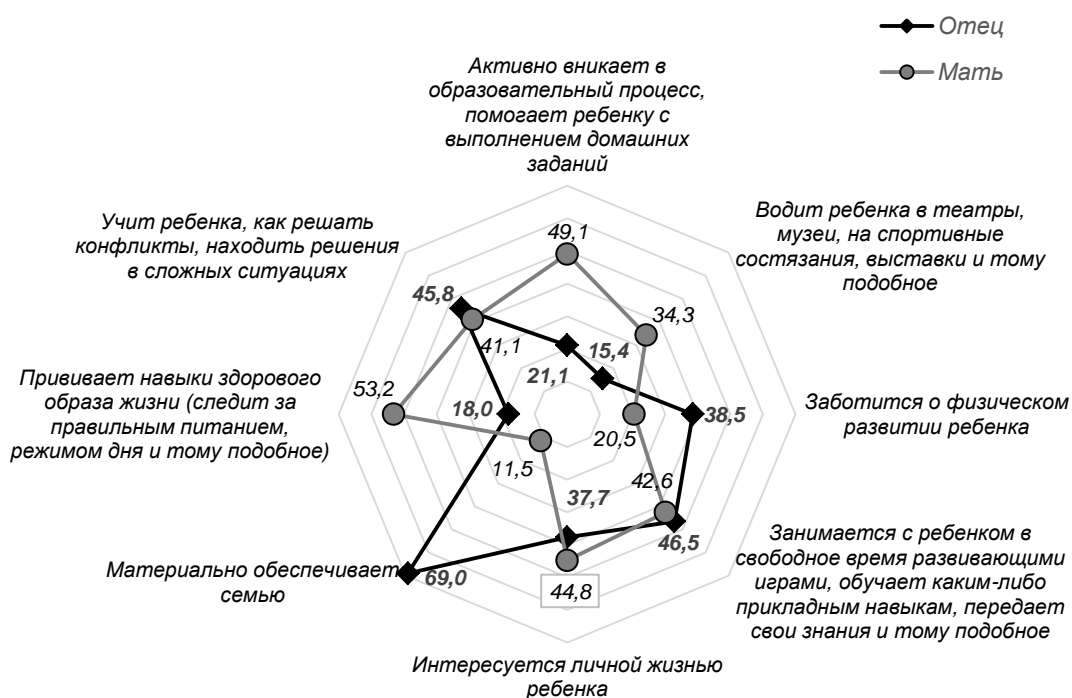

Рисунок 1. – Представления об «ответственном родителстве» среди молодежи до 31 года, %

Ответственное материнство молодежь чаще остальных ассоциирует с умением решать конфликты и находить решения в сложных ситуациях (до 31 года – 41,1 %, 32–49 лет – 40,2 %, 50 лет и старше – 37,1 %). В свою очередь, молодые люди реже полагают, что ответственной матери следует активно помогать ребенку с учебой и интересоваться его личной жизнью.

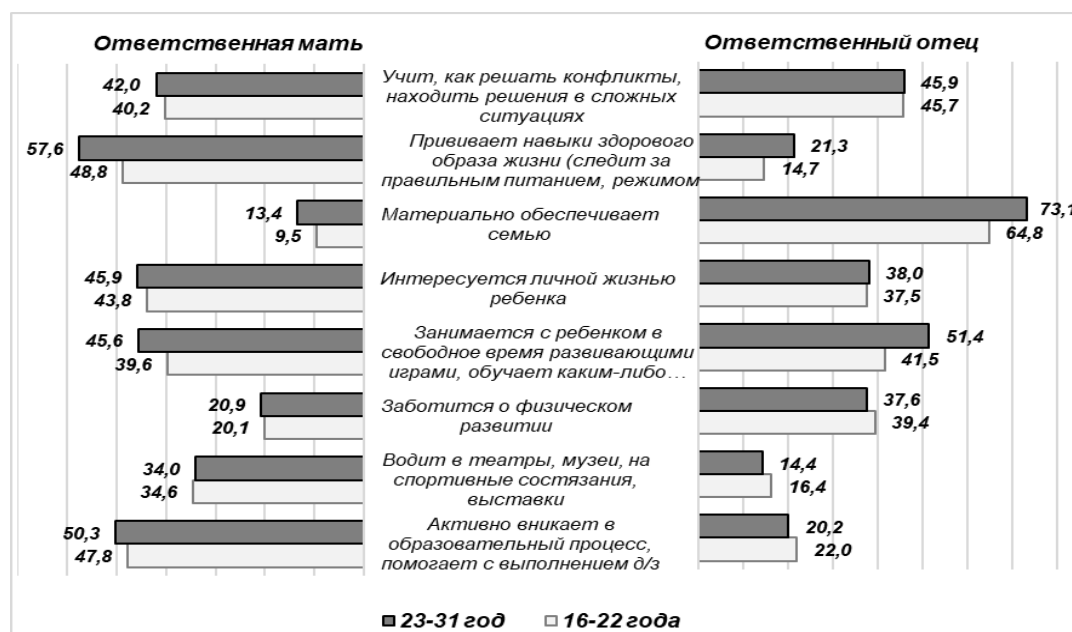
Существуют значительные различия в представлениях об «ответственном родителстве» среди молодых мужчин и женщин. Женщины проявляют себя более компетентными в данном вопросе, тогда как среди мужчин больше доля затруднившихся ответить. Большее число женщин связывает отцовство с помощью ребенку в выполнении домашних заданий, интересом к его личной жизни, занятиями в свободное время. И именно женщины чаще считают, что в задачи отца входит материальное обеспечение семьи (74,1 %), тогда как среди мужчин таких только 64,3 %.

Относительно материнства женщины чаще полагают, что их ответственность определяется вниманием к личной жизни ребенка, совместным проведением свободного времени, помощью в решении конфликтов. Только 11,2 % женщин связывают про-

явление ответственности с материальным обеспечением семьи. Результаты опроса показывают, что мнения женщин об ответственном родителстве, особенно об ответственном материнстве, ближе к социально-психологическому пониманию этого феномена, связанного с вниманием и уважением к личности ребенка.

При выделении среди молодежи двух возрастных групп 16–22 года и 23–31 год стоит отметить, что 16–22-летние чаще затрудняются ответить на вопрос, тогда как 23–31-летние имеют более сформированные представления о родителстве, при этом структура представлений сохраняется (рисунок 2).

Некоторые отличия связаны с тем, что младшие представители поколения реже считают, что материальное обеспечение семьи, необходимость следить за здоровьем ребенка и заниматься с ним в свободное время определяет ответственность как отца, так и матери. Представления молодых людей относительно образа «ответственной матери» более согласованы, тогда как старшие представители поколения чаще наделяют отцов ответственностью за занятия с ребенком в свободное время и за материальное обеспечение семьи.

Рисунек 2. – Представления об «ответственном родителстве» среди двух групп молодежи 16-22 лет и 23-31 года, %

Структура прадставленняў перамяняецца ў залежнасці ад роднасцкага статусу моладзі, пры гэтым, большыя змяненні касаюцца матэрынскай адказнасці. Пры наяўнасці дзіцяці моладзёныя людзі значна часта лічаць, што матуля павінна ўчыць дзіцяці спосабам рашэння канфліктаў і знаходжэнню рашэнняў у складаных сітуацыях (54,3%), чым тэ, хто яшчэ не мае дзіцяці (36,7%). Таксама рэспандэнты з дзіцяці вышэй ацэньваюць неабходнасць інтэресавання асабістай жыццём дзіцяці (54,6 і 41,5%) і ўдзяляць дзіцяці ўвагу ў свабоднае час (52,8 і 39,8%). Пры гэтым прадставлення аб знешняй, інстытуцыйнай адказнасці з'яўляюцца дастаткова сагласаванымі. Гэта сведчыць аб тым, што наяўнасць дзіцяці карэктывуе прадставленне аб адказнасці ў бок большай псіхалогізацыі.

У ўмовах ўзаімапронікнення сацыяльнай і дыфравой рэальнасцей, існуючых як адно цэлае, перад моладзёнымі людзьмі (будучымі і сапрадымі роднасцямі) стоіць заданка сацыялізацыі дзіцяці ў складанай інтэгрываванай сярэдавісці, дзе інфармацыйныя тэхналогіі прывносяць не толькі дадатковыя магчымасці для арганізацыі досугу і развіцця, но і звязаны з негатыўнымі наступствамі. Рэзультаты даследаванняў паказваюць, што злішчынае ўзаімадзеянне з гаджэтамі можа прыво-

дзіць да задыржкі фізічнага і умственага развіцця, спосабствуе развіццю павышанай імпульсіўнасці, парушэнням сна, схільнасці да ажырэння, павелічэнню трывожнасці і рыску з'яўлення дэпрэсіі, зніжэнню самарэгуляцыі [11].

Актыўнае існаванне ў камунікацыі апусредуючых інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогіяў прыводзіць да новых непрадказуемых эфектаў, якія ўплываюць на працэсы сацыялізацыі дзіцяці ў сям'і. У аснове інтэреса да гэтай бокі сямейнага жыцця знаходзіцца праблема пераклучэння ўвагі роднасцаў на існаванне мабільных тэхналогіяў з шкоды заботы аб дзіцяці. Прычым пастаянная даступнасць тэхналогіяў і мабільнай сувязі ў сааветанні з сацыяльным цісненнем, прымушаючым хутка рэагываваць на званкі і сааветы, прыводзіць да павелічэння існавання тэхналогіяў і ў ааветым да залежнасці ад мабільных устравы. Роднасцы, якія існаваюць сваі тэлефоны ў часе ўзаімадзеяння з дзіцяці, менш чывствывальныя і хутка рэагываюць як вербальна, так і невербальна на просьбы сваіх дзіцяці аб увазе, што пэаветыяльна можа спосабстваваць зніжэнню якасця дзіцяча-роднасцкага ўзаімадзеяння. Кромэ таго, дзіцяці неааветанна існаваюць рысываванае паведззене, прызначанае прывлечць роднасцкае увазе, што павелічвае дзіцячае

травматизм. Американские исследователи С. А. Kildare and W. Middlemiss, подробно изучавшие данную проблему, делают вывод о негативном влиянии, которое оказывает отвлечение родителей на использование мобильных устройств на безопасность ребенка, а также на эмоциональное состояние ребенка и, как результат, ослаблении детско-родительских связей. «Дети могут воспринимать своих родителей как эмоционально недоступных, если их технологическая вовлеченность препятствует взаимодействию между родителями и детьми» [12].

Наиболее проблемным представляется вопрос о возможностях родительского контроля за действиями и сообщениями, оставляемыми подростками в социальных сетях. Так, например, родители и подростки в целом согласны с тем, что родители обладают полномочиями контролировать поведение своих детей-подростков. Но проблема касается определения границ личной, конфиденциальной сферы подростка. Подростки претендуют на более широкие границы личной свободы, что родители часто считают нецелесообразным. Другая сторона проблемы касается определения собственника информации, т. к. некоторую информацию в качестве своей конфиденциальной могут рассматривать сразу несколько членов семьи. В данном случае речь идет о выработке и установлении правил конфиденциальности [13].

Результаты проведенного исследования показали, что для минимизации рисков использования информационных технологий в рамках семейного взаимодействия молодежь считает необходимым устанавливать контроль за потребляемым контентом (41,9 %) и устанавливать пароли для защиты личной информации (41,7 %). В отличие от старшей возрастной группы (50 лет и старше), в своем большинстве считающей, что для минимизации риска использования Интернета в семье необходимо ограничивать время пребывания детей в сети (53,8 %), только для незначительного числа молодежи (28,2 %) эта стратегия представляется правильной. Среди молодежи разных возрастов (16–20 лет, 21–25 лет и 26–31 год) отсутствуют ярко выраженные различия во мнениях относительно стратегий минимизации риска использования Интернета. Опрошенные (26–31 год), многие

из которых уже имеют детей, чаще указывают на необходимость ограничения времени пребывания детей в Интернете (32,2 %). Среди самой младшей подгруппы наиболее распространено представление о необходимости защиты информации (47,4 %). Но в целом, предпочитаемые стратегии минимизации рисков использования Интернета для детей сходны среди 16–20-летних и 25–31-летних.

Заключение

Представления молодежи об ответственном родительстве носят мозаичный характер. Прежде всего, обращает на себя внимание, что «ответственное родительство» конструируется не как однородный феномен, определяющий схожее поведение родителей относительно ребенка. В представлениях молодежи его содержание соотносится с гендерными ролями. Молодые женщины имеют более сформированные представления об ответственном родительстве. Причем представления об ответственной матери содержательно приближены к внутренней составляющей феномена (направленности на интересы и личность ребенка), хотя для большего числа молодых людей ответственное родительство определяется через его внешнюю составляющую – ответственность за здоровье и материальное благополучие.

Несмотря на то что концепция «ответственного родительства» предполагает высокую степень гендерного равенства и указывает на одинаковую вовлеченность мужчин и женщин в воспитание, полученные данные актуализируют проблему сохранения стереотипных представлений о мужских и женских ролях в семье. Декларируя в качестве желаемого как на бытовом уровне, так и в официальной лексике государственной семейной политики – изменение поведения мужчин в сторону большей вовлеченности в бытовые обязанности и заботу о детях, население демонстрирует приверженность традиционным социальным нормам. Причем эти нормы транслируют молодые мужчины и женщины. Следует отметить, что женщины своими ожиданиями и установками могут ограничивать семейное поведение мужчин до традиционной роли кормильца, обеспечивающего семью. С другой стороны, приверженность

традиционным стереотипным представлениям свидетельствует о недостатке знаний о преимуществах ответственного отцовства как для развития и воспитания детей, так и для самих мужчин и семейных отношений.

Более конкретные представления об ответственном родительстве формируются в процессе взросления, а также являются результатом родительского опыта с пересмотром в сторону расширения сфер ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ответственность [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. – Режим доступа: <https://terme.ru/termin/otvetstvennost.html>. – Дата доступа: 26.01.2022.
2. Беляева, Е. В. От этики ценностей к этике ответственности / Е. В. Беляева // Личность и общество. Ценности в современном мире: поиск баланса : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Мокроносские чтения – 2020», Екатеринбург, 25 янв. 2020 г. / Урал. федер. ун-т ; отв. ред. Н. П. Цепелева. – Екатеринбург, 2020. – С. 3–7.
3. Чернова, Ж. Семья и родительство / Ж. Чернова, Л. Шпаковская // Социодиггер. – 2020. – Т. 1, вып. 2. – 38 с.
4. Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т. А. Гурко // СоцИс. – 1997. – № 1. – С. 72–79.
5. Гурко, Т. А. Качество родительства в молодых семьях [Электронный ресурс] / Т. А. Гурко // Актуальные проблемы родительства в России : сб. ст. / Ин-т социологии РАН ; отв. ред. Т. А. Гурко. – М. : Ин-т социологии РАН, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/-docs/filecdf0f8a76b95e004.PDF>. – Дата доступа: 19.10.2017.
7. Об ответственном родительстве [Электронный ресурс] : Закон Республики Саха (Якутия), 14 марта 2016 г., № 738-V : с изм. от 24 дек. 2020 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/438842306>. – Дата доступа: 17.05.2021.
8. Смирнова, Е. Г. Психолого-педагогическое сопровождение формирования осознанного родительства в молодой семье : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. Г. Смирнова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
9. Смык, Ю. В. Модель ответственного родительства / Ю. В. Смык // Воспитание: региональный аспект. Проблемы, пути решения, опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Иркутск, 27–28 марта 2019 г. / Иркут. гос. ун-т. ; редкол.: Е. Л. Федотова [и др.]. – Иркутск, 2019. – С. 272–275.
10. Безрукова, О. Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях / О. Н. Безрукова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 216 с.
11. Шнейдер, Л. Б. Цифровые аддикты: формирование новых зависимостей и изменение личности молодого человека / Л. Б. Шнейдер // Актуал. проблемы психол. знания. – 2017. – № 1 (42). – С. 72–80.
12. Kildare, C. A. Impact of parents mobile device use on parent-child interaction: A literature review / C. A. Kildare, W. Middlemiss // Computers in Human Behavior. – 2017. – № 75. – P. 579–593.
13. Disclosure and secrecy in adolescent-parent relationships / J. G. Smetana [et al.] // Child Development. – 2006. – Nr 77 (1). – P. 201–217.

REFERENCES

1. Otvietstviennost' [Elektronnyj riesurs] // Nacional'naija enciklopedichieskaija sluzhba. – Riezhim dostupa: <https://terme.ru/termin/otvetstvennost.html>. – Data dostupa: 26.01.2022.
2. Bieliajeva, Ye. V. Ot etiki cennostiej k etikie otvietstviennosti / Ye. V. Bieliajeva // Lichnost' i obshchestvo. Cennosti v sovriemiennom mirie: poisk balansa : materijaly Vsieros. nauch.-prakt. konf. s meizhdunar. uchastijem «Mokronosovskije chtienija –2020», Jekatierinburg, 25 janv. 2020 g. / Ural. fiedier. un-t ; otv. ried. N. P. Cepielieva. – Jekatierinburg, 2020. – S. 3–7.

3. Chiernova, Zh. Siem'ja i roditiel'stvo / Zh. Chiernova, L. Shpakovskaja // Sociodigger. – 2020. – T. 1, vyp. 2. – 38 s.
4. Gurko T. A. Roditel'stvo v izmieniajushchikhsia sociokul'turnykh uslovijakh / T. A. Gurko // SocIs. – 1997. – № 1. – S. 72–79.
5. Gurko, T. A. Kachiestvo roditiel'stva v molodykh siem'jakh [Elektronnyj riesurs] / T. A. Gurko // Aktual'nyje problimy roditiel'stva v Rossii : sb. st. / In-t sociologii RAN ; otv. ried. T. A. Gurko. – M. : In-t sociologii RAN, 2013. – 1 eliektron. opt. disk (CD-ROM).
6. Gosudarstviennaja programma «Zdorov'je naroda i diemografichieskaja bezopasnost' Riestpubliki Bielarus'» na 2016–2020 gg. [Elektronnyj riesurs] : utv. postanovlienijem Sovieta Ministrov Riestp. Bielarus', 14 marta 2016 g., № 200. – Riezhim dostupa: <http://www.government.by/upload/docs/filecdf0f8a76b95e004.PDF>. – Data dostupa: 19.10.2017.
7. Ob otvietstviennom roditiel'stvie» [Elektronnyi resurs] : Zakon Riestpubliki Sakha (Jakutija), 14 marta 2016 g. № 738-V : s izm. ot 24 diek. 2020 g. – Riezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/438842306>. – Data dostupa: 17.05.2021.
8. Smirnova, Ye. G. Psikhologo-piedagogichieskoje soprovozhdienije formirovanija osoznanogo roditiel'stva v molodoy siem'je : avtorief. dis. ... kand. psikhol. nauk : 19.00.07 / Ye. G. Smirnova ; Ural. gos. pied. un-t. – Jekatierinburg, 2009. – 23 s.
9. Smyk, Yu. V. Model' otvietstviennogo roditiel'stva / Yu. V. Smyk // Vospitanije: rieional'nyj aspiekt. Problimy, puti rieshenija, opyt : materialy Vsieros. nauch.-prakt. konf s miezhdunar. uchastijem, Irkutsk, 27–28 marta 2019 g. / Irkut. gos. un-t. ; riedkol.: Ye. L. Fiedotova [i dr.]. – Irkutsk, 2019. – S. 272–275.
10. Biezrukova, O. N. Riesursy i sieti poddierzki otvietstviennogo roditiel'stva v molodykh siem'jakh / O. N. Biezrukova. – SPb. : Izd-vo S.-Pietierb. un-ta, 2011. – 216 s.
11. Shnejder, L. B. Cifrovyje addikty: formirovanije novykh zavisimostiej i izmienienije lichnosti molodogo chielovieka / L. B. Shnejder // Aktual. problimy psikhol. znaniya. – 2017. – Vyp. № 1 (42). – S. 72–80.
12. Kildare, C. A. Impact of parents mobile device use on parent-child interaction: A literature review / C. A. Kildare, W. Middlemiss // Computers in Human Behavior. – 2017. – № 75. – P. 579–593.
13. Disclosure and secrecy in adolescent-parent relationships / J. G. Smetana [et al.] // Child Development. – 2006. – Nr 77 (1). – P. 201–217.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.03.2022

УДК 316.346.32-053.9:[379.82:004](476)

Евгения Юрьевна Смыкова¹, Снежана Николаевна Воронина²

¹канд. социол. наук, зав. отделом социологии культуры

Института социологии Национальной академии наук Беларуси

²магистр экономики, мл. науч. сотрудник отдела социологии культуры

Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Evgeniya Smykova¹, Snezhana Voronina²

¹PhD of Sociological Sciences, Head of the Department of Cultural Sociology
of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

²Master of Economics, Junior Research Fellow of the Department of Cultural Sociology
of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: ¹evgsmykova@gmail.com; ²snevoron@gmail.com

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Обоснована актуальность исследования проблематики пожилых людей, в частности вопросов реализации ими досуговых практик в условиях активной цифровизации общества. Выявлено, что досуговые практики пожилых людей, как правило, носят пассивный характер, проективные установки относительно организации свободного времени связаны с выбором его активных форм. Мотивы пожилых людей по реализации досуговых практик обусловлены потребностью в общении с ближайшим окружением, которое и выступает ключевым актором социально-досуговой группы. Принципиально важным фактором, влияющим на выбор пожилыми людьми досуговых практик, выступает ценовая доступность. Рассмотрены вопросы использования пожилыми людьми медиа с целью отдыха и развлечения. Зафиксирована слабая степень включенности пожилых людей Беларуси в досуговые практики, реализуемые посредством использования технологических инноваций.

Ключевые слова: пожилые люди, досуговые практики, желаемые досуговые практики, цифровые технологии, социально-досуговая группа.

Leisure Practices of the Belarusian Aged People in the Context of Digitalization of Society

The introduction of the article indicates the relevance of studying the problems of aged people. In particular, the issues of their implementation of leisure practices in the context of digitalization of society. It was revealed that the leisure practices of the aged people as a rule are passive. Projective attitudes regarding the organization of free time are associated with the choice of active forms. The reasons pursued by the aged people in the implementation of leisure practices are due to the need to communicate with relatives. Relatives are main actors in the social and leisure group. A fundamentally important factor is affordability influencing the choice of leisure practices by aged people. In addition, the issues of the use of media by aged people are considered for leisure and entertainment. A weak degree of inclusion of aged people in Belarus in leisure practices has been recorded with use technological innovations.

Key words: aged people, leisure practices, desired leisure practices, digital technologies, social and leisure group.

Введение

Выход на пенсию предполагает существенное изменение образа жизни человека. Значительное сокращение времени, отводимого на реализацию профессиональной деятельности, либо вовсе ее отсутствие приводит к снижению количества социальных контактов, сужению круга общения, трансформации структуры потребностей. В этом плане важным инструментом решения проблемы включенности пожилых людей в общество и сохранения социальных связей является досуг. Сфера досуга выступает свое-

го рода компенсаторным механизмом, призванным минимизировать нехватку социальных контактов среди пожилых людей и, наконец, предотвратить их социальную изоляцию. В зарубежной практике уже активно продвигается идея взаимосвязи включенности пожилых людей в досуговые практики и таких категорий, как «успешное старение», «удовлетворенность жизнью».

Необходимость организации досуга пожилых людей, предполагающего активное взаимодействие с социальной средой, является одним из условий повышения ка-

чества жизни пожилых людей. Для Республики Беларусь проблема улучшения качества жизни пожилых людей является одной из ключевых, т. к. количество представителей данной возрастной группы постоянно увеличивается и важно обеспечить им качественное удовлетворение социальных и культурных потребностей. В данном контексте в качестве наиболее действенного инструмента следуют рассматривать современные технологии, которые позволяют полноценно вовлекать пожилых людей в социальную среду, адаптироваться к новым условиям современности и обеспечивать доступность общественных благ. Важно, чтобы пожилые люди были включены в цифровую среду и использовали современные технологии как в повседневности, так и в досуговой сфере, для улучшения качества и условий жизни.

Характеристика досуга пожилых людей в Беларуси

Значимой составляющей проведения активного досуга пожилыми людьми является наличие соответствующей инфраструктуры. По данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в декабре 2020 г. (N = 2 099, N пожилых людей = 510), 46,9 % пожилых людей в Беларуси (здесь и далее под пожилыми людьми понимаются люди 60+) удовлетворены возможностями для отдыха и проведения досуга в своем населенном пункте. 44,9 % респондентов данной возрастной группы довольны работой учреждений культуры, 26,1 % – работой спортивно-оздоровительных объектов в населенном пункте, в котором они проживают. Отметим, что тип населенного пункта, в котором проживают пожилые люди, не влияет на удовлетворенность возможностями для отдыха и проведения досуга, работой учреждений культуры, спортивно-оздоровительных объектов, т. к. значимых статистических различий по данным показателям между пожилыми людьми, проживающими в городской и сельской местности, не обнаружено.

Трансформация содержания досуговых практик пожилых людей в силу интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий обусловила необходимость их исследования в контексте новой социокультурной ситуации современ-

ного общества. Опираясь на данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2019 г. (N = 1 947, N пожилых людей = 411), следует сказать, что основная досуговая практика пожилых людей – это «отдых дома» (92,2 %). В числе приоритетных также оказались такие формы досуговых практик, как «походы в гости» (47,1 %), «выезд на природу» (34,4 %) и «занятие любимым делом» (39,0 %). Пятая часть респондентов данной возрастной категории отметила, что посещает торговые, торгово-развлекательные центры и проводит досуг в интернет-пространстве.

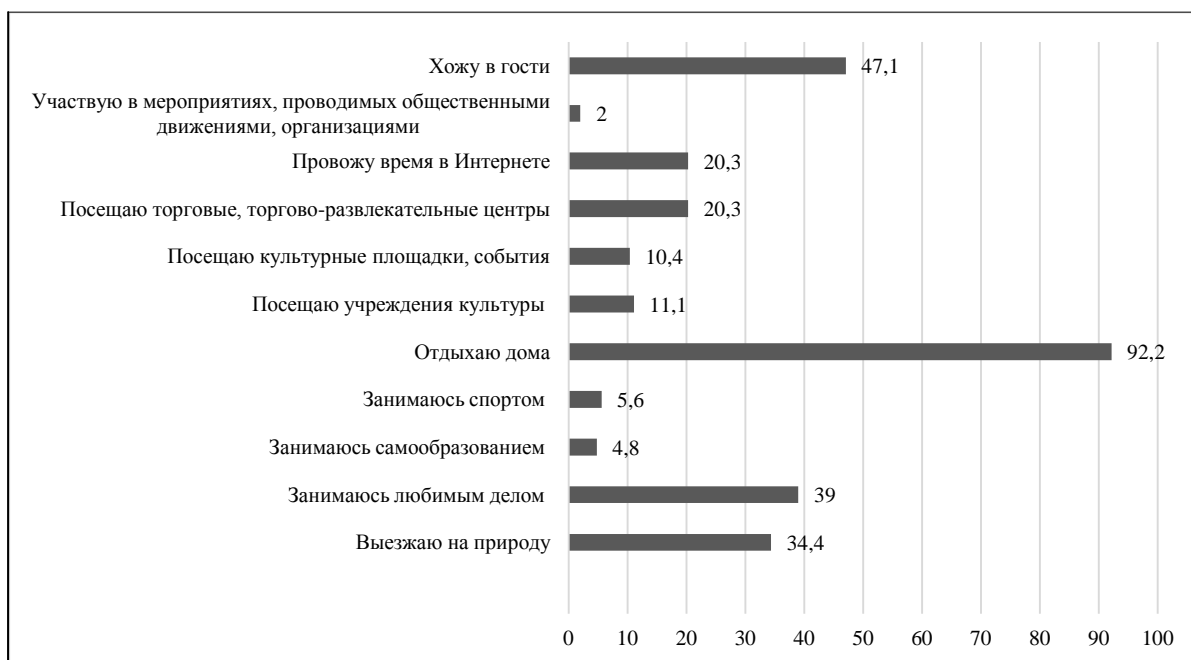
Каждый десятый опрошенный отдает предпочтение культурным формам проведения свободного времени, а именно «посещению учреждений культуры (театров, музеев, концертных залов, кинотеатров) и культурных площадок, событий». В числе менее распространенных досуговых практик среди пожилых людей оказались «занятие спортом, фитнесом» (5,6 %), «самообразование на курсах и тренингах» (4,8 %), а также общественно-политическая деятельность, в частности «участие в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями, организациями» (2,0 %).

Итак, выбор в качестве приоритетной пассивной формы проведения досуга «отдых дома» вполне очевиден, поскольку возрастные особенности пожилых людей накладывают соответствующие ограничения в плане включенности в более активные досуговые практики (рисунок 1).

Принципиально важным в исследовании особенностей проведения свободного времени пожилых людей выступает сравнение фактических и желаемых досуговых практик. Такой анализ позволит выстроить проективные установки данной возрастной группы относительно специфики реализации и организации досуга. На основе анализа данных были выявлены две диаметрально противоположные тенденции: с одной стороны, зафиксировано существенное снижение значимости таких досуговых практик, как «отдых дома» и «походы в гости»; с другой стороны, наблюдается рост значений остальных желаемых досуговых практик, а в некоторых случаях более чем в несколько раз превышаются показатели фак-

тических (это касается и «занятий самообразованием, спортом», и «посещений учреждений культуры и культурных площадок», «участия в мероприятиях, проводимых об-

щественными или политическими движениями, организациями»). Существенные изменения не коснулись пункта «занятие любимым делом» (рисунок 2).

Примечание – сумма вариантов ответов превышает 100 %, поскольку респонденту предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Рисунок 1. – Структура досуговых практик пожилых людей, %

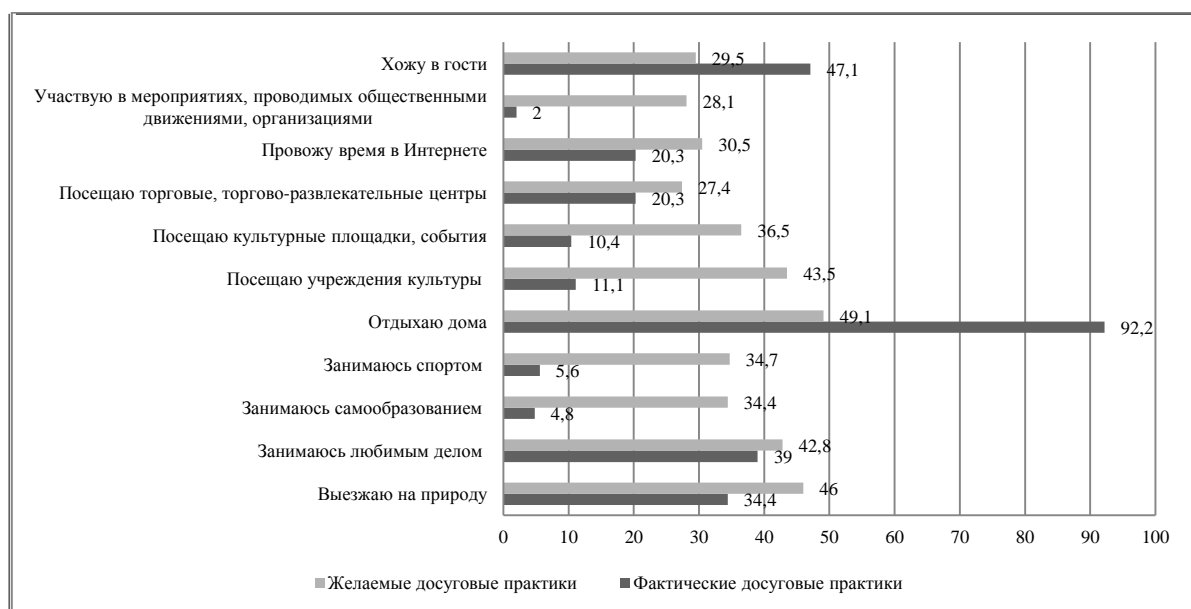

Рисунок 2. – Иерархия фактических и желаемых досуговых практик, %

Выбор досуговых практик детерминирован конкретными мотивами, которые преследует пожилой человек в процессе их реализации, и эти мотивы имеют широкий спектр направлений как рекреационного, так и эстетического порядка. Согласно по-

лученным социологическим данным, ключевое значение для пожилых людей имеет «возможность провести свободное время с ближайшим окружением – семьей» (4,5), «друзьями, близкими» (4,4), в т. ч. и «желание улучшить здоровье, поддержать хоро-

шую фізічную форму» (4,1), што ўпоўна логічна для данай ўзроставай катэгорыі рэспандэнтаў (для карэктнага прадстаўлення атрыманых даных існавала сярэдняе значэнне прызнака, якое вар'іравалася ў дыяпазоне ад 1 да 5, дзе 1 – «усё неважна», 5 – «поўнасьцю важна»).

Сярод іншых значымых мотываў выдзяляецца намерэнне пажылых людзей «получить новые знания, расширить кругозор» (3,7), а таксама «желание ничего не делать, отдохнуть» (3,6). Крайнія пазіцыі займаюць варыянты, якія адначасова маюць дастаткова істотныя паказателі – вышэй сярэдняга, аказаліся мотывы альтруістычнасці («возможность принести пользу обществу» – 3,2) і эстэтычнасці («возможность приобщиться к искусству, получить эстетическое наслаждение» – 3,2) накіраваннасці.

Асабым пунктам у працэсе рэалізацыі досуговых практык выдзяляецца аналіз сацыяльна-дасуговай групы ілі, іншымі словамі, існаванне ці адсутнасць партнёра, з якім рэспандэнт праводзіць свабоднае час. Данні аспект мае прынцыпальна важнае значэнне, паколькі выхад чалавека на пенсію падразумевае ў вызначаным ступені істотнае сужэнне сацыяльных кантактаў. Прымаючы гэта ўлічваючы пажылыя людзі праводзяць досуг з членамі свайго сям'і (4,2). Час ад часу прадстаўнікі данай ўзроставай групы схільны аддаваць перавагу досуговым практыкам, арганізаваным

са з сябрамі, любімым чалавекам (3,1), іншымі родственікамі і ў адночымстве (3,0). Рэжа ўсё пажылым людзям свабоднае час дзяліць са калегамі (2,0) і выпадковымі знаёмымі (1,9) (1 – «нікогда», 5 – «пастаянна»).

У наш час існаваць шырокі дыяпазон арганізацый у індустрыі досуга, розных па зместу і кіраванасці, якія забяспечваюць рэалізацыю «внядомашніх» форм досуговых практык. «Запоўненасць» свабоднага часу внядомашнімі досуговымі практыкамі непасрэдна адбіваецца на камунікатывнай складальнай частцы жыцця пажылага чалавека, забяспечваючы яго ўключанасць у сацыум.

Як было адзначана, у структуры досуговых практык пажылых людзей вызначанае месца займае правядзенне свабоднага часу ў ўстаноўках культуры (па даным апытання за студзень 2020 г.). І перавагу аддаецца паркам адпачынку. Дастаткова вострабаваанымі сярод данай ўзроставай групы з'яўляюцца такія прасторавыя плошчкі, як кінатэатры (47,3 %), канцэртныя залы (44,6 %), тэатры (41,1 %) і музеі (40,2 %). Чым больш за трэці рэспандэнтаў наведваюць установы спартывнай накіраваннасці: тренажэрны зал, басейн (38,6 %), а таксама бібліятэку (37,3 %). Менш актуальнымі для пажылых людзей аказаліся такім варыянт адказа, як «клубы, дзе праходзяць заняткі па інтарэсам» (табліца 1).

Табліца 1. – Пасецаемасць устаноў культуры і спорту, %

Варыянты адказаў	
Парк адпачынку	65,8
Кінатэатр	47,3
Канцэртны зал	44,6
Тэатр	41,1
Музей	40,2
Спартывны зал, басейн	38,6
Бібліятэка	37,3
Клуб, дзе праходзяць заняткі па інтарэсам	18,8

Расшырэнне зместу досуговых практык можа ажыццяўляцца за ліч актывнай інфармацыйнай палітыкі, праводзімай прасторавымі плошчкімі для рэалізацыі досуговых практык насельніцтва ў т. ч. і пажылых людзей. Апіраючыся на атрыманыя даныя, можна канстатываць, што ключавым крыніцам атрыманні інфарма-

цыі аб будучых культурных мерапрыемствах з'яўляецца тэлебачанне (62,3 %). У паловіне выпадкаў пажылыя людзі схільны падаваць на меру блізкага асяроддзя (родственікамі, сябрамі, знаёмымі). Фактычна трэць людзей пажылага ўзроста ў пошуках падобнай інфармацыі абадаецца да друкаваным выданням – газетам і часопісам.

Каждый шестой респондент для получения информации о предстоящих культурных мероприятиях прибегает к радио. Около 13 % пожилых людей узнают об анонсах мероприятий из социальных сетей. Столь низкие значения по данному показателю объясняются достаточно слабой включенностью пожилых людей в социальные сети, поскольку

только треть данной возрастной группы имеет аккаунты в соцсетях. Меньше 10 % активно прибегает к поиску информации посредством рекламных постеров. Абсолютно невостребованными среди пожилых людей оказались сайты учреждений культуры (3,3 %), интернет-источники (2,5 %) и «другие источники» (1,8 %) (таблица 2).

Таблица 2. – Источники получения информации о культурных мероприятиях, %

Варианты ответов	
Телевидение	62,3
Советы родственников, друзей, знакомых	54,7
Печатные издания	31,6
Радио	14,9
Социальные сети	12,7
Рекламные постеры	9,8
Сайты учреждений культуры	3,3
Другие интернет-источники	2,5
Другие источники	1,8

Примечание – Сумма вариантов ответов превышает 100 %, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Выбор форм досуговых практик детерминирован рядом факторов как объективного, так и субъективного характера, которые в определенной мере определяют «заполненность» свободного времяпрепровождения людей пожилого возраста, а также доступность определенных его видов. Определяющим фактором при выборе культурного мероприятия, учреждения является его ценовая доступность (51,6 %) (по данным опроса за 2019 г.). Кроме того, принципиально важны респондентам советы ближайшего окружения (37,7 %), территориальная доступность культурного учреждения и самого мероприятия (36,7 %). Для четверти респондентов первостепенным ус-

ловием посещения культурного учреждения выступает семейная традиция, для пятой части весомым является качество предоставляемых услуг и личная привязанность, привычка. В пределах 6,9–12,5 % находятся такие объективные факторы, как удобный режим работы учреждения, престижность мероприятия, наличие публикаций в СМИ и участие популярных исполнителей. Особого значения граждане пожилого возраста не придают таким факторам, как наличие широкой рекламной кампании мероприятия, учреждения (5,5 %), а также эксклюзивность мероприятия (4,5 %) и следование модным тенденциям (2,4 %) (таблица 3).

Таблица 3. – Факторы, влияющие на решение пожилых людей посетить культурное мероприятие/учреждение, %

Варианты ответов	
Ценовая доступность	51,6
Советы друзей, знакомых	37,7
Территориальная доступность	36,7
Семейная традиция	24,2
Качество предоставляемых услуг	21,8
Личная привязанность, привычка	21,1
Удобный график, режим работы	12,5
Престижность мероприятия	8,3
Публикации в СМИ о предстоящем мероприятии	7,6
Участие в мероприятии популярных исполнителей	6,9
Широкая рекламная кампания учреждения	5,5
Эксклюзивность мероприятия	4,5
Следование модным тенденциям	2,4

Использование цифровых технологий

Согласно представленным выше данным, досуговые практики пожилых людей носят достаточно ограниченный характер и связаны, как правило, с выбором домашних его форм. Именно благодаря интенсивному развитию цифровых технологий возможно более широкое включение пожилых людей, впрочем, как и всего остального населения, в досуговое пространство. Рассмотрим подробнее, как пожилые люди в Беларуси применяют современные технологии для организации своего досуга.

Одним из показателей цифровизации досуговых практик является использование пожилыми людьми информационно-коммуникационных технологий для организации своего досуга. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь по состоянию на 2020 г. 98,1 % населения Беларуси имеют телевизор, 90,9 и 98,7 % – стационарный и мобильный телефон соответственно, 71,2 % – персональный компьютер, а 85,1 % населения имеют доступ к сети Интернет (в 2014 г. – 63,6 %). В возрастной группе 55–64 года доступ к сети Интернет имеют 72,6 % населения (в 2014 г. – 33,3 %), а в возрастной группе 65–72 года – 48,5 % населения (в 2014 г. – 16,3 %) [1, с. 81].

Более подробно специфику использования пожилыми людьми цифровых технологий в повседневных и досуговых практиках можно проследить на основе социологических данных. Согласно результатам исследования, проведенного в январе 2020 г. (N= 2 765, N пожилых = 607), ежедневно для выхода в сеть Интернет пожилые люди используют смартфон (28,5 %) и телевизор со смарт-ТВ (33,0 %). Для просмотра телевизионных программ (93,4 %), а также фильмов и сериалов (90,2 %) пожилые люди предпочитают использовать телевизор. Мессенджерами представители данной возрастной группы чаще пользуются со смартфона (26,2 %), так же как и читают новости (15 %).

Важным моментом является то, что многие досуговые практики, такие как прослушивание интернет-радио и подкастов, просмотр видеороликов, лекций и стримов,

чтение электронных газет и журналов, книг, блогов, а также онлайн-игры не востребованы пожилыми людьми в Беларуси. Наиболее популярным медиа, используемым для отдыха и в качестве развлечения, у пожилых людей является телевидение (76,1 %). Печатные издания (газеты, журналы) и радио с этой целью применяют 27,6 и 22,8 % пожилых людей соответственно.

Важной составляющей современного досуга является внедрение в данную сферу технологических инноваций. Отметим, что пожилые люди в Беларуси не заинтересованы в использовании инноваций, чтобы иметь больше возможностей для отдыха и досуга. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований. Так, согласно данным исследования за декабрь 2020 г., только 10,4 % пожилых людей использовали инновации (новые устройства, оборудование, онлайн-сервисы и др.) для проведения своего досуга (в 2018 г. – 17,9 %). Можно утверждать, что в период с 2018 по 2020 г. число пожилых людей, использующих инновации для досуга и отдыха, не изменилось, т. к. не было обнаружено значимых статистических различий по данным показателям ($P = 0,05$, $F = 1,082$, доверительный уровень – 95 %).

Наиболее наглядным примером в этом контексте выступает использование цифровых технологий в вопросах информированности пожилых людей относительно планируемых культурных мероприятий, проектов, событий. Качественное информационное сопровождение различных культурных мероприятий способно значительно расширить и разнообразить содержание досуга пожилых людей. Выявлено, например, что посредством SMS, e-mail, чат-ботов получают информацию о предстоящих культурных мероприятиях только 2,2 % пожилых людей. Проявляет заинтересованность в получении сведений таким способом каждый десятый респондент. Абсолютное большинство пожилых людей (86,4 %) скептически относится к таким новшествам и не желает пользоваться такой возможностью (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение вариантов ответов на вопрос, «Хотели бы Вы получать информацию о культурных мероприятиях Вашего города посредством SMS, e-mail, чат-ботов о предстоящих культурных мероприятиях Вашего города?», %

Варианты ответов	
Я уже получаю	2,2
Да, я хотел бы получать	11,4
Нет, мне это неинтересно	86,4

Остановимся более предметно на анализе соотношения наличия/отсутствия возможности и готовности пожилых людей использовать цифровые технологии в досуговых практиках. Отметим, что согласно данным исследования за декабрь 2020 г., только 14,0 % из опрошенных пожилых людей имеют возможность и используют для своего досуга такие цифровые возможности, как онлайн-просмотр интернет-трансляций спортивных, культурных и других событий, виртуальное посещение различных мест, а также заказ и покупку товаров и услуг через Интернет (в т. ч. сервисы онлайн-покупки билетов).

К возможностям дистанционного образования и онлайн-обучения (профессиональное обучение, курсы, мастер-классы, электронные библиотеки и т. д.) обращаются только 3,5 % пожилых людей. Электронные книги в своем досуге используют 5,0 % пожилых людей (при этом 20 % при наличии возможности не используют эти цифровые технологии в своей жизнедеятельности, а количество пожилых людей, которые хотели бы их применять, не превышает 10 %). Но еще более важным показателем является то, что половина опрошенных пожилых людей не заинтересованы в использовании цифровых технологий (таблица 5).

Таблица 5. – Использование цифровых технологий в сфере досуга пожилыми людьми в Республике Беларусь, %

	Имею возможность пользоваться		Нет возможности пользоваться	
	Пользуюсь	Не пользуюсь	Хотел бы воспользоваться	Мне это не нужно
Заказ и покупка товаров и услуг через Интернет	14,3	21,0	8,4	45,4
Онлайн-просмотр интернет-трансляций спортивных, культурных и др., виртуальное посещение различных мест	14,5	20,6	7,9	42,6
Электронные книги	5,0	18,8	7,2	52,0
Дистанционное образование, онлайн-обучение	3,5	17,7	6,7	54,2
Интерактивное телевидение	23,6	15,4	7,9	35,8

Итак, в динамике значимых изменений в структуре использования цифровых технологий в досуговой сфере пожилыми людьми по сравнению с 2018 г. не произошло. Статистические различия были выявлены только в использовании интернет-мессенджеров ($P = 0,05$, $F = 1,971$, доверительный уровень – 95 %). Так, в 2018 г. интернет-мессенджерами (Skype, Viber, Telegram) пользовались 21,4 % пожилых людей, в декабре 2020 г. – 32,5 %. По остальным показателям значимых статистических различий не выявлено ($P = 0,05$, $F = 1,082$, доверительный уровень – 95 %).

Подытоживая, следует отметить, что пожилые люди не только не используют цифровых технологий для расширения возможностей своего досуга и отдыха, но и не заинтересованы в освоении этих технологий.

Отношение к цифровым технологиям

Одним из факторов, который оказывает влияние на использование современных технологий пожилыми людьми в повседневных практиках, является их отношение в целом к технологическим инновациям. Так, по данным социологического исследования за декабрь 2020 г., большинство пожилых людей позитивно относятся к но-

вым технологиям. Отметим, что 70,8 % респондентов данной возрастной группы считают, что благодаря науке и технологиям появляется больше возможностей для будущих поколений, а 61,5 % считают, что новые технологии делают жизнь более здоровой, легкой и комфортной. Вместе с тем 32,4 % пожилых людей в Республике Беларусь отмечают, что новые технологии делают жизнь более беспокойной и опасной, а 41,7 % и вовсе ссылаются на то, что научные и технологические разработки могут иметь непредвиденные побочные эффекты, которые вредны для здоровья человека и окружающей среды. При этом только 3,0 % пожилых людей в Беларуси с удовольствием разбираются со всеми доступными технологическими новинками и по возможности используют их в своей жизни, а 15,0 % пожилых людей испытывают трудности при освоении новинок.

Важным показателем является то, что 29,1 % пожилых людей стараются избегать

в повседневных практиках технологических новинок и стараются использовать их только по необходимости, а 36,4 % негативно относятся к широкому внедрению технологических новинок и стараются обходиться без них.

При анализе отношения пожилых людей к современным технологиям важно понять, что удерживает данных респондентов от освоения и внедрения технических новинок в повседневную жизнь. Так, согласно результатам исследования за декабрь 2020 г., основными сдерживающими факторами являются отсутствие желания разбираться в новых технологиях и услугах (30,7 %), разнообразие и сложность современных технологий и трудности, связанные с пониманием того, как они работают и как ими пользоваться (29,4 %), недостаток знаний (24,6 %), а также отсутствие либо нехватка навыков использования технических новинок (24,3 %) (рисунок 3).

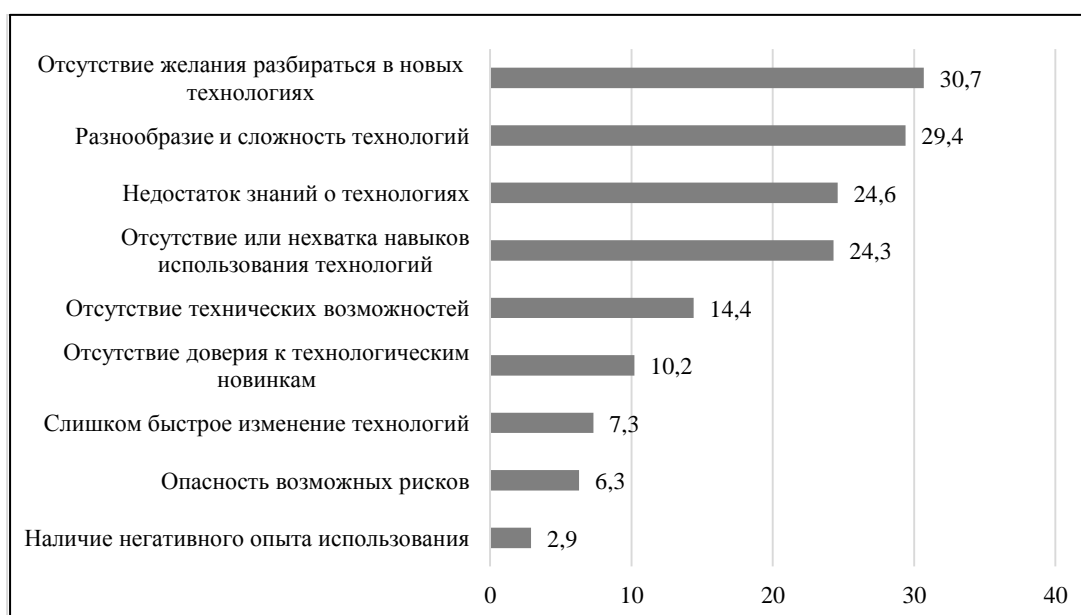

Рисунок 3. – Причины, сдерживающие освоение и внедрение технических новинок пожилыми людьми в повседневную жизнь, %

Заключение

Активное развитие сферы цифровых технологий вносит существенные коррективы в содержание и направления развития современного общества, затрагивая все без исключения категории населения. Наиболее уязвимыми в этом плане являются представители старшей возрастной группы. Выход на пенсию, предполагающий существенное

сокращение включенности пожилых людей в профессиональную деятельность и увеличение объема свободного времени, приводит к трансформации как содержания, так и структуры повседневных и досуговых практик данной возрастной группы. Согласно результатам социологических исследований, досуговые практики пожилых людей носят пассивный характер и связаны, как

правило, с выбором домашних форм проведения свободного времени, в то время как желаемые досуговые практики смещаются в сторону активных направлений. Реализация досуговых практик пожилых людей связана с семейным фактором: это касается и мотивационного компонента, и социально-досуговой группы, и информационной составляющей.

Слабая включенность цифровых технологий в досуговые практики пожилых людей существенно сужает их содержание и, как результат, не позволяет данной категории населения полноценно находиться в пространстве повседневности. Большинство пожилых людей в Беларуси используют технологические новинки по необходимости или вовсе стараются избегать их. Незначительная часть пожилых людей с удовольствием разбирается с технологическими новинками и использует их в своей жизни.

Применение инноваций для проведения своего досуга также не является широко распространенной практикой среди пожилых людей. Основными причинами, сдерживающими освоение и внедрение технических инноваций пожилыми людьми в повседневную жизнь, являются отсутствие желания разбираться в новых технологиях и услугах, а также разнообразие и сложность использования данных технологий. Вместе с тем большинство пожилых людей в целом к цифровым технологиям относится положительно. Основная проблема заключается в том, что пожилые люди в Беларуси не только исключены из досуговых практик, реализуемых на основе технологических инноваций, но и не заинтересованы в расширении присутствия цифровых технологий в повседневных практиках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики // Информационное общество в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; ред.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск, 2021. – 96 с.

REFERENCES

1. Nacional'nyje statistichieskije pokazatieli razvitija cifrovoj ekonomiki // Informacionnoje obschestvo v Riespublikie Bielarus' : stat. sb. / Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus' ; ried.: I. V. Miedvie-dieva [i dr.]. – Minsk, 2021. – 96 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 10.03.2022

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

СВЯТОСЛАВ ТИХОНОВИЧ КАВЕЦКИЙ (29.03.1953 – 03.04. 2022)

3 апреля 2022 г. в возрасте 69 лет ушел из жизни Святослав Тихонович Кавецкий, член редколлегии журнала «Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия. Политология. Социология», один из его постоянных и активных авторов, ученый-социолог, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Святослав Тихонович родился 29 марта 1953 г. в г. п. Антополь Дрогичинского района Брестской области. В 1975 г. окончил исторический факультет Белорусского государственного университета по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения», а в 1983 г. – аспирантуру БГУ. В 1984 г. С. Т. Кавецкий успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук «Роль трудового коллектива промышленного предприятия в рациональном использовании свободного времени (на материалах БССР)»

в совете по защите диссертаций при Белорусском государственном университете.

Свою трудовую деятельность С. Т. Кавецкий начинал преподавателем кафедры научного коммунизма Минского радиотехнического института. С 1985 г., переехав в Брест, Святослав Тихонович связал свою судьбу с Брестским государственным университетом имени А. С. Пушкина (тогда – педагогическим институтом): начинал старшим преподавателем, затем, с 1986 г., работал доцентом кафедры научного коммунизма, которая позднее была преобразована в кафедру политологии и социологии.

В 1991 г. С. Т. Кавецкому было присвоено ученое звание доцента.

С самого начала своей научно-педагогической деятельности Святослав Тихонович показал себя активным, творческим преподавателем. Заседания дискуссионного клуба, которым он руководил, во второй половине 1980-х гг. нередко собирали многочисленные аудитории, причем это были не только студенты, но и другие заинтересованные обсуждаемой темой люди.

Начало 1990-х гг. стало судьбоносным в научной биографии доцента Кавецкого. В 1991 г. он закончил Высшие социологические курсы Института социологии АН СССР, и с тех пор его научные интересы оказываются неразрывно связанными с такой наукой, как социология.

Следует сказать, что серьезные социологические исследования в Брестском государственном педагогическом институте проводились еще в 1960-е гг. А в 1970–80-е гг. наш вуз стал настоящим региональным социологическим центром. Кафедру социологии, политологии и права долгие годы возглавлял вице-президент Белорусской социологической ассоциации профессор В. В. Коклюхин. В начале 1990-х гг. при кафедре была создана социологическая группа «Шчырасць», работу которой возглавил Святослав Тихонович Кавецкий. Группа «Шчырасць» проводила социологические опросы (в том числе телефонные), маркетинговые социологические исследования для коммерческих структур, составляла всевозможные рейтинги, участвовала в создании предвы-

борного имиджа во время электоральных кампаний, проводила консультации и социологические экспертизы. Можно сказать, что ни одно общереспубликанское исследование не проходило без участия брестских социологов.

В марте 2003 г. при участии Святослава Тихоновича Кавецкого была создана университетская учебно-методическая социологическая лаборатория, которая много лет работала в БрГУ имени А. С. Пушкина.

Можно с уверенностью сказать, что всю свою жизнь Святослав Тихонович посвятил прикладной социологии и социологическому анализу белорусского общества. Его научные интересы концентрировались вокруг проблем аномии, отчуждения, девиантного поведения, социополитологии. Святослав Тихонович оставил после себя более двухсот публикаций научного, методологического, публицистического характера, в том числе монографии «Брестский социологический барометр», «Аномия: теория и социальная практика», «Аномия: истоки и современность». В двух монографиях, посвященных исследованиям проблем аномии, рассматриваются исследования аномальных явлений в истории философской мысли и современные аномалии (девиантное поведение, социокультурная травма) в реалиях трансформационного общества на постсоветском и постсоциалистическом пространстве.

Святослав Тихонович активно занимался общественной работой. Он был руководителем общества «Знание» в БрГУ имени А. С. Пушкина, постоянно избирался в состав правления областной и республиканской организации общества «Знание». Часто выступал с публичными лекциями в трудовых коллективах г. Бреста и Брестской области. Он награжден грамотами Брестского областного и городского исполнительных комитетов.

Святослав Тихонович отличался добросовестным отношением к научной и преподавательской деятельности, был внимательным к студентам и коллегам, чутким, отзывчивым и скромным человеком. Он пользовался заслуженным уважением студентов, преподавателей и сотрудников университета.

Святослав Тихонович был всесторонне образованным человеком, прекрасным собеседником и рассказчиком. Поражала не только его широкая профессиональная эрудированность, но и познания в самых разных сферах жизни, особенно в спорте: он мог долго и в деталях рассказывать о ходе любого спортивного состязания...

В памяти коллег С. Т. Кавецкий останется прекрасным специалистом, преданным своему делу, мудрым педагогом и добрым человеком. Светлый образ Святослава Тихоновича сохранится в памяти всех, кто его знал.

Е. В. Скакун,
заведующий кафедрой политологии и социологии БрГУ имени А. С. Пушкина
А. В. Климович,
доцент кафедры философии и экономики БрГУ имени А. С. Пушкина

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 29.06.2022. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 17,21. Ул.-выд. арк. 13,22. Тыраж 100 экз. Заказ № 195.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.